

ПРОПАСТЬ

Часть 1. Прогноз

А за окном был другой мир — мир, сотканный из страха и отчаяния, боли и слез. Там текла иная жизнь. Жизнь, где счастье — это кусок хлеба, свободная скамеечка, да и просто радость проснуться утром, не став за ночь жертвой людской жестокости. Угрюмых обитателей этого мира принято не замечать. Но лучше ли мы? Можем ли похвастаться, что окажись мы сами в тех жерновах судьбы, мы бы непременно не сломались? Нашли бы силы встать, отряхнуться и идти дальше? А можем ли мы с уверенностью сказать, что уж с нами подобное точно не случится?! А может, уже начат и наш полет в пропасть?!

Глава 1. Наследница

Питер. Утро. Кабинет следователя

Молодой выхоленный мужчина на вид лет тридцати-тридцати двух, небрежно рассевшись на стуле, задумчиво разглядывал миловидное личико совсем еще молоденькой девушки-следователя. Она стояла у окна и делала вид, будто совсем не замечает этого пристального, немного снисходительного и до неприличия нахального тяжелого взгляда. Но сковавшее ее напряжение не могло укрыться от глаз опытного искусителя и вызывало лишь легкую усмешку на его губах. Сейчас он чем-то напоминал заевшегося кота, с тоской глядящего на кусок отварного мяса, который вроде бы и можно было бы сожрать, да уже не лезет. Примерно так же лениво он рассматривал в эту минуту хрупкую фигурку, закутанную в безобразно бесформенный глухой костюм, под которым наверняка спряталась маленькая испуганная девочка с большими голубыми глазами... «Да и распущенные волосы ей пошли бы куда больше! А еще она наверняка покраснеет, если до нее вдруг невзначай дотронуться и немного задержаться. Впрочем, может все и не так вовсе...» — он вдруг представил ее хищницей, под видом невинной овечки завлекающей своих жертв... Ее демонстративное игнорирование его даже забавляло. Впрочем, это не его вина — в этом скучном, пропитанном пылью и бумагами кабинете больше и негде было взгляду остановиться, кроме как на этом юном, явно неопытном создании, изо всех сил старающемся выдавить из себя строгого следователя. «И что ж ты, девочка, забыла тут?» — раздумывал он. — «Определенно, при свечах да на шелковой простыне ты смотрелась бы куда лучше... И что вас так тянет на такую совсем не женскую работу?»

— Значит, так и будем молчать? — не то спросила, не то подытожила девушка, не выдержав до костей пробирающего взгляда.

— А что мне еще говорить? Я уже все сказал. Остается только дожидаться того радостного момента, когда Ваша, безусловно, светлая головка, наконец, поймет, что Ваши обвинения, милая девушка, абсолютно лишены всякого смысла.

— Прекратите паясничать! Я Вам не «милая девушка», а следователь прокуратуры! — ее щеки даже чуть порозовели от возмущения.

— Не суть важно, — голос мужчины в один миг утратил свой игривый настрой и стал серьезным. — Если Вы считаете себя следователем, то должны понимать, что красть почти 30 миллионов у самого себя, по крайней мере — глупо. И вместо того, чтобы искать действительно виновного, Вы крадете мое и свое время.

— Ну почему же глупо? — вскипела девушка, яростно сверля голубыми очами своего единственного на сегодняшний день подозреваемого. — Дмитрий Андреевич, что мы имеем? Со счета Вашей фирмы исчезают деньги. Доступ к счетам — только у Вас, насколько мне известно. Дела у Вас идут, прямо скажем, не очень. Так почему же глупо предположить, что Вы попросту решили обанкротить свою фирму? Может, наоборот, Вы слишком умны? Погаси Вы этими деньгами свои долги — остались бы ни с чем. А так раскидаете крохи, оставшиеся от обанкротившейся фирмы своим кредиторам, а сами останетесь с немалой суммой. Что скажете?

«Ну что за бред несет эта девка? Нет, определенно, еще немного, и я сам поверю в то, что украл у себя эти деньги...»

— Скажу, что это глупость, — вздохнул мужчина.

Понимая всю бесполезность этой беседы, он откинулся на спинку стула, уже в который раз убеждаясь, что в его постели эта девица была бы гораздо полезнее, нежели здесь. С таким следователем и денег он, скорее всего, уже не увидит, да и сам, чего доброго, за решетку угодит. Понимала бесполезность этого разговора и она — уж если он и задумал повернуть махинацию, то уж наверняка будет до конца отпираться, а доказательств у нее нет, как нет больше и подозреваемых...

Девушка подошла к столу, достала из ящика бумажку и положила перед мужчиной.

— Подпишите.

— Что это?

— Подписка о невыезде.

— На каком основании?! — его возмущению не было предела.

— На том основании, что Вы, гражданин Новак, являетесь главным и единственным подозреваемым. Подписывайте.

Дмитрий Андреевич Новак нервно теребил ручку, не решаясь поставить свою подпись на бумаге.

Приплыли... Завтра кровь из носу, но он должен быть в Москве. Этот контракт — единственный и, скорее всего, последний его шанс встать на ноги. Иначе — крах. И банкротство будет отнюдь не фиктивным, а самым настоящим... Мужчина переводил взгляд с бумаги на девушку, с девушки на бумагу.

— Неужели уже билеты купили на самолет? — не выдержала и съехидничала она, почти ликуя от его немного растерянного взгляда.

«А ты еще и дура!» — мысленно ответил он. «И все-таки, в ее руках сейчас будущее фирмы, а значит...» Мужчина положил ручку на стол и пристально посмотрел на девушку. Ни грамма спеси, ни грамма нахальства в его глазах сейчас не было.

— Послушайте, — пытался достучаться он до миловидной головушки. — Завтра мне необходимо быть в другом городе. Если меня там не будет, фирма действительно станет банкротом. Не фиктивным, а самым настоящим. Вы понимаете меня? Я не могу подписать эту бумажку.

— Ваша фирма уже банкрот, Дмитрий Андреевич. А вот чтобы Вы исчезли, в мои планы совсем не входит.

— Я не исчезну, — это было сказано так, что поверила даже она. — Елена Сергеевна, я обещаю Вам, через три дня я сам приду к Вам и подпишу все, что хотите. Но дайте мне эти три дня. Завтра в Москве должен быть заключен контракт. От этого зависит все. Если мы упустим его... денег на фирме нет, зарплату людям платить нечем. Десятки людей окажутся выброшенными на улицу. А Вы спросите кого угодно — я всегда платил вовремя и довольно неплохо, такую работу найти непросто, даже здесь. А у них семьи, дети. Вы действительно хотите, чтобы все рухнуло? Я не крал эти деньги. Я понятия не имею, кто мог их увести, но я подпишу все, что пожелаете. Хотите — можете арестовать. Но только дайте мне заключить этот контракт и спасти фирму.

— Насколько мне известно, у Вас есть партнер — Горин, если не ошибаюсь. Он вполне может поехать вместо Вас, — сухо отрезала девушка.

— Да. Есть. Вот только вряд ли Горин справится с этим. Он исполнитель, но не руководитель.

— Что ж Вы так неосмотрительно его в партнеры выбрали? — усмехнулась она.

— Мы с ним со школы вместе. Вот и все. Дружба дороже бизнеса.

«Ну вот может же нормально разговаривать, когда захочет!» — девушка смягчилась, увидев перед собой уже не нахального горе-бизнесмена Новака, а человека, который вроде действительно печется о благополучии своего дела и своих людей. Но если он врет? Если разыгрывает здесь тщательно продуманный спектакль? Да нет, не похоже — этот пижон явно не ожидал, что его в перемещении ограничат.

Мужчина выжидающе смотрел на следователя, пытаясь поймать ее чуть потеплевший взгляд. Она же колебалась — это ее первое самостоятельное дело, и если она упустит подозреваемого... Нет, определенно, начальство ее по головке не погладит! Да и приструнить этого наглого, уверенного в своей неотразимости типа было бы неплохо! И все же, спустя минуту мучительных раздумий, девушка забрала бумажку и выпалила:

— Жду Вас через три дня. Если попытаетесь исчезнуть...

— Я не исчезну, — оборвал он на полуслове. — Через три дня я буду здесь.

— Хорошо. Очень надеюсь на Вашу порядочность.

— Спасибо. Я не подведу, — в голосе Новака послышалось даже что-то, похожее на признательность.

Спустя два дня. Небольшой коттеджный поселок под Питером

Дела в Москве решились быстро. Весть о проблемах фирмы Новака в один миг разлетелась далеко за пределы славного города Питера, и, конечно же, никто не стал бы рисковать своими деньгами ради спасения без пяти минут банкрота. А потому, ни о каком контракте не могло быть и речи, о чем ему и было заявлено в первые же минуты встречи, на которую он возлагал такие надежды. С горя спустив остатки наличности в одном из столичных баров, оплакивая и судьбу своей фирмы, и свою собственную, а затем, почти сутки отоспавшись в номере гостиницы, Дмитрий Новак вернулся домой на день раньше запланированного.

Этим прекрасным ранним утром серебристая иномарка почти бесшумно подъехала к небольшому особняку. «Инга еще спит, наверно», — промелькнула в голове мысль о красавице-жене. Стараясь не шуметь, он вошел в дом и... остановился.

В доме, откуда-то сверху слышались голоса. Оба такие знакомые... Мужчина тихонько закрыл дверь и направился к лестнице — да, несомненно, Инга не одна и, похоже, не сильно скучает по своему мужу, вляпавшемуся во все неприятности, в какие только можно было вляпаться.

Через минуту он уже стоял на пороге собственной спальни, лицезрея не самую приятную картину. Голубки же, похоже, совсем не замечали его присутствия, упиваясь бессовестным осквернением супружеского ложа. Ни на секунду не дрогнув, лишь презрительно усмехнувшись, новоявленный «ветвистый рогоносец» подошел к кровати и демонстративно присел напротив любовников.

Первой его заметила Инга. Она подняла на мужа глаза и тут же побледнела. Какой нелепый фарс! Ее любовник, поглощенный «занятием», по-прежнему крепко прижимал к себе тело девушки, ритмично двигаясь в такт какой-то своей внутренней музыке и покрывая ее плечи сладострастными поцелуями.

— Дима? — растерянно проскулила Инга, зажатая довольно щупленьким телом паренька лет двадцати.

Девушка попыталась высвободиться, скинуть с себя паренька, но тот лишь крепче сжал

ее в своих объятиях, не обращая на ее попытки никакого внимания.

— Не мешай ему, — тихо приказал Новак ледяным тоном, наслаждаясь ее жалкими попытками привести себя в более подобающий для порядочной женщины вид.

Наконец, заметив хозяина дома, паренек замер и испуганно посмотрел на мужчину, так и не удосужившись слезть с жены своего шефа. Впрочем, тому было не до незадачливого любовника — Дмитрий не сводил глаз с супруги, а Инга в его пустом, абсолютно равнодушном к произошедшему взгляде читала свой приговор.

— А ты, Валера, молодец... Шустрый, — обратился обманутый муж к пареньку. — Да ты не останавливайся, и вообще вот тебе добрый совет старшего товарища — эта с*чка любит пожестче. Извините, что помешал. Продолжайте.

Мужчина похлопал парня по плечу, бросил снисходительно-презрительный взгляд на жену и направился к выходу. Нет, он, конечно, и сам не безгрешен, и насчет ее верности никогда иллюзий не питал, но сегодня Инга перешла все границы — неужели нельзя было удовлетворять свою похоть в каком-нибудь другом месте? Даже он никогда не позволял себе тащить своих любовниц в семейное ложе. Впрочем, о какой семье речь? Брачный контракт и синяя клясочка в паспорте — это еще далеко не семья! И все же было досадно. Постель придется сменить. Девочку, видимо, тоже.

— Дима! — выкрикнула девушка, со злостью сбросила с себя перепуганного Валеру и бросилась к двери, со всей силы захлопнувшейся прямо перед ее носом.

Инга обреченно прикрыла глаза, понимая, что сегодня ее сытой беспечной жизни пришел конец.

— Димка, — еле слышно прошептали пересохшие губы, а руки беспомощно опустились. Шаги мужа становились все глуше и глуше, через минуту громко хлопнула входная дверь, а еще через несколько секунд послышалось, как машина рванула с места и унеслась прочь.

— Инга, — теплые мужские руки осторожно коснулись ее дрожащих плеч и развернули к себе. — Только не говори, что ты так любишь его.

— Неужели ты не понимаешь? — девушка попыталась оттолкнуть парня, но тот резким движением припечатал ее к двери, загородив выход руками.

— Инга, успокойся!

— Он разведется со мной...

— И что? Невелика потеря!

— Не будь идиотом! — девушка вышла из себя, судорожно гадая, как удержать мужа.

— Да что ты так цепляешься за него?! — парень почти кричал.

— Да потому что он меня как котенка ненужного на улицу выбросит! — закричала она в ответ. — Куда мне деваться? В деревню свою возвращаться?! Он меня без всего оставит! У нас брачный договор и я уверена, что он сейчас поехал к своему дражайшему Сергеичу!

— Успокойся! Разведешься — я на тебе женюсь! И вообще, ему сейчас не до тебя, у него фирма разваливается... Может, обойдется еще!

— Не обойдется, — обреченно вздохнула она. — Валер, уходи. Мне нужно сейчас побыть одной.

— Не дожدهйся, — парень приблизился к ней вплотную, пытаясь поймать ее недовольно сложенные губки.

— Подожди! — глаза девушки вдруг засветились каким-то особенным светом.

— Неужели что-то придумала? — Валера даже чуть отстранился.

— Да! Скажи, я могу на тебя надеяться?

— Конечно! Любимая моя, ради тебя что угодно сделаю, неужели ты до сих пор не поняла это!

Инга перестала вырываться, руки ее мягко легли парню на грудь и проскользили к шее, едва не заставив его замурчать от удовольствия.

— Не дразни меня, девочка, — прижимаясь к ней всем своим абсолютно голым телом, прошептал Валера.

— Ты ведь любишь меня?

— Люблю, конечно. Ну же, не томи, что ты там придумала?

Инга вцепилась в его плечи и потянулась к губам.

— Инга? — не в силах совладать с собственным телом, паренек лишь крепче вжал ее в стену и припал к желанным губам.

— Его нужно остановить, — прошептала она, даря любовнику глубокий сладостный поцелуй.

— Как? — Валера на миг оторвался от ее губ, сходя с ума от вновь охватившей его жажды обладания этим непредсказуемым созданием.

— Он не должен доехать до своего Сергеича...

— Что ты предлагаешь? — покрывая поцелуями бархатную кожу, допытывался парень.

Инга чуть отстранилась, заставляя его прийти в себя и посмотреть ей в глаза.

— Он. Не должен. Доехать. До Сергеича, — повторила она, будто молотком вбивая каждое слово в его помутившийся от страсти разум.

Смысл ее слов постепенно доходил до несчастного влюбленного юноши.

— Инга, ты же не хочешь сказать...

— Мне все равно, как. Останови его.

— Ты с ума сошла! Нет, я не смогу...

Валера попытался отойти от возлюбленной, но девушка слишком хорошо знала все его слабые места, главным из которых была она сама.

— Прощу тебя, — ей не составило труда вернуть его в свой омут, — ради нас обоих. Он ведь не только меня выкинет, но и тебя уволит...

— Инга, на что ты меня толкаешь?!

Девушка обняла его, а уже через мгновение парень стоял, прислонившись к стене, дрожа всем телом от охватившей его страсти. Губы Инги медленно и жадно скользили по плечам, опускаясь на грудь, прокладывая дорожку к животу все ниже и ниже... Нет, с этой бестией бесполезно спорить!

— Он же все-таки живой человек, — простонал он, задыхаясь. — Нет, нет! И еще раз нет! Я не буду никого убивать!

Инга будто не слышала его. Продолжая заводить его все больше и больше, она опускалась все ниже и ниже. Его тело больше не подчинялось ему, отдаваясь во власть самых смелых ласк, лишая своего хозяина последнего рассудка.

— Что ты делаешь со мной? Это запрещенный прием, Инга...

— Я замуж за тебя выйду, хочешь? Я все для тебя сделаю... Ну скажи, чего ты хочешь? Хочешь, будем Димкиной фирмой вместе рулить? Я тебя своей правой рукой сделаю, — шептала она, на мгновение прерывая горячие поцелуи.

— Чем там рулить? Он же банкрот! Говорят, ни копейки не осталось, — прошептал он, не в силах противостоять ее прикосновениям.

— Ерунда. Я знаю, где его деньги.

— Знаешь?!

Парень от удивления открыл глаза и посмотрел на выгнувшуюся кошечку, которая ни на секунду не дрогнув, продолжала стоять на коленях и делать свое дело, сводя с ума уже давно потерявшего голову молодого самца.

— Ну что ты так смотришь на меня? Да, со мной нужно дружить. Так что расслабься и получай удовольствие!

— Ну ты и стерва! — в голосе Валеры послышалось даже восхищение; паренек прикрыл глаза, понимая, что больше не в силах ни спорить, ни противиться ей.

— Ты даже не представляешь, какая! — Инга улыбнулась — победа близка, еще пара умелых движений и он окончательно растает, он сделает все, о чем бы она ни попросила! Ощущение власти пьянило... И силу своей власти над ним Инга слишком хорошо осознавала, чтобы ею пренебрегать — этот мальчишка кого угодно убьет за то, чтобы вновь попасть в ее сладостный плен...

— Ну так что, хочешь жениться на мне?

— Хочу, — сорвалось с его губ вместе со стоном. — Я все для тебя сделаю...

— Останови его...

— Я все сделаю.

Спустя час. Питер.

Серебристый, абсолютно новенький, словно только сошедший с конвейера "БМВ" плавно скользил по пока еще пустой набережной канала. Вопреки привычно сумрачной и промозглой питерской погоде, сегодня яркое солнце светило прямо в лицо водителю. Мужчина поморщился и достал очки. Если бы не навалившиеся на него со всех сторон неприятности, он вполне мог бы сегодня устроить себе выходной и отправиться куда-нибудь на природу — собрать друзей да проводить лето отменными шашлыками, а может, просто устроить себе маленький уикенд на двоих с Ингой. «Инга...», — мужчина тяжело вздохнул, вспоминая хрупкую смазливую брюнетку, в результате его собственной глупости ставшую ему женой. И все же, несмотря на, мягко говоря, неприятный, весьма досадный сюрприз, преподнесенный дорогой женой в его собственном доме, сейчас Инга интересовала его меньше всего. «Надо же, — удивлялся он самому себе, — а ведь даже ни разу не екнуло...» Мужчина сделал музыку погромче и прибавил газу — надо бы успеть застать Сергеича дома, а то потом через весь город в его контору придется ехать, а потом еще полдня в пробках стоять, чтобы до прокуратуры добраться... «Может, позвонить? Предупредить? Нет, начнет расспрашивать, а это разговор не телефонный».

А тем временем в небольшом особняке под Питером молодая девушка лет двадцати подошла к столику и налила бокал коньяка. Ее ухоженные руки с идеальным маникюром чуть дрожали — если Валера струсит, ей конец... Новак оставит ее без всего! А Сергеич, этот до тошноты преданный Димке «бумагокопатель», как давно окрестила его Инга, а по сути — внештатный юрист, личная «карманная собачка» Новака, сделает все возможное и невозможное, чтобы как можно скорее лишить ее возможности человеческого существования — ведь ее, Ингу, он ненавидит едва ли не с первой минуты их знакомства... Странно, как он вообще допустил, чтобы его ненаглядный Димочка женился на ней! Наверно, надо сказать спасибо Димкиному упрямству — уж если он что-то решит, никто его

не остановит!

«Да что ж ты не звонишь?!» — в сердцах воскликнула Инга, уже в который раз проверяя телефон.

Черная иномарка добавила газу и через несколько секунд подрезала «БМВ».

— Ну что еще? — выругался водитель, едва успев затормозить.

Эту машину он узнал сразу. Похоже, весь мир сегодня ополчился против него. Мужчина чертыхнулся, но все же некоторое любопытство взяло верх — даже интересно, что этот щенок так жаждет ему сказать. Паренек вышел из машины, сделал пару шагов в сторону «БМВ» и... В руках парня сверкнул пистолет. Рука его чуть дрожала, выдавая волнение — еще бы, не каждый день приходится наставлять оружие на собственного шефа. Теперь главное — не промахнуться, назад дороги нет. Взгляды мужчин встретились — немного испуганный, но все же полный решимости взгляд палача, и удивленный, ничего не понимающий взгляд мужчины в водительском кресле.

— Валера?! Какого черта? — не понял он, судорожно ища путь отступления.

Всего несколько секунд замешательства незадачливого убийцы и целый ворох мыслей жертвы.

— Дурак ты, Валера, — в тихом спокойном голосе молодого мужчины послышалось искреннее сожаление.

Мальчишка медленно опустил дрожащую руку. Нет, не убийца он и никогда им не станет! Стрелять в живого человека он не будет даже ради нее, своей Инги — просто не сможет. Валера развернулся и чуть шатаясь, направился к машине — теперь все кончено, Новак никогда не простит ему наставленного пистолета.

Димка выдохнул и прикрыл глаза — неужели пронесло?! Животный страх, отчаяние, злость раздирали его на части. С трудом взяв себя в руки, мужчина нажал на педаль газа и рванул вперед. Он мог бы прямо сейчас размазать мальчишку по асфальту колесами своей новенькой, такой чистенькой «Бэхи», но, пожалев дурака, не понимающего, что сия овчинка, то есть Инга, выделки не стоит, мужчина лишь выругался и, обогнув стоящую иномарку, помчался прочь.

Машина мчалась по набережной, будто управляемая чьей-то невидимой рукой. Водитель же, казалось, ничего не видел и не слышал. Дрожащие руки вцепились в руль, а перед глазами все еще было направленное на него оружие. «Неужели он мог выстрелить? Неужели смог поднять руку на меня из-за какой-то девчонки?! Неужели Инга так ненавидит меня, что возжелала моей смерти? Или так велик страх остаться ни с чем?! Неужели...» Он так и не успел понять, что же произошло, лишь руки машинально крутили руль, а нога со всей силы вжала на тормоз.

Машина вдруг подпрыгнула, развернулась на полной скорости, пересекла разделительную полосу... Димка, наконец, пришел в себя и попытался взять контроль над абсолютно неуправляемой машиной. Поздно. Слишком поздно. Всего несколько секунд, безвозвратно потерянных, и совсем новенькая немецкая иномарка с грохотом пробила ограждение канала и через мгновение с шумом вошла в воду.

Услышав шум, парень обернулся — в пятисот метрах от него иномарка шефа уже летела к ограждению. «Что за?!» Парень бросился к своей машине и через пару мгновений был уже на месте происшествия. Явно не ожидая такого развития событий, он подбежал к пробитому ограждению. Под толщей темной воды все труднее было различить светлое пятно, на

котором еще несколько мгновений назад так весело играли солнечные блики. Еще несколько секунд и машина совсем скрылась, превратившись в смертельную ловушку для его, теперь уже бывшего, шефа... Шок и легкая досада, обыкновенное человеческое сочувствие и нежелание принять, что смерть может быть столь нелепой, через несколько минут раздумий сменились облегчением — ни лишних подозрений со стороны полиции, ни угрызений совести... «Бедняга просто не справился с управлением. Не повезло», — рассудил паренек, задумчиво взирая на валяющуюся посреди дороги крышку люка — чья-то безалаберность сегодня стала причиной смерти. Впрочем, и его, Валеркина, вина в этом тоже есть, хоть и думать об этом совсем не хотелось — а ведь это из-за него Дмитрий Андреевич Новак, опытный водитель, не справился с потрясением, предательством и абсолютно перестал следить за дорогой; он попросту не заметил приоткрытый люк.

Да что теперь об этом говорить... Валера достал мобильник — теперь у них с Ингой будет иная жизнь.

Глава 2. Игрушка

Год спустя... Где-то в российской глубинке.

Большая трехэтажная коробка, гордо именуемая домом, расположилась на самой окраине небольшого городка с таким же гордым названием Величаевск. Да нет, городок, в принципе, неплохой — хоть и маленький, зато чистый! Зелени много, машин мало, да и люди неплохие, дружелюбные. Не все, конечно, но в большинстве своем! Тихий, спокойный городишка, которые еще встречаются порой там, куда веяния столиц не доходят в силу территориальной отдаленности от оных. Ну да ладно, и не нужны они, эти веяния — и так хорошо! Что хорошего в том, чтобы с утра до ночи гоняться за призрачными мечтами о том, как бы побольше накопить, куда бы выгоднее вложить, как получше устроиться?! А потом еще сиди и думай, как бы все это, накопленное непосильным трудом, не отняли! Где уж тут о высоком думать? Честь? Совесть? Справедливость? Милосердие? Ну да, красиво звучит, вот только некогда такой ерундой заниматься! Нет, есть, конечно, отдельные индивиды — их бы в Красную Книгу занести, но таких в мире цинизма и наживы, честно говоря, не очень любят — с чего их любить? Как говорится, не украсть, ни покарать! Впрочем, пока они все же есть, можно надеяться, что мир этот еще не совсем прогнил...

Молодая девушка лет двадцати двух небрежным жестом бросила большой бумажный пакет на скамью и села рядом. «Погода сегодня замечательная!» — легкая улыбка чуть коснулась губ девушки, впрочем, глаза её, несмотря на столь славный солнечный, но все же очень жаркий день, остались печальны. Квартиру в доме неподалеку, сразу же за парком, в той самой «трехэтажной коробке», она сняла совсем недавно по настоянию своего жениха — тот жил рядом, и, получив отказ девушки поселиться на его жилплощади до свадьбы, настоял на том, чтобы она хотя бы жила рядом. Он и квартиру ей эту нашел, и снял, только бы иметь возможность видаться с ней почаще. Впрочем, квартира ей понравилась сразу — хоть сам дом элитным не назовешь, но квартиры в нем вполне приличные. Но особенно порадовал девушку этот островок зелени — небольшой парк, раскинувшийся прямо под ее окнами.

Ноги гудели, настроение застряло на нулевой отметке. В нескольких шагах от лавочки остановилась влюбленная парочка — парень на пару шагов обогнал свою спутницу, поймал в свои объятия и стал что-то нашептывать, наверняка, очень приятное, романтическое. Девушка невольно залюбовалась этой парочкой — такие счастливые, влюбленные... Будто волшебная аура исходила от них. Образ жениха тут же всплыл в ее памяти — нет, у них такого не было. Были долгие прогулки по ночным опустевшим улицам, свидания в дорогих ресторанах, огромные охапки роскошных роз, от которых девушки, видимо, должны таять по умолчанию, но вот этой нежности, этой теплоты, когда сам воздух вдруг пропитывается волшебством, у них не было.

Девушка вздохнула, но совсем не зависть царапала ей душу, только легкое сожаление, лишь извечный вопрос — а верно ли она поступила, что согласилась выйти замуж за одного из самых завидных женихов уж если не страны, то Величаевска точно. Нехотя, она встала и направилась к подъезду.

Забросив пакет в шкаф, девушка достала мобильник.

— Вик, привет. Я уже дома, хочешь — приходи.

— Уже бегу, подруга, — раздался в трубке веселый девичий голосок.

— Жду.

Едва она нажала отбой, как в дверь позвонили.

«Ну не могла же Вика телепортироваться!» — Юлька вышла из спальни и с досадой посмотрела в сторону входной двери. «Все, нет меня дома!» Но звонок вновь и вновь настойчиво требовал впустить неожиданных гостей. Не выдержав, девушка открыла.

— Юлька, ты чего не открываешь? Я уж думал, обознался — видел же вроде, как ты в подъезд вошла.

Молодой человек энергично влетел в квартиру, не дожидаясь особого приглашения.

— Вадим, мог бы и позвонить, прежде чем вламываться.

— Ну вообще-то, мне казалось, что для меня это правило уже не действует!

Девушка лишь вздохнула.

— Что-то случилось? Ты чего такая вялая?

— Вадим, отстань, все хорошо, просто чувствую себя неважно.

— Ааа, — протянул гость, видимо удовлетворившись таким ответом. — Ну ничего, это поправимо!

Не дожидаясь очередного приступа Юлькиного недовольства, Вадим подошел и властно заключил девушку в свои крепкие объятия. Юля не противилась — жених как никак, имеет право.

Объятия изголодавшегося молодого мужчины становились все страстнее и страстнее, казалось, останутся ожоги там, где касались горячие жадные губы молодой нежной кожи.

— Вадим, остановись... не надо, — девушка попыталась отстраниться, но парень, не обращая внимания, лишь мягко убрал ее руки и продолжил начатое.

— Ну что ты, недотрога? — тихо прошептал он. — Неужели ты сама этого не хочешь? Брось все эти великосветские замашки, ты — моя невеста, через неделю будешь уже женой...

Вадим говорил тихо, жарко, чуть прерывая становящиеся все более жадными поцелуи.

— Вот и подожди еще неделю, ты же обещал мне!

Парень отступил.

Сделав круг по прихожей, Вадим вернулся к девушке — он негодовал.

— Юль, ну вот объясни мне!

— Вадим, прошу тебя, уходи.

— Прекрасно! Может, тебе и свадьба эта не нужна, а? Так ты скажи, я тебя насильно тянуть не собираюсь!

Он старался держать себя в руках, но выходило у него это, мягко говоря, не очень. Дрожа от злости, он будто зверь, у которого нагло отобрали законную добычу, кружил вокруг девушки, тщетно пытающейся его утихомирить.

— Успокойся, я выйду за тебя замуж! Но сейчас прошу, оставь меня, я устала!

Покружив еще немного, парень со всей силы ударил ладонью по стене и ушел, не забыв хлопнуть дверью так, что Юлька невольно вздрогнула. «Ушел... Ну и славно!»

Свадьба... Она уже тысячу раз пожалела о том, что согласилась. Нет, Вадим отличный парень! О таких говорят — мечта! Молодой, красивый, самостоятельный, два высших образования, престижная работа... Сколько их, несчастных, мечтающих заполучить хоть капельку его внимания? А повезло ей, Юльке, ничем не приметной «серой мышке»!

Впрочем, может, поэтому и повезло? Немногие ведь способны не соблазниться и не броситься к ногам такого жениха по первому зову. А Юлька смогла. Даже послать смогла, когда он вдруг впервые позвал на свидание.

Обхватив коленки руками, сжавшись, словно желая превратиться в маленькую черную точку и растаять, а потом каким-то неведомым образом очутиться где-нибудь на другой планете, ну или хотя бы за пару тысяч километров отсюда, она сидела на кровати, пока очередной звонок в дверь не нарушил тишину.

На сей раз это была Вика. Веселая, звонкая, она ворвалась в квартиру, одним своим присутствием наполняя жилище какой-то особой аурой. Ей здесь были рады в любое время суток! Появление этой высокой заводной брюнетки, всегда элегантной и яркой, означало одно — любые проблемы и сомнения будут вдребезги изничтожены, и неважно каким способом — совместным оплакиванием или совместной попойкой, после которой, как говорится, и море по колено, и горы по плечу.

— Ну привет, подруга, отвечай — купила? — с порога защебетала девушка.

Плохо скрываемое женское любопытство невольно заставило Юльку рассмеяться.

— Ну вот, так-то лучше, а то кислая, как лимон, смотреть тошно. А теперь показывай!

По-хозяйски Вика протопала в гостиную и плюхнулась на старенькое, обтянутое какой-то немислимой блеклой тканью в ужасный цветочек кресло — откуда только такой раритет взялся? Неужели такие еще делают? Ну да ладно! Включив такой же допотопный телевизор, она ждала подругу.

Через пару минут в комнату вошла Юлька, шурша атласной тканью.

— Ну вот, как-то так, — немного смущаясь, констатировала она, обхватив руками плечи, будто стыдась.

Мда... Не так должна выглядеть девушка накануне собственной свадьбы. Вика задумчиво оглядела подругу. В общем-то неплохо — невычурно, в меру простенько, отлично подчеркивающее Юлькины достоинства, вот только б плечи сгорбленные поднять... И хоть для приличия дежурную улыбку нацепить.

— Юль, такое ощущение, будто ты не к свадьбе готовишься, а к походу на эшафот.

Юлька усмехнулась — а что, неплохое сравнение.

— Ты вообще уверена, что с таким настроем тебе она вообще нужна? — продолжила брюнетка колупать открытые раны.

— Да не нужна, Вик, — не сдержалась девушка, едва не плача.

— Не нужна. Тысячу раз уже пожалела...

— Зачем же тогда согласие дала?

— Да дура потому что! — руки девушки задрожали. — Испугалась, что одна останусь, никому не нужная... А Вадим вроде как любит, вот и подумала, пусть хоть кто-то счастлив будет. Дура...

— Совсем не нравится он тебе? — спросила Вика после недолгой паузы.

— Не люблю я его, понимаешь? Хороший он человек, но не мое... Да, он ласковый, внимательный, но...

Юлька замолчала, ища подходящие слова.

— Что «но»?

— Понимаешь, он когда прикасается ко мне, я ничего не чувствую... Совсем. Даже больше тебе скажу, я в такие моменты все чаще ловлю себя на мысли, что не хочу, чтобы он

даже прикасался ко мне, чтобы ушел, в покое оставил — вот чего хочу. И как мы жить-то с ним будем?

Да что тут возражать, дело ясное — не стерпится и не слюбится. Вика молча подошла и обняла подругу.

— Да, Юлька, дурная ты у меня... Ну а отменить? Вадим, мне кажется, должен понять. Может, поговоришь с ним?

— Поздно. Свадьба через неделю, все заказано, гости приглашены... Уже не отменишь. Если только развестись на следующее утро, — горько усмехнулась бестолковая невеста.

Девушки замолчали. Пожалуй, даже Вика сегодня не могла ничем помочь, разве что достанут они бутылку красного вина и напьются до чертиков... Сквозь щемящую тишину еле слышно мурлыкал телевизор, усугубляя и без того паршивое настроение очередными сводками новостей. Интересно, а в мире вообще что-нибудь хорошее происходит? Почему у нас говорят только о том, что кто-то где-то кого-то убил, кого-то обворовал, что там что-то взорвалось, а там опять кого-то посадили? «...Сегодня прекращены поиски пропавшего год назад Дмитрия Новака, напомним, в августе прошлого года он покинул свой дом под Санкт-Петербургом. Его автомобиль был найден в канале несколько...», — безучастно к рассказываемым событиям сухо декларировал женский голос.

— А знаешь, Юль, — задумчиво протянула Вика. — Вот самолеты падают — это трагедия, дети маленькие от рака умирают — это трагедия, в горячих точках мальчишки молодые тысячами гибнут — это трагедия, да вот хоть мужика этого взять — еще не старый, успешный вроде, жена молодая — красавица, а он рыбок кормит, семье даже похоронить нечего... А ты всего лишь замуж выходишь. И не за абы кого... Не гневи судьбу, есть беды пострашнее, в старину вообще молодые первый раз в глаза друг друга видели на венчании, и ничего — жили, детей рожали, даже разводов не было. А сейчас? Разведетесь и все дела.

Юлька усмехнулась — Вика, как всегда, права...

— Иди, переодевайся, — брюнетка выпустила подругу из объятий. — А я пока чайник поставлю, я, между прочим, с пироженками к тебе пришла, твоими любимыми!

Переодевшись, Юлька вошла на кухню и задумчиво уселась за стол, ожидая свою порцию ароматного чая — у Вики все всегда по правилам! Потому и чай получается особенно вкусным — в меру крепким, в меру мягким, Юльке так никогда не научиться. Но вот сегодня и аромат земляники, заполнивший пространство, не радовал.

— А знаешь, — заявила Вика, разливая по кружкам ароматную янтарную жидкость, — пойдем-ка сегодня в клуб! Оторвемся по полной! Напляшемся, напьемся, на людей посмотрим да себя покажем! Уж если столь «радостного» события не избежать, то мы просто обязаны устроить девичник! Надо же как-то подсластить эту горькую пилюлю, а?

Юлька очнулась от своих мыслей, посмотрела на подругу и рассмеялась.

— Вик, с тобой не соскучишься. А знаешь, как это ни странно, а я согласна — напьемся, и гори оно все...

— Ну вот и договорились. Заеду за тобой в восемь. А теперь пей чай, зря что ли я старалась?!

Гулять так гулять! Как и обещала, Вика приехала ровно в восемь, а через десять минут они уже всюю зажигали в ритм музыке, а спустя еще пять минут возле Юльки уже вился какой-то чудак.

— Могу я чем-то Вам помочь? — пытался перекричать музыку мужчина лет сорока,

непонятно каким ветром занесенный в эту обитель греха.

Юлька обернулась и рассмеялась, то ли от выпитого алкоголя, то ли от удивления себе самой — дожилась, сорокалетние клеиться начинают...

— Нет, мне не нужна помощь! — прокричала она в ответ, смерив мужчину высокомерным взглядом — не там он девочек на ночь ищет.

Мужчина пожал плечами, а потом вдруг рассмеялся.

— Да нет, Вы не так меня поняли, я вообще женат — глубоко и счастливо! Просто наблюдаю за Вами уже некоторое время — Вы очень грустная, вот и решил спросить...

Девушка улыбнулась, но уже более дружелюбно. Удивительно, бывает, встречаешь абсолютно незнакомого человека, а через минуту уже чувствуешь себя так, будто вы дружите уже не один десяток лет.

— Вы меня тоже простите, — извинилась Юлька, — просто у меня свадьба скоро, вот, приходится отшивать всех.

— Понятно, — кивнул мужчина, не сводя внимательных глаз с девушки.

Вдоволь натанцевавшись, подруги направились в бар — сегодня они просто обязаны выпить!

— Будем тусить до утра? — спросила Вика, лукаво глядя на подругу.

— А почему бы и нет?

Надо сказать, что прописанное Викой лекарство в виде этого абсолютно пустого и никому ненужного похода в самое злочестное место Величаевска, Юлька принимала добросовестно. Упиваясь музыкой и алкоголем, она изо всех сил старалась быть веселой и заводной. И, похоже, ей это удавалось. Почти. В ожидании очередного бокала Мартини, она не заметила, как тот самый мужчина с танцпола присел рядом и заказал обыкновенной минералки.

— Алкоголь Вам не поможет, — заявил он, не поворачивая головы.

От столь наглого вторжения в почти достроенный замок Юлькиных иллюзий, улыбка девушки моментально слетела с лица. Кажется, она даже протрезвела.

— Что, простите? — переспросила девушка, так же, не поворачивая головы к собеседнику, где-то в глубине души надеясь, что фраза была обращена не к ней.

— Я говорю, перестаньте напиваться, Вам не идет.

— Слушайте, какого лешего? Вам здесь больше заняться нечем?!

— Вы совершаете огромную ошибку, — прервал ее праведный гнев бесцеремонный спокойный голос. — Не нужно делать то, чего Вам так не хочется.

— С чего Вы взяли... Кто Вы?

Мужчина усмехнулся и, наконец, посмотрел на собеседницу.

— Успокойтесь, никто. У Вас на лице все написано. Свадьба говорите? Но Вы не любите своего избранника, и своим непонятным, но смелым шагом рискуете поломать кучу судеб, и в первую очередь, свою собственную.

— Да что Вы прицепились ко мне?

— Да не прицепился, — мужчина допил воду и вернул стакан бармену. — Просто когда-то тоже делал глупости. Впрочем, решать Вам.

Незнакомец расплатился и покинул клуб, оставив ошарашенную Юльку в полной прострации. Простые слова постороннего человека вырвали наружу все то, что она сама прекрасно знала, но от чего она так упорно пыталась спрятаться. «Я сломаю жизнь и себе, и ему... Господи, что я же делаю...»

— Вик, я, пожалуй, пойду домой, — вдруг сказала она подруге, с интересом наблюдавшей за странным диалогом двух абсолютно незнакомых людей.

— Ну давай еще хотя бы часок посидим, а?

— Нет, Вик, ты оставайся, а мне действительно нужно проветриться.

Брюнетка лишь пожала плечами.

— Такси будешь вызывать?

— Нет, пешком дойду, тут идти-то всего ничего.

— Ну смотри, созвонимся завтра.

— Пока! И спасибо тебе, что выгнала меня сюда.

Ночная прохлада, словно глоток родниковой воды среди пустыни. Чуть оглядываясь, девушка пересекла пару кварталов и вскоре уже стояла перед воротами своего парка — еще пять минут и дома! Легкое чувство опьянения пока еще не покинуло ее, и, тем не менее, разум был чист как никогда. Выбегая из клуба, Юлька втайне надеялась, что догонит незнакомца, так просто расставившего все по полочкам в ее голове, но того уже и след простыл. И все-таки он прав. «Завтра же я поговорю с Вадимом», — решила она, но, оказавшись в каких-то двухстах метрах от дома, изменила свое решение.

Она в нерешительности остановилась возле ворот, вглядываясь в непроглядную тьму парка. Похоже, инстинкт самосохранения, наконец, проснулся, протер глазки и теперь, удивленный беспечностью своей протрезвевшей хозяйки изо всех сил пытался договориться со все еще немного подкашивающимися длинными ногами, слегка прикрытыми лишь коротеньким платицем. Юлька оглянулась. Никого. Лишь сонно журчит фонтан. Взвесив все «за» и «против», девушка достала мобильник — уж до дома-то он ее проводит, а заодно и она поговорит с ним, пока не передумала.

— Вадим, — робко проговорила девушка, пытаясь понять, остыл он после сегодняшнего инцидента или все еще дует на нее.

— Юлька? — удивился он столь позднему звонку. — Что случилось?

— Да нет, все в порядке. Просто... Вадим, ты не мог бы меня встретить?

— А где ты? — после некоторой паузы спросил парень.

— Я возле фонтана. В парке, как всегда, ни одного фонаря...

— Юль, — прервал Вадим, — ты прости, просто... Я на работе еще.

— Где?! Вадим, какая работа? Два часа ночи!

— Да у нас завал тут полный, к налоговой проверке готовимся...

— Ясно, — девушка кипела от обиды.

— Ты как-нибудь аккуратненько, ладно? А придешь — отзвонись, хорошо?

Не отвечая, Юлька нажала отбой. «Женишок... Ну и ладно, это был последний раз, когда я о чем-то просила тебя!» Выругавшись с досады, девушка осторожно, стараясь не скрипеть, приоткрыла ворота и нырнула внутрь.

Прислушиваясь к каждому шороху, она почти бежала по аллейке, гонимая каким-то животным страхом. Тишина пугала. Вообще, этот район считался одним из самых тихих и безопасных, но для не имеющей привычки шататься по ночам девушки, этот страх был вполне объясним. Тихо как мышь, стараясь не стучать каблуками, она метр за метром преодолевала расстояние.

И все же, небольшое недоразумение, случившееся с ней, когда она прошла уже почти половину пути, едва не заставило ее закричать.

Бомж. Устроившись на ночлег в тихом опустевшем парке, он не на шутку напугал и без того перепуганную Юльку. Она чуть вскрикнула и словно от неведомого чудовища отпрыгнула на другую сторону аллеи. А он просто мирно спал на лавочке. Проснувшись от шума, он чуть приподнял голову, посмотрел на нарушительницу его, бомжиного, покоя, недовольно вздохнул и, перевернувшись на другой бок, продолжил ночлег. Но напуганная девушка рванула вперед так, что едва не подвернула ногу. «Когда же у нас порядки наведут?» — с негодованием подумала она. — «Куда только милиция смотрит? Ни одного фонаря, зато бомжей развели!» Пробежав еще несколько метров, девушка успокоилась — впереди показался свет! Единственный фонарь почти у самого подъезда дома! Все еще опасаясь, что бродяге вздумается поплестись следом за ней, она, наконец, выдохнула и уже более уверенным шагом направилась к свету — всего пара минут и, захлопнув за собой дверь, она отдастся в ласковые объятия теплой постели!

— Ба! Вот это подарочек!

Они возникли перед ней будто из ниоткуда. Просто три мужские фигуры вдруг выросли перед ней, загородив выход из парка.

— Ммм, пацаны, нам, кажется, сегодня повезло, — протянул один из них.

— Ребят, я спешу, — промямлила девушка, все еще надеясь без приключений добраться до своей квартиры.

— Что ж ты одна по паркам гуляешь? — нарочито заботливо спросил темноволосый парень напротив. — Давай проводим?

— Нет, спасибо, я уже пришла.

Юлька выдавила из себя улыбку и попыталась обойти компанию.

— Да куда ж ты так спешишь?

Крепкие горячие руки бесцеремонно обхватили ее и оттащили к ограде.

— Мы вот сидим, скучаем, а погода-то смотри, какая чудесная! Посиди с нами, красавица, мы мальчишки хорошие, не бойся! — на лице брюнета появилась белозубая улыбка.

Теперь, при свете фонаря она могла его хорошо разглядеть. Высокий, немного смуглый парень стоял перед ней, скользя похотливым взглядом по не прикрытым платьем участкам кожи.

— Убери руки, — яростно прошипела она, пытаясь вырваться из крепких объятий белобрысого.

Но белобрысый лишь до боли крепко прижал девушку к себе, не забыв как бы «случайно» облапать грудь. Третий же стоял в стороне и с такой же мерзкой улыбкой наблюдал за ее жалкими попытками высвободиться.

— Рустик, а она вкусно пахнет! — протянул белобрысый.

— Обожаю! — темноволосый в предвкушении закатил глаза.

Резкий толчок, и, на мгновение почувствовав себя свободной, девушка оказалась в руках довольного Рустика.

— Я закричу! — в отчаянии заявила Юлька.

Резкий толчок, и девушка со всей силы влетела в решетку, едва успев подставить руки. Если бы он не заткнул ей своей ладонью рот, она бы непременно сейчас получила бы огромный синяк. Темноволосый, впечатав свою жертву в железные прутья, склонился над ухом, и нервно заявил:

— Закричишь — будут твои останки по всему городу собирать, поняла?

Понимая, что ей не убежать, перепуганная насмерть девушка кивнула.

— Молодец, — похвалил парень. — Я сейчас уберу руку, а ты будешь делать все, что я тебе скажу, договорились?

Юлька кивнула.

— Ну вот и хорошо, — парень убрал руку и развернул Юльку лицом к себе.

Юлька задыхалась, тщетно пытаясь надышаться свежим воздухом. Только сейчас, оказавшись лицом к лицу к темноволосому, она почувствовала стойкий запах перегара.

— Пацаны, вы ж не против, если я первым вкушу этот плод? — довольно ухмыляясь, не спуская глаз с едва живой от страха девушки, бросил он в сторону друзей.

— Разумеется! Сегодня же твоя днюха! — хихикнул кто-то из парней.

Как по команде, они рассыпались по «постам» — один встал у самой аллеи, на «шухер», другой «подстраховывал», стоя неподалеку, а «именинник» оттащил девушку немного вглубь парка и вжал в решетку.

— Красивая, — протянул он, касаясь ее кожи.

— Я прошу, не надо, — пролепетала Юлька, пытаясь увернуться от наглых рук.

Она вдруг вспомнила Вадима... Да, не зря ж говорят, все познается в сравнении! Окажись он сейчас рядом, она бы сделала для него все, без лишних слов пошла бы на все, чего бы тот ни пожелал, только бы не оказаться в той ситуации, в которой она находилась сейчас... Она так не хотела этой свадьбы — что ж, похоже проблема решится сама собой. Она видела их лица, а значит, если они не дураки, сегодня же она отправится в иной мир... Если же они великодушно отпустят ее после всего, то свадьбы не будет уже по «уважительной» причине...

— Советую не рыпаться и получать удовольствие, — тихо промурлыкал парень, прижимаясь к ней все сильнее.

— У меня свадьба через неделю, — будто цепляясь за последний аргумент, прохныкала Юлька, и слеза, не удержавшись, покатила по бледной щеке.

— Поздравляю, а у меня день рождения сегодня — вот и отметим.

Рука парня скользнула к шее в полной готовности вцепиться в нее мертвой хваткой, если вдруг девчонке вздумается издать хоть звук. Глядя в наполненные слезами глаза своей жертвы, темноволосый принялся остервенело расстегивать штаны.

Задыхаясь от ужаса и абсолютной беспомощности, Юлька готова была закричать, но ни единого звука не вышло из вмиг пересохшего горла, лишь беззвучно дрожали губы, моля отпустить ее. «Не надо, прошу, пожалуйста! Кто-нибудь, помогите же!»

Расправившись со штанами, горячая, чуть влажная и немного шершавая мужская рука скользнула под платье, заставив Юльку непроизвольно взвизгнуть и дернуться в жалкой попытке спасти свою честь.

— Оставь девчонку! — прохрипел чей-то голос.

Сильный толчок, и Юлька приземлилась на холодную влажную траву.

— Тебе-то что? — мучимый неутоленным желанием насильник достал нож и бросился в сторону аллеи.

На какое-то время оставшаяся на свободе Юлька, словно отрешенная, вжалась в решетку, не понимая, что происходит. Бежать бы! Но ужас, сковавший ее, не давал даже пошевелиться. В нескольких метрах от нее шла борьба. Трое. Против одного. Случайного прохожего, осмелившегося защитить ее... Едва дыша, она не заметила, как борьба прекратилась и настала тишина, еще несколько минут назад так пугавшая ее, теперь же —

такая желанная.

— Убежали, — прохрипел все тот же голос гораздо ближе.

Юлька пришла в себя и подняла заплаканные глаза на своего спасителя.

Он сидел на корточках напротив, чуть поодаль от нее, будто не решаясь выйти из-за кустарников и показаться при свете фонаря. Однако то, что она увидела, испугало ее, пожалуй, ничуть не меньше, чем если бы за ней вернулись подонки.

— Тсс, — божж предупредительно приложил палец к потрескавшимся, почти черным, губам. — Не шуми.

Юлька нервно зашевелилась, словно пытаясь уйти прямо через решетку. Сквозь длинную засаленную челку, выпадающую из-под грязной вязаной шапочки, на нее в упор, с неподдельным любопытством и интересом всматривались полупьяные глаза. Изучив молодое тело, слегка прикрытое коротким задравшимся платьицем, божж с усмешкой заглянул в ее полные ужаса глаза, встал, чуть шатаясь, сделал несколько шагов, и, чуть обернувшись к девушке, проговорил:

— Не лучшее время для прогулок...

Как она влетела в квартиру, она не помнила. Очнулась она уже в ванной, нежась в теплой воде. В эту беспокойную ночь ей так и не удалось заснуть — до мельчайших подробностей она вспоминала ночное происшествие. Пронзительная неприятная дрожь никак не желала покидать свою хозяйку, и лишь журчание воды то и дело возвращало девушку в реальность — все позади, все обошлось. Едва рассвело, Юлька оделась и побежала к Вадиму — даже если он все еще на работе, она прождет его, сколько потребуется, но она просто не может больше находиться одна!

Он открыл не сразу, словно не желая никого видеть этим ранним утром. Увидев на пороге встревоженную Юльку, парень отступил вглубь квартиры — уж кого угодно, но только не ее он ожидал увидеть.

— Юль? — осторожно спросил он, напрочь забыв о вчерашнем инциденте. — Что случилось?

Юлька прошла в квартиру, недоверчиво разглядывая смуглое обнаженное тело, наспех обмотанное пушистым полотенцем.

— В душе был, — как-то неуверенно пояснил он, уловив ее рассеянный взгляд. — Что случилось-то, Юль?

Впрочем, девушке было не до объяснений — раздираемая на две части, одна из которых толкала ее упасть в крепкие мужские объятия, а другая требовала проклинать его за то, что он не проводил ее этой ночью, она лишь хлопнула носом, пытаясь сдержать слезы.

— Юль, — протянул Вадим, прижав девушку к себе. — Так, давай рассказывай...

— Я... я не знаю, что рассказывать, — прошептала девушка. — Ты прости меня за вчерашнее, ладно?

— Юлька, только не говори, что ты плачешь из-за этого.

— Нет.

Девушка вытерла слезы и чуть отстранилась от парня.

— Вадим, ну где ты?! — послышался недовольный женский голос, доносящийся из спальни.

Девушка моментально ошетинилась и, даже не взглянув на парня, направилась в сторону комнаты.

— Нет, не ходи туда, прошу тебя, — одним прыжком побледневший Вадим преградил путь. — Я все тебе объясню, это не то...

Одного Юлькиного взгляда хватило бы сейчас, чтобы заморозить целую роту.

— Работа значит? — тихо сказала она, больше обращаясь к себе, нежели к нему. — Проверка налоговая? Ясно... Надеюсь, ты сам понимаешь, что о свадьбе не может быть и речи, — бросила она у самой двери и, не дожидаясь ответа, покинула квартиру.

Наверно, оказавшись на ее месте, нужно плакать, проклинать, крушить все вокруг, но Юлька, наконец, почувствовала долгожданное облегчение — она была даже благодарна ему в какой-то мере! Словно камень с души упал, разбившись на тысячи мелких осколков и превратившись в пыль. Девушка задрала голову — вот оно! Счастье! Счастье свободы! С утра затянувшие все небо тучи постепенно рассеивались, и когда она уже подходила к дому, почти выглянуло солнце, будто одобряя ее.

Невольно она остановилась возле парка — такой спокойный, приветливый... Пока еще пустой, еще дремлющий... Через пару часов он будет уже другим — молодые мамочки с детьми, влюбленные парочки, старички со своими старушками вновь наполнят его жизнью! Будто и не было ничего этой ночью... И все же он не пустовал — там, под тенью деревьев, на деревянной лавочке, свернувшись калачиком, отсыпался после беспокойной ночи ее спаситель. Только сейчас она впервые вдруг почувствовала стыд перед бродягой — ведь кем бы он ни был, а оказался куда благороднее того, за кого она едва не выскочила замуж. А она даже элементарное «спасибо» ему не сказала... Немного подумав, девушка свернула на аллею.

По-детски морщась от назойливых кусачих мошек, он тихонько посапывал, подложив руки под щеку. И не такой уж страшный! Не герой, конечно, женских романов, но и не чудовище, что так напугало ее в темноте. Потертые старые джинсы, где-то раздобытый не первой свежести пиджак и каким-то чудом сохранившая местами белизну футболка. Вязанная грязно-синяя шапочка, видимо, была призвана прикрывать длинные засаленные волосы, скрывавшие половину побитого опухшего лица. Почувствовав на себе внимательный взгляд, бродяга проснулся и приоткрыл один глаз.

— Чего тебе? — грубо прохрипел он, усаживаясь поудобнее.

— Хотела поблагодарить Вас... за ночное, — промямлила девушка. — Вот, возьмите, больше у меня нет...

Юлька достала из кармана смятую тысячную купюру и протянула бомжу.

— У меня правда больше нет, — повторила она, уловив полный презрения взгляд бродяги.

— Убери, — прохрипел он.

— Простите, я не хотела Вас обидеть, только отблагодарить...

— Отблагодарить?! — рассмеялся бомж, вальяжно закинув руки за голову. — Ну что ж, хорошо. Согласен на душ и завтрак.

Подобной наглости от бродяги, чье существование, по распространенному мнению, сводилось исключительно к бесконечному поиску всего, что «горит», Юлька явно не ожидала. Тем временем бомж явно наслаждался ее смятением — какое-никакое, а все же развлечение в его бродяжьей жизни!

— Расслабься, — усмехнулся он, став как прежде серьезным. — Пошутил я. Иди куда шла и по ночам не шлейся.

Бомж неторопливо встал со скамьи, бросил снисходительный взгляд на девушку и побрел прочь.

— Подожди, — крикнула она ему вслед.

Он остановился и тяжело вздохнул — ну что за назойливая девчонка!

— Ну что еще? — недовольно процедил он, даже не обернувшись.

— Пойдем. Душ и завтрак я предоставляю.

Бродяга развернулся и, будто на безумную, посмотрел на девушку.

— Дважды предлагать не буду. Если хочешь — пошли, — добавила Юлька, не совсем отдавая себе отчет, что она делает и зачем.

Оказавшись в теплой и уютной квартирке, не роскошной, но вполне приличной, сердце бродяги невольно сжалось — когда-то и у него был дом. Когда-то... Был...

— Иди, — Юлька принесла полотенце и махнула в сторону ванной.

Бомж лишь растерянно угукнул, все еще не веря своему «счастью», а потом все же осмелился задать еще один вопрос:

— Если уж ты так добра, то... у тебя машина стиральная есть?

«Да, аппетит приходит во время еды», — раздраженно подумала девушка, но виду не подала.

— Есть. В ванной. Вещи закинешь, я потом включу.

— Спасибо. Ты не думай, я уйду сразу же...

— Иди, — усмехнулась Юлька.

Отправив завалившиеся в холодильник остатки курицы в микроволновку, Юлька подошла к окну. Безумная! Додуматься только — притащить бомжа в квартиру! Ладно хоть утро раннее — никто из соседей не видел. Впрочем, какая разница? Разве он не человек? Руки, ноги, голова... Только жить негде. Она вдруг впервые в жизни задумалась о судьбе тех, от кого брезгливо отворачиваются, предпочитая не замечать. Как это? Что привело их к такой жизни? Только сейчас она с удивлением поняла, что от «ее» бомжа абсолютно не пахло алкоголем, вопреки популярному мнению, что «всех их губит водка». Юлька на мгновение представила, как это — спать под открытым небом, копать на помойках в поисках пропитания, постоянно терпеть насмешки, издевки, в лучшем случае — безразличие... Девушка невольно содрогнулась. Нет, хоть эта затея и выглядит безумной, она ни о чем не жалеет, в конце концов, она действительно его должница — не каждый «приличный» гражданин рискнул бы спасти ее темной ночью от трех полупьяных подонков, а бродяга рискнул, не испугался... Тоже объяснимо — такую жизнь собачью и потерять не жалко, и все же...

— Спасибо тебе, — с некоторым смущением проговорил свежeweымытый бродяга, кутаясь в Вадимов халат, без долгих раздумий предоставленный Юлькой.

Девушка обернулась. Без всех этих грязных тряпок он выглядел не таким уж и страшным. Перед ней стоял молодой мужчина лет тридцати пяти. Отросшие каштановые волосы, давно не знавшие парикмахера, непослушными прядками торчали в разные стороны, взгляд холодных серых глаз уже не казался злым, будто оттаяв под струей такой желанной теплой воды, легкая небритость отвлекала от разбитой губы, и лишь большой синяк под левым глазом, явно полученный совсем недавно, может даже сегодняшней ночью, напоминал, что перед ней человек неблагополучной судьбы.

— Садись, — кивнула она в сторону стола, доставая курицу.

Мужчина покорно проследовал на указанное место. Неожиданный сюрприз в виде

нормальной домашней еды и душа заставил его испытывать дикую неловкость. Та броня, которой он оброс за время своей бродяжьей жизни, дала трещину, едва до его носа долетел аппетитный запах жареного птичьего мяса... Пожалуй, такую неловкость он не испытывал уже давно.

Выставив свои скромные запасы необычному гостю, Юлька вернулась к окну, стараясь не смущать и без того притихшего бродягу. Звонок в дверь заставил вздрогнуть обоих.

— Сиди тихо, — приказала девушка и вышла из кухни.

— Ты? — удивилась она, увидев Вадима на пороге квартиры. — Зачем ты пришел? Уходи.

Но Вадим решительно прошел вперед, не оставляя Юльке надежды на спокойную жизнь без него.

— Юль, прости меня, — тихо проговорил он, пытаясь поймать ее взгляд. — Юль! Я виноват, я знаю, я идиот...

— Вадим, не нужно. Уходи!

Но парень отступать не собирался. Опустившись перед девушкой на колени, он обхватил ее ноги, не давая ей ни уйти, ни прогнать его.

— Ну прости меня, прости... Юль, ну я ж взрослый, здоровый мужик, мне нужно... Ты к себе не подпускаешь, что мне делать остается? Это же ничего не значит!

Юлька терпеливо выжидала, когда же он уйдет. Ведь не было даже обиды — лишь полное равнодушие к тому, с кем он коротает ночи вдали от нее, к его покаяниям. Но вот крепкая мускулистая рука настойчиво скользнула по ее бедру, пытаясь залезть под платье.

— Да отстань ты от меня! — почти закричала она, со всей силы отталкивая надоедливого ухажера. — Уйди, об одном тебя прошу!

— Не уйду, пока не простишь! — крикнул он в ответ.

— Да простила, простила, — только чтобы отвязаться, сказала Юлька. — Только свадьбы все равно не будет!

— Почему?

— Да как ты не понимаешь — не хочу я!

— Юль, ты...

— Молодой человек, кажется, девушка уже высказала Вам все, что хотела, — спокойный, уверенный, почти интеллигентский голос бомжа в одно мгновение заставил замолкнуть обоих.

«Ну какого лешего ты вылез?!» — подумала Юлька, не понимая до конца, рада она этому вмешательству или нет. Вадим отстранился от девушки и немного растерянно посмотрел на нагло закутавшегося в его халат незнакомца.

— Вот значит как, — процедил он, переводя взгляд на Юльку. — Понятно...

Всего одно мгновенье и сильный удар заставил девушку отлететь на пару метров, угодив в руки успевшего сориентироваться бродяги.

— Ах ты, щенок...

Лицо мужчины побелело от злости. Оставив Юльку в стороне, он направился к посмевавшему поднять руку на женщину парню.

— Оставь его, не трогай, — завопила Юлька, дрожа от обиды и слез, едва успев схватить своего заступника за руку. — Вадим, убирайся!

— Счастливого оставаться, — процедил Вадим. — А свадьба будет — я тебе не позволю выставить меня идиотом перед людьми. И завтра же ты переезжаешь ко мне, даю тебе день на сборы.

Бросив на комод дополнительный комплект ключей, парень выскочил из квартиры, со всей силы хлопнув дверью. Наступила тишина.

Бродяга присел рядом с сидящей на полу девушкой и легонько коснулся ее плеча, отчего Юлька невольно вздрогнула и попыталась отстраниться.

— Да не бойся ты, я уйду сейчас, — грустно усмехнулся мужчина.

— Я не боюсь, — шмыгая носом, пролепетала девушка.

— Ну не плачь, слышишь... А ты, значит, Юля?

Девушка молча кивнула.

— А это твой жених?

Юлька кивнула.

— Ну и как тебя угораздило?

— Сама не знаю...

— Любишь его?

— Нет.

— Ну тогда и реветь не надо.

— Я слишком завишу от него...

— Его квартира?

— Да, — Юлька подняла на бродягу заплаканные глаза. — Откуда ты знаешь?

— Нетрудно понять, — усмехнулся бродяга. — Ты работаешь? Учишься?

— Нет, Вадим был против.

— Понятно, — вздохнул бродяга.

— И что же тебе понятно? — усмехнулась Юлька. «Тоже мне, психолог нашелся...», — добавила она про себя.

— Игрушка... Ты для него всего лишь игрушка.

— Что?

— Я так понимаю, между вами еще ничего такого не было?

От подобного бесцеремонного вмешательства в ее личную жизнь девушка опешила. Но ответ и не требовался — бродяга уже сам все понял, а потому с видом предвещателя продолжил:

— Игрушка. Гордая, неподатливая... Не жди сказки после свадьбы. Как только он получит свое, ты станешь ему неинтересна. Будешь ему украшением интерьера, не более того, и то, только до того момента, пока его игрушка, то есть ты, не сломается. А ты сломается, рано или поздно. Это неизбежно. Тебе надоест золотая клетка, я ведь прав — мальчик непрост? Ты заскучаешь и станешь искать приключений на стороне, может, даже влюбишься в кого-нибудь... Он выбросит тебя, а сам отправится на поиск очередной глупой игрушки...

— Откуда тебе знать? — перестала плакать Юлька, недоверчиво слушая бродягу, чей голос становился все холоднее и безжалостнее.

Он говорил, но сам будто был не здесь — его мысли, душа витали где-то далеко. Словно очнувшись, он вздрогнул от мягкого Юлькиного голоса.

— Ну не всегда же я бомжевал, кое-что в жизни видел.

— Я не это хотела сказать...

— Брось, — легкая снисходительная улыбка тронула потрескавшиеся губы. — Тебе хоть есть куда податься в случае чего? Родственники, друзья?

— Подруга есть. Подожди, о чем ты?

— Ну мало ли... И знаешь, мой тебе добрый совет, ищи работу. Нельзя полностью зависеть от других. Мало ли, что жизнь учудит. Ну а я, пожалуй, пойду — спасибо тебе за все.

На следующее утро, не предвещавшее ничего дурного, Юлька проснулась от навязчивого звонка в дверь. Наспех набросив халат, так толком и не пробудившись, девушка протопала к двери, попутно ругая кого бы то ни было, посмеявшегося разбудить ее в такую рань.

Незнакомая расфуфыренная девица прошла в прихожую, не дожидаясь Юлькиного приглашения.

— Вы кто? — сон мгновенно улетучился.

Гостья бросила на Юльку скрытый за очками взгляд, что-то фыркнула и прошла на кухню, затем сунула свой любопытный нос во все комнаты и, наконец, вернувшись в прихожую, соизволила заговорить.

— Ну, вроде все в порядке. Надеюсь, ты в курсе, что сегодня у тебя последний день? У меня уже постоялец есть.

— Кто Вы? — ничего не понимая, вновь спросила Юлька.

— Вообще-то, милочка, хозяйка этой квартиры. Тебя что, жених твой не предупредил?

«Хозяйка?! Предупредил?! Что происходит, черт возьми!»

— Нет, он ничего не говорил...

Гостья посмотрела на растерянную Юльку, помолчала, а потом продолжила:

— Разбирайтесь сами! Но сегодня ты должна съехать.

— Но... Послушайте, давайте договоримся — какая Вам разница, кто будет снимать эту квартиру? — растерянность сменилась паникой — нет, не готова она ни съезжать, ни, тем более, к Вадиму перебираться!

— Ты будешь что ли снимать? — усмехнулась гостья. — Насколько мне известно, вы с Вадимом съезжаетесь?

— Нет!

— Впрочем, мне действительно без разницы — месяц стоит пятнадцать тысяч, деньги вперед. Ты готова заплатить сейчас?

Юлька судорожно вспоминала тех, у кого можно занять, не обращаясь за помощью к Вадиму.

— Я займу, деньги будут. Дайте мне дня два — я заплачу.

Хозяйка квартиры усмехнулась: «Интересно, ты каждый месяц будешь отсрочку кланчить?», но вслух сказала:

— Нет, извини, вы с Вадимом сами разбирайтесь, у нас с ним договор по сегодняшнее число. Да и человечку моему жить негде, срочно въезжать нужно, так что собирайся — сегодня ты должна квартиру освободить.

Едва за девушкой закрылась дверь, Юлька растерянно огляделась, плюхнулась на диванчик и в отчаянии закрыла лицо руками. «Ну и сволочь ты, Вадим!» — невольно вспомнились его вчерашние слова. Связка дополнительных ключей по-прежнему лежала на комод. «Он все знал! И даже не соизволил сказать мне... Решил любым путем получить свое? Сидит теперь довольный и ждет, пока я к нему приползу в поисках крыши над

головой? Знает же, сволочь, что мне податься некуда... Что делать теперь? Собрать вещи? И что? Куда теперь?!» Юлька бросилась к тумбочке — всего пять тысяч, вот и все сбережения... Ни работы, ни жилья... Вика? Пожалуй, единственный человек, к которому можно обратиться. Дрожащей рукой девушка набирала номер подруги.

— Вик, привет, — упавшим голосом начала Юлька. — Прости, что так рано... Вик, мне помощь твоя нужна...

— Что случилось?

— Мне деньги нужны. Срочно. Тысяч пятнадцать-двадцать, — казалось, она прямо сейчас готова разревется.

— Юль, — в трубке повисла тишина. — Деньги не проблема, вот только... Я сейчас со своим в Италии, вернусь только к твоей свадьбе.

— Вик, какая Италия? Когда ты успела?!

— Прости, я забыла тебе сказать. Мы еще вчера улетели. Да ты не думай, к свадьбе успеем.

— Свадьбы не будет.

— Как?

— Долго объяснять, да и сейчас не до этого — мне деньги срочно нужны квартиру снять...

— Юлька, ну сейчас я тебе ничем помочь не могу, ты как-нибудь перекантуйся, пока я не вернусь, отсрочку попроси, ладно?

— Ладно, все, пока, буду думать, — понимая всю бессмысленность дальнейшего разговора, девушка с досадой нажала отбой — вот тебе и подруга, даже не предупредила, что уехала...

«Что делать? Что делать?!» Единственная мысль словно удар молота в отчаянной попытке найти выход, которого, кажется, и нет вовсе... Юлька огляделась. Собрать вещи? Что? Куда? Да и вещей-то — одежда да безделушки всякие; только сейчас она вдруг начала отчетливо понимать всю бестолковость своей жизни — ничего у нее своего в этой жизни нет, одежда и та на деньги Вадима куплена. Не в силах сидеть на месте, девушка оделась и вышла на улицу — нужно успокоиться, взять себя в руки, ну а потом уже принимать решение!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он сидел все там же, на «своей» лавочке, словно ожидая ее. Немного подумав, Юлька решительно подошла и молча села рядом.

— Я не тот, с кем... — начал бродяга, бросив беглый взгляд на девушку.

— Меня из квартиры выселяют, — перебила его Юлька.

— Уже? — в легком вздохе послышалось нечто, похожее на сожаление; впрочем, может, просто давала знать о себе его усталость, та самая, которая заставляет как можно быстрее перемотать томительную киноленту под названием «жизнь».

— Я не знаю, что мне делать! — голос девушки сорвался на отчаянный шепот.

Мужчина усмехнулся:

— Ну я-то вряд ли смогу тебе помочь. Разве что посоветовать тебе какую-нибудь ночлежку да подсказать пару мест, где можно бесплатно поесть, — бродяга вдруг рассмеялся собственным речам — эта девушка определенно умеет его развеселить.

— Тебе смешно? — гневно крикнула Юлька, не ожидавшая такого цинизма. Впрочем, как раз именно цинизм в таких случаях, наверно, лучшее лекарство от действительности!

— Прости, — лицо бродяги вновь стало серьезным. — Но ты действительно не по адресу. Хотя, что тут думать — твой жених тебе ключи оставил, иди к нему. Выбора у тебя, как я понимаю, нет.

— К нему я не вернусь, — упрямо отрезала девушка.

— У тебя выбора нет, — ледяным голосом пытался достучаться до Юлькиного благоразумия тот, кто слишком хорошо представлял себе жизнь без крыши над головой.

— Ты сам вчера говорил, что я для него только игрушка...

— Забудь! — перейдя на крик, бродяга вскочил со скамьи. — Нашла, кого слушать! Марш отсюда и чтобы духа твоего здесь не было!

Что-то еще долго бормоча себе под нос, бродяга уходил прочь. «Ну вот, дожилась, уже бомжи тобой командуют», — усмехнулась Юлька, смахнув безудержную слезу.

Почти до самого вечера пробродит она по тихим улочкам города, еще совсем недавно казавшегося таким уютным, тихим, почти родным. Сегодня же он стал ей чужим, холодным, невыносимо жестоким. Как же быстро, в одно мгновение рушится жизнь! Еще какой-то месяц назад она была почти счастлива, когда на ее аристократично тонком безымянном пальчике вдруг заиграл в лучах ласкового солнца маленький бриллиантик в золотой оправе; еще пару-тройку недель тому назад они с Викой допоздна писали приглашения на свадьбу, которая вполне могла стать событием года; еще позавчера она бегала по городу в поисках свадебного платья, представляя себе, как ахнут гости, увидев нежное создание, плывущее к алтарю, и пусть сомнения уже копошились в ее душе, но... Как разнится день вчерашний от сегодняшнего! Что принесет ей туманное «завтра»? Как случилось так, что совета и покоя она сегодня искала рядом с бродягой?

В одно мгновение солнце скрылось и тяжелые, почти черные тучи затянули небо, обещая разразиться грозой. Юлька поежилась, бросив испуганный взгляд на хмурое небо — вот бы проснуться в теплой мягкой постели и улыбнуться, что все лишь сон... Дурной, тяжелый, но все-таки сон.

Домой она вернулась, когда первые сумерки уже накрыли город. Она долго пыталась попасть ключом в замочную скважину чуть дрожащей рукой, отказываясь понимать, что ее ключ уже никогда не откроет эту дверь — вот уже два часа в ее квартире жили совсем другие люди. Так не бывает, скажете вы? Эх... Бывает. Особенно, если кто-то очень задастся такой целью, да будет обладать определенными средствами, позволяющими договориться с кем угодно, но кроме, конечно, главного Судьи этого мира и собственной совестью.

«Так, надо успокоиться», — твердила она сама себе, все еще не понимая, что замок уже не тот, что был еще утром. Юлька вздохнула и прислонилась к стене. Но вот за дверью послышались шаги, а через мгновение дверь распахнулась.

— Кто Вы? — встрепелась девушка, увидев вышедшего из ее квартиры незнакомца.

— Я теперь живу здесь, — невозмутимо ответил мужчина, ничуть не обидевшись на резкость девушки. — А Вы, я так понимаю, Юля?

— Еще интересней... Да, Юля — это я.

— Вы не волнуйтесь, Ваш жених уже приходил сюда — забрал Ваши вещи. А Вам просил передать вот это, — мужчина протянул связку Вадимовых ключей.

— Как забрал?! — возмущению девушки не было предела. — Когда? Какого черта?!

— Юля, Вы простите меня, но вы уж как-нибудь сами разберитесь, ладно? Мне сказали, что я могу въехать, вот я и въехал.

Ее негодующий взгляд был готов сжечь все вокруг, и, тем не менее, злиться на мужчину было бессмысленно, и она это прекрасно понимала.

— Я могу войти в квартиру? — в смягчившемся голосе девушки послышались не то жалобные, не то отчаянные нотки. — Там, в комод, должны были остаться деньги и паспорт...

— Да, конечно, проходите.

Юлька нерешительно прошла в спальню, моля лишь об одном — но увы, ни денег, ни паспорта... Ни даже клочка бумаги.

— Вы в порядке? — спросил мужчина, с опаской поглядывая на побледневшую девушку.

— Да, — пролепетала Юлька, с трудом сдерживая слезы.

Мобильник — недавний подарок Вадима и, пожалуй, единственное, что осталось при ней — завибрировал и тут же залился грустной мелодией. Девушка достала телефон и посмотрела на экран — физиономия жениха на заставке беспечно улыбалась, словно издеваясь. Юлька нажала отбой.

— Можно Вас попросить? — спросила она внимательно следящего за ней мужчину.

— Да, конечно.

— Если вдруг мой жених еще раз придет сюда — отдайте ему вот это, — не дожидаясь ответа, девушка положила мобильник на комод и покинула квартиру.

Вечерняя прохлада окутала городок. И что же дальше? Куда идти? К Вадиму — ни за что на свете! Юлька поежилась и свернула в парк. «И ты меня бросил!» — усмехнулась она, не найдя бродягу на его привычной лавочке. Девушка уселась на скамейку, не зная, что делать дальше. Вадим все рассчитал — знает же, что податься ей некуда, и волей-неволей она придет к нему. Его уверенность в этом была так непоколебима! «Игрушка... Ты для него просто игрушка», — слова бродяги то и дело звучали в ее голове. И ведь он прав — ни грамма любви, но тонны самолюбия и собственных желаний.

— Ну и пусть! Я скорее останусь на улице, но по-твоему, дорогой мой женишок, не будет никогда! — тихо прошептала она сама себе, с тоской глядя на свет в многочисленных окнах.

Где-то там, в совсем другом мире, люди готовились ко сну — матери укладывали своих детей, мужья ласково обнимали своих жен, кто-то кормил вечно голодного кота, а кто-то наслаждался горячим ароматным чаем. Все это давно вошло в привычку, настолько, что люди перестали замечать своего обыкновенного человеческого счастья — любить и быть любимыми, засыпать в теплой постели, пить вечерний чай... А за окном был другой мир — мир, сегодня пополнившийся еще одним обитателем, вернее, обительницей, дрожащей от страха и отчаяния, вытирающей бесконечные слезы. Мир, где счастье — это кусок хлеба, свободная скамеечка, да и просто радость проснуться утром, не став за ночь жертвой людской жестокости.

— А ты упрямая, — задумчиво проговорил бродяга, всматриваясь в заплаканное лицо заснувшей девушки.

От его голоса Юлька проснулась и тут же подскочила.

— Прости, не хотел напугать.

— Не напугал...

Бродяга лишь усмехнулся.

— Ты хоть отдаешь себе отчет, что творишь? А?

Юлька всхлипнула.

— К нему я не пойду, — упрямо заявила она.

— Ну-ну... А куда пойдешь? — допытывался он таким тоном, будто не со взрослым человеком, а с ребенком неразумным разговаривает.

— Не знаю, — опухшие от слез глаза вновь заблестели. — Здесь останусь.

— Улица не для тебя, — глухо проговорил мужчина, усаживаясь рядом.

— А что для меня? Сгноить жизнь рядом с чужим человеком?

— Ты хоть знаешь, куда попадают девушки вроде тебя, оказавшиеся на улице? — бродяга тщетно пытался достучаться до Юлькиного разума.

— Мне все равно.

— На панель, Юля! На панель! — закричал он. — Не хочешь быть дорогой подстилкой, станешь дешевой — за еду будешь ублажать, ты хоть понимаешь это?! Да, грубо звучит, но это так! Так!

— Не кричи на меня! — разревелась девушка.

— Ну все, все, не плачь, — голос бродяги смягчился, и уже через пару секунд вздрагивающая от рыданий девушка доверчиво уткнулась в плечо бродяги.

— Прости, я не хотел тебя обидеть, просто хочу, чтобы ты, наконец, поняла...

— Я не знаю, что мне делать, — Юлька чуть успокоилась и отстранилась от бродяги. — Я не могу к нему вернуться, я сама себя возненавижу... А больше идти не к кому. На редкость ненужное существо, — усмехнулась Юлька, размазывая слезы.

— Так уж и ненужное? — усмехнулся в ответ бродяга. — Нет ненужных людей, все мы зачем-то приходим в этот мир.

— Знать бы еще зачем...

— Ладно, оставим философию. Тебе поспать нужно, а завтра мы что-нибудь придумаем.

Мужчина привлек девушку к себе, по-рыцарски предлагая ей свое плечо в качестве подушки.

— Да не бойся, нет на мне заразы, — усмехнулся он, глядя на Юлькино замешательство.

— Не боюсь, — буркнула Юлька и позволила себя приобнять. — Я завтра работу пойду искать, квартиру сниму, — после некоторой паузы, уже окончательно успокоившись, проговорила девушка.

Бродяга лишь тяжело вздохнул. «...Ну конечно, без опыта, образования, документов и жилья она найдет себе работу... Фантазерка, вдруг решившая, что в жизни все так просто устраивается...» Но вслух ничего не сказал.

Глава 3. В гостях у Азамата

Первые лучи солнца накрыли город. Юлька открыла глаза и на мгновение опешила, найдя себя на плече бродяги вместо привычной мягкой постели. Впрочем, память вернулась довольно быстро, острым кинжалом печальной действительности врезаясь в душу.

— Привыкай, — не открывая глаз, произнес бродяга, почувствовав Юлькино шевеление. Уж кому, как ни ему понять те чувства, что накрыли ее этим дышащим прохладой и свежестью утром.

Юлька оторопело посмотрела на своего нового друга и ничего не сказала. А что тут скажешь? Разве не она сама вчера шагнула в эту пропасть? Разве не ее гордость вчера взяла верх над разумом? Мужчина, наконец, открыл глаза — нет, несмотря на довольно измученный, испуганный вид, девчонка за ночь не поумнела — упрямо вздернув носик, она довольно неплохо держалась для человека, оказавшегося в ее ситуации.

Рука бродяги ободряюще легла на ее коленку.

— Ну не кисни, прорвемся!

Юлька вздохнула.

— Так что с работой? Не передумала еще?

— Нет. Попробую в магазин какой-нибудь устроиться.

— Кто ж тебя возьмет-то в магазин? — не сдержал усмешку бродяга. — Ладно, пойдем, если действительно работать хочешь.

— Куда?

— Да есть одна мыслишка.

Юлька бросила на бродягу испуганный взгляд — он, конечно, оказался не таким уж страшным, но...

— На панель я не пойду, — на всякий случай пролепетала Юлька, не сводя с мужчины испуганного взгляда.

— Успокойся, — рассмеялся он, — или я похож на торговца женскими телами? — в глазах бродяги зажегся озорной огонек.

— Кто тебя знает, — огрызнулась девушка, чуть покраснев от собственных мыслей.

— И то правда, — согласился он. — Ну так что? Идем?

— Идем, — пожала плечами девушка — деваться-то ей все равно некуда.

Через полчаса они оказались перед высокой каменной оградой с огромными коваными воротами. Бродяга почти по-хозяйски просунул руку сквозь решетку, нащупывая задвижку. Через несколько секунд ворота со скрипом открылись, приглашая ранних гостей внутрь.

— Проходи, — чуть подталкивая девушку вперед, проговорил бродяга.

Наверно, где-то в глубине души, Юлька уже тысячу раз пожалела, что согласилась на эту авантюру. Высокий двухэтажный огромный дом из ярко-красного кирпича отнюдь не вызывал у нее доверия. Да и образ бомжа никак не подходил той уверенности, с которой он сейчас управлялся с воротами. Конечно, она тысячу раз слышала о том, что есть целый «бродяжий» бизнес, но вот как это все работает, представляла себе смутно. Кто же он — этот человек за спиной? Бродяга, так ловко сумевший войти в ее доверие? Что нужно ему? Какую цель он преследует? А что если и она, Юлька, всего лишь несчастная жертва чьего-то тонко разработанного плана?

— Да не бойся, — уловив на ее лице настороженность, усмехнулся бродяга.

— Не боюсь, — неуверенно буркнула девушка.

Дворник, с самого утра приводящий в порядок территорию, при виде гостей вдруг перестал махать своей метелкой и, улыбаясь, помахал рукой.

— Привет, Антон! Неужели решил вернуться?

— Посмотрим, — бродяга махнул рукой в ответ. — Азамат на месте?

— На месте, сидит вон у себя, всё бумажки перебирает...

Они поднялись на второй этаж и оказались в просторном холле с огромным бильярдным столом и дорогой резной мебелью, обтянутой темно-зеленой парчой. Бродяга подвел Юльку к одному из диванов и, будто на мгновение засомневавшись в правильности своих намерений, вдруг остановился, вглядываясь в испуганные глаза девушки.

— Юль, Азамат — мой бывший работодатель, неделю назад я ушел от него. Но он действительно может помочь тебе. Если ты передумала — мы можем уйти прямо сейчас.

— Я не передумала...

— Тогда что с тобой?

Юлька пожала плечами.

— Просто как-то странно все это...

— Успокойся, я просто хочу тебе помочь. Ничего не бойся, никто тебя не обидит, слышишь?

Девушка кивнула. Да и что ей оставалось? Сбежать от этого странного человека и остаться на улице совсем одной? Все-таки, рядом с ним не так страшно! Да и причинять ей зло вроде не входит в его планы. Вроде... Да только кто ж знает, что у него в голове творится? С чего он вдруг шефство над ней решил взять? Уж лучше бы о собственной жизни позаботился! Ну да ладно, сейчас ей ведь действительно некуда деваться...

Юлька не сводила глаз с резной двери, за которой скрылся бродяга. Сердце предательски стучало, грозясь выпрыгнуть в эту же минуту. «Антон, значит... Ну вот, хотя бы имя его теперь известно». Покорно отдавая свою судьбу в руки случайного бродяги, девушка тщетно пыталась достучаться до собственного разума. Нет. Тишина. И ветер гуляет... Будто не с ней все происходит, будто во сне дурном, от которого она никак не проснется. Но вот дверь приоткрылась, бродяга махнул рукой:

— Заходи.

— Здравствуйте, — робко пролепетала она сидящему за столом немолодому мужчине, тут же обратившему свой кареглазый взор на нее.

От тяжелого оценивающего взгляда Юлька невольно поежилась. Воцарилась тишина, лишь слышно, как часы монотонно отсчитывают секунды — тик-так, тик-так... Девушка не сводила своих глаз с явно недовольного Азамата. А бродяга, довольно улыбаясь, стоял у окна и наблюдал за немым диалогом — он знал, Азамат не устоит и закроет глаза на то, что у девушки нет ни жилья, ни документов. Но вот мужчина зашевелился, встал из-за стола и подошел к девушке, не переставая скользить горящим взглядом по ее фигуре — наверно, если бы взглядом можно было раздевать, он бы уже давно это сделал! Впрочем, Юльке это восхищение отнюдь не льстило. Проклиная Антона, она попыталась хоть немного прикрыться руками; интересно, сильно видно, как краска заливает ее лицо? Будто на смотрах...

— Так значит тебе работа нужна? — протянул Азамат, задумчиво потирая подбородок.

Взгляд мужчины скользнул в разрез платья, бесстыдно открывающий вид на молодую

упругую грудь. Юлька невольно отшатнулась от почти вплотную подошедшего к ней мужчины. «Попала... По самые уши попала! И дернул же меня черт согласиться!» — ругала себя девушка, кляня все на свете, не зная, куда спрятаться от этого похотливого взгляда.

— Нормальная работа, Азамат, — вдруг раздался строгий голос Антона. — Нормальная.

Довольная улыбка слетела с его губ, уступив место напряженному наблюдению. Нет, не этой реакции ожидал он от Азамата. Пожалуй, он уже тысячу раз пожалел, что привел сюда эту наивную девчонку — она-то, глупая, небось и не подозревает, что ждет ее! Но нет, не этого он хотел, не за этим привел ее... Лицо бродяги вдруг помрачнело — похоже, Юльку пора уводить отсюда, от греха подальше.

— Азамат, — мрачно окликнул он. — Даже думать не смей...

— Да успокойся, Антон, — наконец, подал голос Азамат, отходя от до смерти перепуганной девушки.

Мужчина прошел вглубь кабинета, что-то напряженно обдумывая, Юлька же, словно освободившись от тяжелых оков, облегченно вздохнула — наверно, у змей и то взгляд легче, чем у этого страшного человека. В поисках поддержки она бросила молящий взгляд на Антона, но тот, похоже, и сам был в замешательстве.

— Официанткой, — проговорил Азамат, нарушив звенящую тишину. — Могу взять официанткой. Согласен?

Похоже, мнение самой девушки его не слишком интересовало. Азамат развернулся к бродяге в ожидании ответа. Но вот взгляд Антона смягчился — будто камень с души сорвался.

— Согласна? — как можно мягче спросил Антон Юльку, пытаюсь хоть как-то ее ободрить.

Юлька кивнула.

— Ну вот и славно, — Азамат довольно потер руки, — форму получишь завтра, ресторан внизу, на первом этаже. Жду тебя через час. А жить будешь...

— Она будет жить со мной, — оборвал его бродяга.

— С тобой? — удивился мужчина. — Антон, ты бы для начала сам устроился!

— Девушка со мной, Азамат, — не терпящим возражений тоном повторил мужчина.

— Ну хорошо, твои «апартаменты» свободны, так что можете вселяться.

— А вот за это спасибо.

«Апартаментами» оказалось небольшое строение, обшитое местами поржавевшими листами жести, метрах в ста от двухэтажного особняка. Куда больше оно походило на сарай или склад, но никак ни на место, где можно было жить. Похоже, испытания на сегодня не закончены! Юлька бросила непонимающий взгляд на Антона, но, уловив в его глазах тоску и бесконечное смущение — будто бы это он, бродяга, виноват в том, что ее жизнь так резко покатила под откос — смягчилась и послушно направилась к деревянной двери, которая вряд ли могла от чего-то защитить ее новое «жилище», ну разве что от ветра, да и то не факт.

Внутри было не лучше. В мрачной, пропитанной пылью комнатке размером два метра на три, не больше, одиноко стояла железная кровать, застеленная какими-то старыми грязными тряпками, да небольшой диванчик из дешевого кожзама, весь потертый, с торчащим в некоторых местах поролоном. Неужели в этих условиях можно жить?! Юлька обернулась в слабой надежде, что это всего лишь розыгрыш, проверка... Но Антон был серьезен как никогда. С опаской смотрел он на растерянную девушку, почти уверенный, что она сейчас же сбежит отсюда. Но Юлька лишь продолжала растерянно осматриваться, чуть

дрожа от осознания уготованной ей судьбы.

— Юль, ты можешь уйти прямо сейчас, — не выдержал тоски в ее глазах бродяга.

От его голоса девушка вздрогнула, бросила на него невидящий взгляд, но ничего не ответила.

— Мне больше нечего тебе предложить, — продолжил он. — Азамат, возможно, предложил бы тебе более комфортные условия, но там я не могу гарантировать тебе безопасность... Ты не думай, я не собираюсь удерживать тебя, ты в любой момент...

— Меня все устраивает, — вдруг перебила она его лепет, и даже, пересилив себя, попыталась улыбнуться.

К концу этого дня отчаяние почти покинуло Юльку — не так уж все и плохо! Работа оказалась вполне сносной — почти весь день она до блеска полировала бокалы да от скуки гоняла пыль с места на место. Посетителей в ресторане (рестораном предпочитал гордо называть свое заведение Азамат, на самом же деле, это было небольшое, но весьма уютное кафе) почти не было — за весь день лишь пара человек заглянули в эту скромную обитель, отведали свежесваренного кофе со вчерашними булочками да отправились восвояси по своим делам. Пару раз спускался проведать дела своей новенькой подопечной Азамат — не такой уж он и страшный оказался.

— Вот видишь, — задумчиво сказал он, усаживаясь за один из столиков, и окинул взглядом абсолютно пустой зал, — и как мне работать? И чем мне людей кормить? Посетителей нет, а вам работу подавай... Вот что мне делать? — жаловался на свою трудную жизнь мужчина.

Юлька виновато посмотрела на своего работодателя.

— Да я не о тебе! — махнул рукой Азамат, уловив ее взгляд. — У меня и без тебя нахлебников хватает... А прогнать не могу, жалко их — кто же им еще на кусок хлеба даст заработать! Я ж и сам когда-то гол как сокол был, за каждую горбушку готов был горы сворачивать. Эх...

Юльке даже жалко стало его — неплохой вроде мужик оказался, да и заведение его явно одни убытки приносит, а он все ж не отказал, взял ее на работу, если это, конечно, можно работой назвать!

— Ты-то как на улице оказалась? — попытался он вызвать на диалог молчаливую Юльку.

— Сама пока еще не поняла, — пожалала плечами девушка.

— Ладно, не горюй, ты девка молодая, из этой ямы выберешься! — как-то уж слишком уверенно сказал он. — Смотри только, чтобы дружок твой за собой тебя не потянул — вот уж кто точно в этом болоте надолго.

— Почему? — вдруг неожиданно для себя самой встрепенулась Юлька.

— Да потому что для того, чтобы из этой трясины выбраться, желание нужно. А у Антона твоего такого желания нет. Все есть — и силы, и здоровье, и мозги, а вот желанья к нормальной жизни возвращаться нет... Уж не знаю, кто ему так жизнь испортил, только крест он, похоже, на ней окончательно поставил.

Слово за слово, да к вечеру они почти друзьями расстались. Казалось, Азамат решил ей всю душу излить! Почему? Да потому что нужно иногда даже самым сильным людям выговориться, а молчаливо внимающая Юлька оказалась сегодня так кстати...

Порог своего нового «жилища» она переступила поздно вечером. Оказавшись в такой непривычной, чуждой, абсолютно незнакомой обстановке, Юлька устало опустилась на

потрепанный диван. Как ни странно, но все же она устала — нет, не от работы, а от бесконечных своих дум и переживаний, от тихо бубнящего о своих бедах Азамата, от мыслей о том, что эту ночь ей придется провести вот здесь, в этой пропахшей пылью каморке, рядом с абсолютно чужим, незнакомым мужчиной... бродягой. Антон неторопливо подошел к Юльке и сел напротив.

— Как ты? — тихо спросил он, взглядываясь в нереально зеленые, будто русалочки, глаза девушки.

— Нормально, — так же тихо ответила она.

— Азамат не обижал?

— Нет, что ты. Рассказывал мне о том, как нелегко ему живется.

— Это правда, — грустно улыбнулся Антон. — Он весь в убытках.

— Зачем же тогда, — Юлька запнулась в поисках наиболее мягкой формулировки.

— Зачем помогает бомжам? — резко, наотмашь, с невероятной болью в голосе продолжил он за нее. — Не знаю. Только если бы он не делал это, многие из тех, кто работает у него, уже погибли бы... Да и я сам неизвестно где был бы сейчас...

— Ты не бомж, — вдруг тихо прервала она его, внимательно всматриваясь в его посеревшее от неведомой боли лицо, умные, немного насмешливые серые глаза, печально вззирающие на нее в приглушенном свете лампы.

— А кто же?

— Я не знаю... Может, расскажешь?

— Бомж, Юля. Самый настоящий, живой бомж.

Юлька хотела что-то возразить, но мужчина тут же резко встал, давая ей понять, что не желает больше продолжать этот разговор.

— Пойдем спать — завтра вставать рано. Кровать в твоём распоряжении, а я лягу на диване. Давай, тебе отдохнуть надо.

Да, человек ко всему привыкает! За прошедшие три дня Юлька почти смирилась со своей участью — оказывается, есть жизнь и здесь — среди нищеты и грязи, среди голодных и обездоленных... Да ей повезло еще! Чай не мешки тяжеленные таскает, да и не на улице под фонарями заезжих молодцов встречает — ей-то выпало нести свое трудовое бремя в тепле, чистоте; и Азамат вроде сотрудницей доволен, да и что говорить, вопрос куска хлеба не стоял — клиентов все равно, как говорится, «кот наплакал», так что все, что наготовлено рано или поздно отправлялось в дар бедолагам. Ну и Юлька, естественно, не голодала. Так что, сегодня, свой четвертый рабочий день, девушка встречала с улыбкой вопреки всем бедам, свалившимся на ее несчастную светлую головку. И прошел бы этот день, обещавший быть таким похожим на предыдущие да и на грядущие, если бы не одно маленькое происшествие, в один миг вырвавшее почти смирившуюся Юльку из этой размеренной тихой жизни...

Он вошел в зал кафе ближе к полудню вместе с Азаматом, на мгновение показавшимся Юльке каким-то не таким, как прежде. Рядом с уверенным, немного надменным незнакомцем Азамат выглядел не то растерянным, не то чем-то встревоженным; услужливо приоткрыв перед посетителем дверь, он прошмыгнул чуть вперед, бросив на Юльку взгляд, которого она так и не поняла. Что хотел он этим сказать? VIP-персона пожаловала в его скромную обитель? Обслужить по высшему разряду? Кофе не разводить, булочки вчерашние не подсовывать? Впрочем, девушка, в отличие от своего хозяина, никогда ни перед кем не

лебезила — просто не умела, и оттого встречала гостя с привычно легкой улыбкой на губах, смело обратив свои зеленые глаза на хорошо одетого, с легким ароматом неплохого парфюма смуглого мужчину.

— Добрый день, — улыбнулась она, как улыбалась каждому, кто переступал порог этого заведения, щедро даря немного хорошего настроения каждому посетителю.

— И Вам добрый, — раздался приятный мужской голос ей в ответ.

Мужчина окинул Юльку своим тяжелым, немного плотоядным взглядом и по-хозяйски направился за столик в самом углу, в зону, куда Азамат обычно не пускал никого из посетителей.

Чуть отстав от гостя, Азамат почти вплотную подошел к Юльке и шепнул:

— Это Эльдар, человек, от которого зависит здесь все, — мужчина многозначительно закатил глаза, пытаясь изобразить важность посетившей персоны. — Так что давай, двойной кофе, только самый лучший! И круассаны те, что утром привезли. В общем, чтобы все по высшему разряду, поняла?

— Не беспокойтесь, — улыбнулась в ответ девушка, про себя отметив, какой же он все-таки смешной, совсем не тот, что так напугал ее при первой встрече.

— Не подведи меня!

Одарив девушку взволнованным взглядом, Азамат отправился вслед за Эльдаром.

— Что-то еще? — ласково пропела девушка, выставляя перед важным гостем чашечку ароматного кофе, свежие булочки и целую вазу спелых фруктов.

— Нет, благодарю, — все так же вежливо проговорил мужчина.

Впрочем, через несколько секунд она уже пожалела о том, что так беззаботно ласково вела себя с человеком, заставлявшего Азамата чуть ли не дрожать рядом с собой.

— Новенькая? — вдруг заинтересовался Эльдар, продолжая нагло рассматривать подчеркнутую широким поясом фигурку молодой официантки, неприлично открытый вырез белоснежной блузки, длинные стройные ноги, чуть прикрытые коротенькой обтягивающей юбочкой.

— Да, — пролепетала Юлька, не зная, куда деваться ей от тяжелого любопытного, до костей достающего взгляда.

Не выдержав, девушка схватила поднос и поспешила удалиться.

— Откуда этот мотылек в твоей дыре? — провожая девушку взглядом, спросил Эльдар, убедившись, что «мотылек» уже не слышит их.

— Да нет, Эльдар, эта девушка тебе не подойдет, — кляня Юльку, Азамат попытался отвлечь внимание гостя от девушки. — Она бродяжка...

— В смысле «бродяжка»?

— Да жить ей негде, Антон привел откуда-то, да я вот сжалился, не оставлять же девку на улице...

— Что-то не очень похожа она на бездомную.

— Да она всего несколько дней тут. Говорят, от жениха сбежала.

— Вот как, — протянул Эльдар, что-то тщательно обдумывая. — А знаешь что, устрои-ка нам с ней встречу, Азаматик.

— Эльдар, зачем она тебе? — напрягся Азамат, не столько вступаясь за безрассудную Юльку, сколько опасаясь реакции Антона.

— Да не бойся, не съем я ее. Работу предложу, — пожал плечами Эльдар. — Ты же знаешь, у меня домработница недавно уволилась. А с такой, может, и сработаемся. Ну не

дело ж такой девке пропадать, Азамат!

В предчувствии грядущих неприятностей Азамат тщетно пытался найти хоть какой-то повод, чтобы отказать в просьбе, по сути равноценной приказу. Работа... Да какая может быть работа у него? Нет, определенно жди проблем с Антоном. А так бы не хотелось... Он, Антон, хоть и бродяга, да только без него Азамату остаться совсем не хотелось — работал он за пятерых, к водке сам не притрагивался и остальным спиваться не давал, да и советом умным всегда помочь мог — и без предъявления диплома Азамату понятно было, что за спиной этого странного бродяги не самые худшие университеты стоят.

— Ну так что, дашь девушке шанс? — смятение Азамата даже забавляло Эльдара. — Не будь эгоистом, Азаматик. Жду ее у тебя в кабинете через полчаса. Надеюсь, у тебя хватит ума не перечить мне.

Голос Эльдара в одно мгновение стал ледяным, ясно показывая, кто здесь истинный хозяин. Допив кофе, мужчина небрежно отставил чашку и направился на второй этаж.

Проводив тоскливым взглядом Эльдара, Азамат нехотя подошел к копошащейся за барной стойкой Юльке и сел напротив.

— Что случилось? — спросила девушка, с тревогой глядя на мрачное лицо мужчины. — Это вообще кто?

Азамат небрежно махнул рукой, так и не решаясь посмотреть в глаза своей подопечной.

— «Крыша» наша, — мрачно произнес он. — Я только кафе это открыл, а он уже тут как тут, поналетели коршуны... Сама видишь, доходов и так нет, а он каждый месяц половину забирает. Хоть снайпера на него нанимай!

— А если не платить?

— А если не платить, «риск того, что электропроводка вдруг окажется неисправной, возрастет в несколько раз», — передразнил Азамат чертова Эльдара.

Юлька вздохнула — она и вправду всем своим сердцем сочувствовала несчастному шефу. Но чем она-то могла ему помочь?

— Да ладно, не бери в голову, — отмахнулся мужчина на Юлькин вздох. — И на него когда-нибудь управа найдется, а пока работать дает и ладненько. Да, кстати о работе...

Азамат напрягся, пытаясь подобрать слова. Сомнений на счет того, зачем именно Эльдар ждет девушку, у него практически не было. И все же, больше для успокоения своей собственной совести, он тешил себя надеждой, что речь действительно идет о том, чтобы помочь Юльке устроить свою жизнь.

— Эльдар хотел работу тебе предложить, — выпалил он после небольшой паузы. — Ты поднимись к нему, он в моем кабинете ждет.

— Работу? — удивилась девушка.

Мужчина угукнул, делая вид, что упорно рассматривает невидимые царапинки на столешнице.

— Ну хорошо, — пожалала плечами Юлька, гоня от себя смутные предчувствия.

— Юль, — окликнул вдруг он, когда девушка направилась к лестнице. — Ты с ним будь помягче, ладно? Он действительно может помочь тебе.

Глядя в тоскливые глаза шефа, девушка кивнула.

Азамат проводил взглядом гибкий стан девушки, мысленно коря себя за то, что он даже заступиться за нее не сможет. А ведь если она не угодит Эльдару, все пойдет прахом... Легкий стройный силуэт девушки взлетел по лестнице и через мгновение скрылся из вида.

Он стоял возле окна, спиной к двери, задумчиво разглядывая неведомые дали.

— Вы звали меня? — робко спросила Юлька, переступая порог кабинета.

Мужчина тут же обернулся и, не спеша, подошел девушке.

— Рад, что Вы пришли, — улыбнулся он.

— Азамат сказал, Вы хотели предложить мне работу?

— Работу? Ну да. У меня загородный дом, а домработница уволилась на прошлой неделе. Вот подумал, может Вы могли бы помочь мне? О зарплате договоримся, да и с жильем, я слышал, у Вас проблемы?

Юлька чуть покраснела, вспомнив о своем нынешнем «бездомном» статусе.

— Ну же, не отчаивайтесь, — заметив смущение девушки, подбадривал мужчину. — Увы, никто не застрахован от жизненных затруднений. Вы молодая, красивая — уверен, все у Вас еще наладится! А я Вам помогу! Ну что, согласны?

Девушка невольно улыбнулась и пожалала плечами — конечно, ей хотелось, чтобы весь этот кошмар развеялся как можно скорее. Как знать, может предложение Эльдара — действительно и есть та самая спасительная соломинка?

— Ну вот и отлично, — не дожидаясь ее ответа, заключил мужчина. — За это нужно выпить! У Азамата есть запасы отличного вина.

— Я не пью, — попыталась мягко отказаться Юлька.

— Это замечательно! — улыбнулся Эльдар, доставая из закровов Азамата бутылку белого вина. — Но за нашу сделку глоточек сделать можно ведь? Поверьте, это отличное вино!

А вино действительно оказалось великолепным! Пригубив полусладкий напиток, девушка не могла отвести взгляда от уверенного в себе мужчины, совсем не похожего на вымогателя, о котором еще несколько минут назад рассказывал ей шеф. Сделав пару глотков, Юлька захмелела, что не осталось незамеченным Эльдаром. Мужчина рассмеялся и забрал из руки девушки бокал.

— Да, Вы абсолютная трезвенница! Не думал, что такие девушки еще есть на белом свете! Присядьте, — мужчина подвел Юльку к дивану, — легкое головокружение скоро пройдет, это всего лишь слабенькое вино.

Устроившись на диване, девушка продолжала неотрывно наблюдать за мужчиной. Эльдар убрал бутылку на место и присел рядом с Юлькой. Наступила тишина. Тяжелая, пугающая...

— И что мне нужно будет делать, — чтобы хоть как-то разорвать эту тишину спросила Юлька, пытаясь вернуться к разговору о работе.

— Да ничего особенного, — пожал плечами Эльдар. — Просто дружить со мной, — добавил он уже чуть тише.

Горячая рука мужчины легла ей на коленку. Девушка попыталась отодвинуться, но Эльдар лишь хищно улыбнулся и попытался приобнять ее.

— Мы ведь подружimsя? — почти шепотом спросил он.

Юлька не успела ответить, да и ответ ее ему был не сильно нужен. Сильная рука скользнула к волосам и молниеносно запрокинула ее голову.

— Конечно, подружimsя, — ответил он за нее, хищным взглядом всматриваясь в напряженное испуганное лицо девушки.

— Что Вы делаете? — прошептала Юлька и попыталась высвободиться из цепких рук.

Но он держал ее так крепко, что она не смогла даже пошевелиться. Взгляд хищника в

предвкушении скользнул к губам девушки. Одной рукой он все так же крепко продолжал держать ее за волосы, второй же легонько коснулся щеки.

— Тихо. Не заставляй мне делать тебе больно, — прошептал он ей в лицо, когда она дернулась от наглого прикосновения.

Девушка замерла, судорожно обдумывая план спасения. А Эльдар бегло окинул оценивающим взглядом ее почти белоснежную шею, спускаясь все ниже и ниже пока не остановился на разрезе блузки.

— Все хорошо будет, — вдруг улыбнулся он и даже чуть ослабил хватку. — Конечно, мы подружимся!

Не обращая внимания на охвативший девушку страх, рука мужчины уверенно скользнула под юбку. Это уже слишком! Страх вмиг покинул Юльку, сменившись гневом.

— Нет, мы с Вами вряд ли подружимся, — выкрикнула она и вновь попыталась вырваться.

Но отпускать ее вовсе не входило в его планы. Сильный толчок — и Юлька уже почти лежала на диване, придавленная немалой массой мужского тела. Девушка жалобно посмотрела на спасительную дверь: «Кто-нибудь, войдите же сюда!» Она вспомнила их первую встречу с Антоном — ах, если бы чудо случилось! Как бы рада она была его сейчас видеть! Словно издеваясь над ней, Эльдар чуть отстранился и тоже посмотрел на дверь.

— Нет, — покачал он головой, — сюда никто не войдет, не бойся.

— Отпустите меня, — молила она.

— Конечно, отпущу! Только чуть позже, — растянулся в улыбке хищник, принявшись развязывать пояс на ее блузке.

— Нет! — Юлька отчаянно продолжала сопротивление.

— Не дергайся, одежду порву, — прикрикнул Эльдар, пытаясь удержать девушку, с каждой секундой вырывающейся все сильнее и отчаяннее.

Но вот пояс стремительно полетел в сторону, а похотливая рука скользнула под блузку. Девушка взвизгнула и со всей силы дернулась в жалкой попытке спасти свою честь. Звук рвущейся ткани на мгновение остановил их обоих.

— Я же предупреждал, — ухмыльнулся мужчина, разглядывая обнажившуюся грудь.

После секундной передышки Юлька высвободила руку и со всей силы залепила звонкую пощечину. Ошарашенный такой дерзостью какой-то несчастной бродяжки, строящей из себя недотрогу, мужчина опешил, и этой короткой паузы хватило на то, чтобы, добив негодяя сильным ударом по самому уязвимому мужскому месту, наконец, вырваться из цепких лап и броситься к двери.

— С..а, — полетело ей вслед.

Скорчившись от боли, мужчина зло смотрел вслед убегающей девушке.

Юлька пулей залетела в свою каморку и плюхнулась на кровать. Слезы душили ее, тело все тряслось от страха и напряжения. А ведь он предупреждал ее... «Ты хоть знаешь, куда попадают девушки вроде тебя, оказавшиеся на улице?... На панель, Юля! На панель!.. Не хочешь быть дорогой подстилкой, станешь дешевой...» Хрипловатый голос Антона с новой силой зазвучал в ее голове. А ведь тогда она практически не придавала значения его словам, уверенная, что определить свою участь сможет только она сама! Теперь же все яснее и яснее становились ее перспективы... Шорох за дверью заставил девушку сжаться — неужели и здесь не будет ей покоя? «Антон!» — беззвучно звала она единственного человека, который

мог хоть как-то ее защитить. — «Приди же, пожалуйста!» Через секунду дверь заскрипела, послышались тяжелые неторопливые шаги. Не смея посмотреть в лицо вошедшего, Юлька, казалось, дышать перестала...

После недолгого напряженного молчания раздался голос шефа:

— Убирайся. И чтобы духу твоего здесь не было. Мне из-за тебя проблемы не нужны, — мрачно отчеканил мужчина.

Юлька подняла на Азамата заплаканные глаза.

— Я жду, — безжалостно повторил он.

Придерживая края разорванной блузки, девушка молча вышла из помещения и пошла прочь. Из окна кабинета провожал ее взглядом оскорбленный до глубины своей душонки Эльдар, получивший такой неожиданный отпор от какой-то безумной девчонки...

Антон вернулся ближе к полуночи. Безумно уставший, он осторожно открыл дверь, стараясь не скрипеть — Юлька наверняка уже заснула, не дождавшись его возвращения. Но уже через пару минут усталость отступила. Тусклый свет одинокой электрической лампочки осветил каморку — чуть примятая кровать была пуста.

— Юля! — осторожно позвал, выбежав на улицу.

«Неужели поумнела?» — Антон вернулся в свое жилище и устало плюхнулся на диван. — «Ушла... Ну и правильно».

Бродяга с ногами забрался на диван и облокотился на стену — ну вот, так хоть меньше спина болит. Устроившись поудобнее, Антон прикрыл глаза — заснуть бы сейчас, да разве ж заснешь с такой болью? А завтра с первыми лучами солнца опять на разгрузку — рано утром фура должна придти. И чего ему не живется спокойно? Вон, другие, утром глазенки продрали, горючей жидкости наглотались и день уже не так паршив! Жизнь пройдет да и ладно! Что ж ему-то так не живется? Зачем до полуживого состояния горбатится? Да и было бы ради чего... Сколько ему Азамат заплатит? Сто-двести рублей за день? Даже на лекарства не хватит... Надо же, раньше он эту мелочь и за деньги не считал, а теперь за каждую несчастную сотенку готов рвать и без того больную спину! Зачем? Ради чего? Одна радость в жизни осталась — эта девушка, как глоток прохладной воды в раскаленной пустыне... Глазами своими зелеными порой как взглянет, улыбкой непринужденной вдруг одарит — так вроде и настроение лучше станет, и жизнь не такой паршивой кажется! И вот ушла, последний лучик света в этом беспросветном царстве с собою забрала. И все же, это правильно — не дело молодой девке жизнь свою здесь гноить. Это его жизнь уже закончилась, а у нее-то все еще будет! «Жаль, не попрощались...» Мужчина усмехнулся — ну и мысли! «Очнись, дорогой, ты просто бомж! Прошли те времена, когда молодые да красивые за тобой бегали! Да и за тобой ли?» И все же, без Юльки как-то совсем тоскливо...

Антон равнодушно обвел взглядом мрачную комнатку. «Как же все это надоело! Эти стены, эта кровать-развалюха, эти...» Взгляд вдруг остановился на кусочке торчащей полосатой ткани. Позабыв о больной спине, Антон подскочил к кровати — да, так и есть, Юлькино платье. «Так рванула к новой жизни, что даже не переделалась?» После полуминутного раздумья Антон резко развернулся и направился к выходу.

Смутные подозрения о странном Юлькином побеге вырвались наружу, едва он подошел к закрытым воротам. Нет, ни в одном из окон здания не было даже намека на хоть какой-то свет. И все же, дабы удостовериться, Антон открыл ворота и подошел к дверям кафе — закрыто. Ни души! Сколько сейчас? Час? Два ночи? Конечно, в это время все нормальные

люди давно смотрят свои сны! Да и заведение Азамата, сколько он помнит, никогда допоздна не работало — посетителей-то хоть под прицелом автомата заводи!

Чертыхнувшись, мужчина выбежал на пустынную улицу. Сомнений в том, что за время его отсутствия что-то случилось, почти не осталось. Ну не могла Юлька вот так вот просто взять и уйти, ничего ему не сказав! Да и в рабочей одежде, в этой уж слишком откровенной блузке и до не приличия короткой юбчонке она вряд ли бы ушла... Да и, как там ее? Интуиция? Чутье? Что бы то ни было, но почему-то не покидало его чувство нарастающей тревоги. Но где искать ее? Куда могла она пойти? Ночь... Глухая, жестокая ночь. Беспросветная, бессердечная. Так похожая на его нынешнюю жизнь... Антон бродил по опустевшим улочкам, всем своим почти до конца окаменевшим сердцем моля, чтобы с ней ничего не случилось.

Спустя час, а может больше, он вышел к небольшому скверу и облегченно выдохнул — на скамейке, обласканная холодным светом одинокого фонаря сидела Юлька, уткнувшись лицом в ладони. Антон подошел и присел напротив нее.

— Вот ты где, — тихо вздохнул он.

От знакомого, чуть хрипловатого голоса девушка вздрогнула и подняла заплаканные глаза — похоже, она умудрилась даже задремать.

— Что случилось? — с некоторой тревогой спросил он.

— Все хорошо, — возразила девушка, лишь крепче прижав руки к груди.

Но могут ли солгать глаза? В один момент в них вновь заблестели предательские слезы. Сколько их сегодня было выплакано уже? Ан нет, видать не все...

— Юль, — требовал ответа бродяга.

— Антон, правда, все в порядке. Ты зря меня искал, — одинокая слезинка не удержалась и стремительно покатила по щеке.

Взгляд мужчины на мгновение скользнул вниз. Только теперь он заметил, как ревностно она сжимает руки. Ему пришлось приложить силу, чтобы вопреки ее упорству, резким движением разомкнуть их. Но вот хватка Антона ослабла, а с губ слетело ругательство. Дрожащими руками Юлька тут же отчаянно попыталась прикрыть грудь.

— Ну и кто это сделал? — мрачно спросил Антон после некоторого молчания. — Азамат?

— Нет, — голос девушки дрожал в такт бледным рукам, вцепившимся в замусоленные края блузки.

— Юля, кто? — повысил тон Антон, выпытывая правду.

— Эльдар, «крыша» Азамата, — с трудом тихо выдавила она.

— Вот значит как, и до тебя добрался, — в глазах Антона зажегся недобрый блеск.

— Не вздумай, — предупредила Юлька, угадывая его мысли. — Слышишь?

— А это уже тебя не касается, — зло отрезал Антон, твердо решив, что уж теперь-то Эльдару придется ответить за свой беспредел.

— Антон, я прошу тебя, не лезь! — почти кричала девушка. — В конце концов, он ничего не сделал — я сбежала от него!

— Ну давай, позащищай его теперь! — все-таки девчонке удалось вывести его из себя.

— Да не кричи ты на меня! — наконец, ее прорвало, и накопившиеся слезы непрерывным ручьем потекли из усталых, измученных глаз.

— Ну все-все, успокойся, — мужчина сел рядом и прижал девушку к своему плечу. Юлька не сопротивлялась. Вцепившись в рукав его куртки, она уже не сдерживалась и

разревелась в голос.

— Все наладится, слышишь? — шептал он, коря себя за то, что накричал на нее.

Она ведь совсем еще девчонка! Глупая, маленькая девочка, решившаяся шагнуть в пропасть! А он, взрослый мужик с немалым стажем жизни, орет на нее из-за собственной беспомощности... Из-за того, что не может ей помочь, не может защитить от этой грязи... Куда приведет ее дорога? Что она увидит в этой жизни? Что может сделать он? Ничего. Ровным счетом ничего. А самое ужасное, что это он сейчас ее жалеет, сейчас во что бы то ни стало хочет спасти ее! Сейчас! Когда он сам заживо похоронен на дне этой чертовой пропасти! А в той жизни — прошлой, такой сытой и благополучной, он прошел бы мимо, даже не обратив свой драгоценный взор на подобную девушку, никогда бы не заглянул в глаза, молящие о помощи, никогда не протянул бы руки... Хотя тогда он запросто мог спасти не одну такую Юльку! Просто так, играючи, не приложив практически никаких усилий! Мог бы... Но не сделал бы. Нет, не потому что он такой плохой, жестокий и бесчувственный — просто тогда его интересовало совсем иное. Да и девушек он выбирал совсем иных и совсем для других целей. Сегодня же, испив до дна всю прелесть своей никчемной жизни, его приоритеты кардинально переменились. Вот только сделать уже ничего не мог — сейчас он себя спасти не может, что уж говорить о других.

Вволю выплакавшись, Юлька понемногу успокаивалась. Антон чуть отстранил девушку от себя и ласково заглянул в ее глаза.

— Ну что, пойдём?

— Куда?

— Ну как куда — «домой», — усмехнулся бродяга столь гордой формулировке.

— Нет, Антон, ты иди... Я туда не вернусь.

— Это что еще за новости? Будем ждать, пока тебя наша добрая полиция в «обезьянник» заберет?

— Антон, я не пойду, — повторила Юлька, переходя на крик. — Если Азамат узнает, то и у тебя проблемы начнутся.

— Проблемы? У меня? Начнутся? — нет, даже в столь невеселый час эта девчонка умудрилась заставить его рассмеяться. — Дорогая моя, мои проблемы начались в тот момент, когда я родился! Так что пошли, а то вправду неровен час — загребут куда-нибудь.

Мужчина решительно встал и потянул за собой Юльку.

— Я тебе сказала, что никуда не пойду, — закричала она. — Оставь меня, слышишь? Не нужно меня спасать, от меня одни проблемы будут, ни на что я не гожусь, может действительно мне место только на «панели», — уже тише, переходя на шепот, запричитала девушка, вытирая вновь подступившие слезы.

— Ну что ты несешь? — голос бродяги смягчился, а рука осторожно коснулась подбородка девушки, заставляя посмотреть ему в глаза. — Юль, тебе надо отдохнуть, переодеться... Пошли. А завтра мы уедем, я обещаю тебе. И никакой Азамат, никакой Эльдар больше не обидит тебя, слышишь? Пойдем...

— Куда уедем? — жалобно проскулила она, с надеждой глядя в серые глаза бродяги.

— Я знаю, куда. Ничего не бойся! Идем же... Я чайных пакетиков раздобыл, — вдруг улыбнулся он. — Заварю тебе, хочешь?

Юлька невольно улыбнулась — пожалуй, от чая бы она не отказалась. «Пойдем, защитник», — мысленно ответила она, но вслух ничего не сказала, лишь покорно положила свою руку в протянутую мозолистую ладонь бродяги.

Переодевшись и, наконец, успокоившись, Юлька забралась на кровать.

— Вот, держи, — Антон поставил рядом с ней одноразовый пластиковый стаканчик с горячим чаем. Несмотря на столь поздний час и накопившуюся усталость, им обоим не спалось. Мужчина уселся рядом и осторожно погладил Юльку по спине.

— Ну не кисни, — тихо сказал он, — прорвемся...

Девушка лишь вздохнула.

— Зачем ты помогаешь мне? У тебя самого ведь куча проблем...

Бродяга тяжело вздохнул ей в ответ. Что сказать ей? Он и сам не знал, зачем. Быть может, хотел стать хоть кому-то нужным? А может искупить беспечность и легкомысленность прошлой жизни? Так или иначе, но эта девушка действительно сейчас была единственной, кто придавал хоть какой-то смысл его существованию.

— Я не знаю, Юль. Я совершил слишком много ошибок, и теперь я здесь. Никому не нужный бомж... Как знать, может ты — мой последний шанс сохранить в себе человека?

В его голосе было столько тоски, что Юлька невольно подняла на него свои глаза, будто пытаясь найти в его серых льдинках что-то еще, недосказанное, глубоко спрятанное в недрах его плачущей души.

— Расскажи о себе, — вдруг попросила она, тут же укорив себя за столь бестактное вмешательство.

— Зачем тебе? — усмехнулся бродяга.

— Хочу знать, что за человек рядом со мной. Кто ты? Откуда? Почему здесь?

— Это бессмысленно, — пожал плечами мужчина. — Тот, что когда-то был — умер, и, надеюсь, уже никогда не возродится. Будущий — еще не родился, да и не родится, наверно, никогда. Тот, что есть — сидит перед тобой.

— Это все, что ты можешь мне сказать?

— Мне больше нечего тебе сказать. Мы, бомжи, народ простой и незатейливый. А теперь давай спать, завтра с утра уедем отсюда — надо выспаться.

Наступил рассвет. Юлька всю ночь ворочалась, не находя себе места, да и Антон так и не сомкнул глаз, обдумывая дальнейший план действий. И вот, наконец, под утро девушка заснула. Боясь ее разбудить, он с первыми лучами солнца тихонько встал и вышел из каморки — Азамат обычно приезжает рано и наверняка уже копошится в своих бумажках.

Антон вошел в кабинет и подошел к столу.

— Ты? — удивился Азамат столь раннему визиту.

— Вот что, Азамат, — без лишних церемоний, сразу же к делу приступил Антон. — Я не намерен обсуждать вчерашний инцидент, так что говорю сразу — я за деньгами.

Мужчина оторвался от бумажек и вопросительно посмотрел на решительно настроенного бродягу.

— Не понял?

— Все ты понял. Мне нужны деньги. Все, что заработал я, и все, что заработала Юля.

— Она с тобой? — занервничал Азамат.

— Со мной, где ж ей еще быть? — Антон не сдержался и перешел на крик. — Не переживай, мы уйдем, так что можешь не бояться своего бесценного Эльдара!

— Успокойся, Антон, она сама виновата — нечего было перед ним задницей крутить! — злость на Юльку моментально вылилась в крик. — Ты же знаешь, Эльдар

никогда не пропускал ни одной юбки! А что я мог сделать?! Что?

— Деньги, — требовательно повторил бродяга уже спокойным голосом — спорить с Азаматом бесполезно, и он прекрасно это понимал.

Азамат замолчал, немного подумал и вытащил из ящика помятую тысячу.

— Юлины тоже.

— Да забирай!

Еще одна бумажка была нехотя вытащена из сейфа и небрежно брошена на стол.

— Вот и замечательно. Прощай, Азамат.

Антон взял деньги и направился к выходу.

— Антон, — вдруг тоскливо окликнул Азамат.

Бродяга в ожидании остановился.

— Ну что ты творишь? Ты бы себе для начала помог, к жизни нормальной, человеческой вернулся б! Ну не убережешь ты ее, пойми!

Антон развернулся и подошел к столу.

— Возможно. Но я сделаю все, что в моих силах, — отрезал он.

— Пока что в твоих силах погубить вас обоих. Антон, ты же знаешь, как я к тебе отношусь — ты нормальный мужик! Соберись! О себе подумай! Жизнь свою строй! Ты ведь можешь! А потом уже других за собой тяни. Но сейчас вдвоем вы пропадете... Куда ты ее спрячешь? Ты носишься с ней как курица-наседка, а ведь у нее гораздо больше шансов вернуться к нормальной жизни. И если бы она не была душой, то еще вчера могли бы закончиться все ее проблемы. Да, Эльдар сволочь, но ни одна из его женщин никогда не жаловалась на него. Он дал бы твоей Юльке все — крышу, тепло, внимание... А что еще нужно? Да, иногда ей бы пришлось с ним спать — но так ведь сейчас каждая вторая так живет! А что дашь ей ты? Ты, который с собственной жизнью разобраться не хочет! Рано или поздно она все равно окажется на панели. Потому что больше ей предложить нечего, она ведь ничего не умеет! Антон, если ты действительно хочешь помочь ей — отпусти ее. Лучше поговори с ней — Эльдару она понравилась, он бы закрыл глаза на ее вчерашнюю выходку. Поговори с ней! И у нее действительно уже завтра начнется новая жизнь! Нормальная!

— Да, Азамат, — задумчиво произнес бродяга, внимательно выслушав всю его праведную тираду. — Станные у тебя представления о «нормальной» жизни. Надеюсь, я все же не ошибся, и у нее представления другие. Счастливо оставаться!

Глава 4. И целый мир для нас двоих...

Моноotonно стуча колесами, электричка, словно зеленая змейка, плавно скользила по раскалившимся на солнце рельсам, оставляя за собой бесконечные леса и поля. Вагон сегодня почти пустой, что и неудивительно — не час-пик да и не выходной! Лишь верные своим традициям пенсионеры по привычке нагрузились тяжелыми баулами и теперь подремывали перед бесконечными дачными трудами. Подумать только, вот чего им дома не сидится? Что их заставляет в любую погоду, в любое время года вставать с первыми лучами солнца и ехать за десятки километров в какую-нибудь глушь, чтобы заработать на грядках свой законный радикулит, а потом, скрючившись в три погибели, жаловаться внукам на больные ноги, спины, головы, да обеспечивать бесконечные очереди в поликлиниках? И все же, эту категорию граждан не переубедить! А может, именно на них, этих бредящих своими огородами бабушках, и держится пока еще наш мир? Ну вот скажите, кто еще так будет заботиться о здоровье своих домочадцев, как не они? Ведь ни один магазинный деликатес никогда не сравнится с выращенным заботливой рукой огурчиком или помидорчиком! А ведь потому что не для чужих — для своих горбатятся на грядках старики! Эх, не ценит молодежь этого кропотливого и такого нужного труда! Вот и сейчас, словно пчелки-трудяжки, обложились они своими бесконечными сумищами, уже наверняка предвкушая, как ступят на порог своего маленького, но бесконечно уютного дачного домика. И никому, похоже, дела нет до странной парочки, забившейся в самый угол полупустого вагона.

Юлька за эту беспокойную ночь так и не выпалась. И вот теперь, с трудом борясь со сном, она то и дело дергалась, ворочала головой, пытаясь хоть как-то ободриться. Антон, видя ее мучения, осторожно прижал девушку к себе.

— Поспи, нам еще целый час ехать, не меньше, — тихо сказал он.

Юлька покорно прильнула к плечу мужчины, успев про себя отметить, что это плечо уже можно смело считать «своим законным местом», ибо за последнюю неделю она спала на нем больше, чем на плечах кого-либо за всю ее жизнь.

Деревенька с полностью оправдывающим себя названием Глушино встречала гостей ярким солнцем и легким ветерком, играющим в кронах деревьев. Они молча шли песчаной тропинке, с детским любопытством пытаясь разглядеть в открывшейся их взору красоте и простоте хотя бы ближайшее свое будущее. Где-то совсем рядом кудахтали куры, щемясь от назойливого внимания кавалера-петуха, а в соседнем подворье вдруг протяжно замычала корова... Здесь была иная жизнь. И особая аура этой жизни обволакивала, окутывала молчаливую парочку, бредущую в тени деревьев. Так пахнет детство! Легкое, беззаботное, почему-то всегда солнечное при любой погоде за окном — наверно, потому что только в детстве можно смотреть на мир не глазами, а самой душой — чистой, невинной, не тронутой бранными проблемами взрослого мира.

Антон то и дело украдкой поглядывал на свою спутницу, пытаясь угадать ее мысли. Эта девушка с каждым днем поражала его все больше. Вот и сегодня, за всю дорогу она так ни разу и не спросила, куда же он везет ее. Неужели доверие этого молодого создания к нему, бродяге, абсолютно постороннему мужчине с туманным прошлым, так велико?

А Юлька брела по пыльной тропинке и вспоминала свое детство, дачу вот в такой же

вот деревеньке, любимую бабушку и ее бесподобные пироги. Каждое лето родители отправляли ее туда, в такую же окутанную золотым солнцем глушь где-то под Питером. Тогда эти трехмесячные поездки казались ей пыткой, наказанием! Глупая... Не понимала она тогда своего счастья! Ах, если бы хоть на минуточку вернуться туда, в детство! Обнять бабушку, так вкусно пахнущую свежим молочком и выпечкой, припасть к ее покрытым морщинками рукам... Осталось все в далеком прошлом и почти забылось, да вот сейчас вдруг заскреблось в самом сердце.

Погруженные в свои думы и воспоминания, они подошли к одному из домов. В отличие от своих сородичей — чуть покосившихся, с облупленной и выгоревшей на солнце краской, этот дом как будто заранее готовился к приезду жильцов. На бревенчатых стенах, аккуратно покрытых специальным лаком во избежание нашествия непрошенных гостей в виде различных губителей древесных пород, всюду играли солнечные блики, придавая дому особое золотистое свечение. Девушка улыбнулась и оглянулась на спутника — не так уж все и плохо! Впрочем, Антон ее радости не разделял.

По-хозяйски расправившись с проржавевшим засовом, мужчина открыл калитку.

— Ну, вот и пришли, — вздохнул он.

— У тебя есть дом, а ты мотаешься по каким-то каморкам, — не понимала девушка бродяжьей логики.

— Это не мой дом, — как-то совсем просто ответил Антон.

— А чей?

Антон лишь неопределенно пожал плечами.

— Не знаю. Дом заброшен, хозяева лет десять назад за границу уехали. Ну а я здесь прошлую зиму переживал, по весне немножко фасад в приличный вид привел, чтобы не залез никто. Вот видишь, не зря... пригодился еще домик! — грустно усмехнулся он.

— Подожди, — от мысли, что он привел ее в чужой дом, пусть даже и заброшенный, Юльке стало не по себе. — Как же так? Нельзя же...

Антон развернулся к девушке лицом и пристально заглянул в ее перепуганные глаза.

— Да, нельзя, — согласился он. — Но других вариантов нет. Так что добро пожаловать!

В голосе бродяги откуда ни возьмись появились злые нотки. Он и сам все прекрасно понимал, но что делать?

— А если хозяева надумают вернуться? — пролепетала девушка.

— Вряд ли, — уже мягче ответил он. — Да ты не бойся, соседи меня знают — я по весне половине деревни то сарай покосившийся подправлял, то забор укреплял. Так что ни у кого претензий не будет. Ну же, идем...

Опасаясь предстоящей Юлькиной реакции, Антон пропустил девушку чуть вперед, а сам виновато поплелся следом, гадая, хватит ли ей терпения, сможет ли смиренно выдержать очередное испытание, спрятанное за облагороженным фасадом?

Юлька вошла внутрь и задрожала. От ужаса, от страха, от безысходности. Запах сырости и плесени резко ударил в нос, едва дверь со скрипом отворилась. Мрачное, безжизненное, прохладное пространство в один момент вырвало ее из еще совсем недавнего восхищения деревенской природой. В этом доме было всего две комнаты — большие, просторные... Холодные и мрачные. Первая комната, видимо, служила кухней — грязный керамический раковина, несколько рассохшихся кухонных тумб, старенький холодильник (конечно же, не работающий!), небольшая самодельная печурка, погрызанный мышами диван... Не веря своим глазам, боясь даже думать о том, что здесь ей придется жить, девушка прошла дальше.

В другой комнате было не лучше — в самом углу притаилась большая железная кровать, накрытая грязными отсыревшими тряпками, рядом — почти до дыр проржавевший стол на кованых ножках, между двух таких же грязных, как и все остальное, окон расположился рассохшийся пыльный шкаф. Из-под подобия ковра неторопливо выползла сороконожка, видимо почуяв нарушителей привычного покоя, и направилась напрямиком к оцепеневшей девушке. «Здесь! Нельзя! Жить!» — вопил внутренний голос. Ноги девушки стали будто ватные, руки задрожали, глаза в один миг наполнились слезами.

Антон подошел, резко развернул ее лицом к себе и, что есть силы, прижал к своей груди, пытаясь хоть как-то ее успокоить.

— Юленька, потерпеть надо, — тихо зашептал он, ощущая, как трясется от ужаса каждый сантиметр ее тела.

Он был почти уверен, что она сейчас вырвется, убежит от него, хотя бы раскричится, как сделала бы любая на ее месте, но Юлька, будто ища защиты, лишь крепче прижалась к нему, изредка всхлипывая.

— Прости меня, девочка, — шептал он, — не могу я тебе лучшего предложить, прости меня...

Юлька чуть отстранилась и подняла заплаканные глаза на искореженное болью лицо мужчины.

— Я знаю, это ты меня прости... Ты столько делаешь для меня, а я... Ты не думай, я сейчас успокоюсь...

Девушка еще раз огляделась, а затем, уже чуть успокоившись, продолжила:

— Ничего, устроимся как-нибудь... Вытру пыль, помою все, вычищу — будет не так ужасно, правда ведь?

— Ну конечно...

Антон закрыл глаза и лишь крепче прижал к себе Юльку — да, он не ошибся! Эта девочка стоит того, чтобы жить! Не ради себя, ради нее он сделает все, чтобы жизнь вновь запестрела яркими красками! Их жизнь!

Прошло две недели.

Как ни странно, но жизнь потихоньку налаживалась. Человек ко всему привыкает! Насколько это возможно, Юлька привела дом в порядок — по крайней мере, нигде никто не ползал, а грязь не отваливалась кусками под тяжестью собственного веса. В первый же день их приезда Антон навестил соседку — Вера Петровна, ветеран ВОВ, еще прошлой осенью сжалилась и предложила несчастному бродяге перезимовать в заброшенном доме напротив, когда в поисках еды, крова и работы судьба занесла его в эту деревню. Так и повелось — на заработки он ездил в Величаевск, а когда сорванная почти сразу же, в первые дни тяжелого физического труда, спина не давала сделать ни шагу, отсиживался здесь, в мертвой тишине раздумывая о своей жизни, гадая, дотянет он до весны или нет? Дотянул...

Вымершая зимой деревня с первым теплом начала оживать — дачники потянулись к своим огородам. Стало намного легче — для того, чтобы добыть пропитание, больше не нужно было ездить в город. Дачники-то, в основном, старики; молодежь и палкой не загонишь! А работы, тем более после длительной зимней «спячки», хоть отбавляй — где забор покосился, где погреб затопило... В общем, к лету Антона уже знали все — уж что-то, а руки у него росли откуда надо. Да и старики в долгу не оставались — помогали то молочком, то овощами свежими с грядки, то запасами солений; в общем, кто чем богат, тот

тем и помогал. И все же, надо было как-то устраивать свою жизнь, а потому, чуть подлечив спину (опять-таки спасибо бабушкам, этим ходячим «энциклопедиям и справочникам по народной медицине»), он вернулся в город.

С Верой Петровной он особенно подружился! Милая старушка, в прошлом — заслуженная учительница, отнеслась к молодому мужчине, попавшему в жестокие жернова судьбы, с пониманием. Пожалуй, она была единственной, кому однажды тоскливым осенним вечером за кружкой горячего чая он не выдержал и рассказал свою историю. Внуки бабушку своими визитами не баловали — едва сходил снег, они привозили ее сюда, а глубокой осенью забирали к себе на зимовку. Вера Петровна обижалась, но обиды своей не показывала — молодые еще, жизни не знают, хоть привозят и на том спасибо — на большие расстояния она уже боялась передвигаться, силы не те. Так и получилось, что Антон стал куда ближе родных... И вот теперь, вновь оказавшись здесь, он первым делом направился к ней, а заодно и познакомил ее с Юлькой. Вот тогда они и решили — Юля остается в деревне и помогает старикам по мере своих сил, а Антон зарабатывает деньги в городе.

Эта беспокойная ночь определит всю дальнейшую Юлькину жизнь. Девушка бродила из угла в угол, гоня от себя мрачные мысли. Приготовленный ею «царский» ужин уже давно остыл, глухая ночь давно опустилась на деревню, а он до сих пор не вернулся. Юлька в который раз бросила взгляд на чудом отыскавшиеся на чердаке старые часы — 1 час 47 минут. Почти 2! 2 часа ночи! Последняя электричка в Глушино приходит без десяти двенадцать, от станции до дома — максимум двадцать минут! Страшно. Жутко. Ночь. Она одна... Юлька не выдержала и зажгла свечу — электричества в доме уже давно не было. «Антон, миленький, вернись! Не бросай меня, пожалуйста», — молила она, с трудом сдерживая слезы. «Где же ты? Что с тобой?»

Боялась ли она в эту минуту за себя? Вряд ли. Та же Вера Петровна в случае чего конечно же, поможет ей! Но ей сегодня было не до себя... Она вдруг поймала себя на мысли, что несмотря на всю тяжесть и беспросветность сложившейся ситуации, рядом с Антоном она чувствовала что-то, чего она никогда не испытывала рядом с Вадимом. Что это было? Она не знала. Но никогда раньше ей не приходилось так переживать за своего жениха — ей всегда было абсолютно все равно, где он, с кем, звонит он или нет, приедет или нет... Сейчас же, всем своим сердцем она желала только одного — увидеть своего бродягу! Живым! Целым и невредимым!

Минута за минутой, час за часом... Конечно, он мог просто опоздать на электричку! Но мог ли? Мог ли допустить это? Оставить ее одну здесь, в чужом полуразваленном доме? Нет, конечно. И Юлька это знала, а оттого все сильнее и сильнее сжималось сердечко — а ведь случись что, она так и не узнает об этом...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Около половины четвертого, когда глаза уже опухли от бесконечных слез, среди деревьев будто бы мелькнула чья-то тень. Девушка замерла, неотрывно вглядываясь в темень — может, просто показалось? Но нет, через минуту калитка заскрипела, и тяжелые шаги устало протопали по каменной дорожке.

Он едва переступил порог дома, как Юлька вылетела ему навстречу и бросилась на шею.

— Да что с тобой, Юленька? — Антон едва успел подхватить ее.

— Ты жив, — только и сумела выговорить она.

— Жив, конечно! Опоздал на электричку, думал все, теперь только утром приеду, да повезло — автобус попутный попался. Правда, пришлось через лес добираться.

— Как же ты напугал меня...

Повиснув на мужчине, Юлька, наплевав на все рамки приличия, продолжала обнимать его, то чуть отстраняясь, всматриваясь в его насмешливые уставшие глаза, то вдруг снова прижимаясь к нему. Казалось, еще немного, и она не удержится и расцелует его...

— Юленька, пожалей мою бедную спину, — вдруг рассмеялся он, опуская ее на пол, но, так и не разомкнув своих объятий.

— Прости, — засмузилась девушка и ослабила хватку.

Антон смотрел на нее и не понимал — неужели она плакала из-за него? Неужели и за него, никому не нужного бродягу, кто-то переживает? Вот уж точно чудеса... Легкий аромат жареного мяса, наконец, добрался до его носа.

— Не понял, — удивился он, вопросительно глядя на девушку, — это чем у нас так пахнет?

Юлька расплылась в улыбке — она весь вечер представляла себе ту минуту, когда он увидит приготовленный ею ужин!

— Идем же! — девушка схватила его за руку и потянула в дом.

Юлька торжественно подвела его к маленькому деревянному столику, на котором красовалась ОНА! Нереальная мечта, сегодня ставшая реальностью! Целая тарелка покрыты золотистой корочкой кусочков свинины, источающих абсолютно нереальный аромат! Изголодавшийся желудок тут же жалобно заурчал.

Антон задумчиво созерцал сие чудо, мысленно гадая, как бы растянуть этот пир хотя бы на два дня.

— Юлька, откуда? — наконец, спросил он, придя в себя.

— Вера Петровна дала — к ней внуки сегодня приезжали, так она по этому случаю поросенка заколола. Вот и нам перепало. Правда, он остыл уже...

— Юлька, — восторженно прошептал он и прикрыл глаза, вдыхая аромат — о таком ужине он и мечтать не смел.

— Садись, кушай, — рассмеялась девушка.

— А ты?

— Да я не голодна.

— Так, ну-ка быстро составила мне компанию!

Юлька засмеялась, но все же присела рядом.

— Лучше сразу съесть, хранить все равно негде; жалко будет, если испортится...

Антон лишь вздохнул, но возражать не стал — холодильник не работает, на улице жара, а пропадать такому внезапному «счастью» — грех!

— Юль, — вдруг совсем серьезно произнес мужчина, когда последний кусочек мяса отправился на откуп голодному желудку, — иди ко мне...

Юлька бросила на Антона чуть испуганный взгляд, но все же повиновалась и уселась к нему на колени.

— Спасибо тебе, — тихо, от всего своего бродяжьего сердца проговорил он, пытаясь поймать Юлькин взгляд. — Знаешь, мне так давно никто не жарил мяса...

Юлька чуть заметно улыбнулась и обняла его за шею.

— Мне хотелось порадовать тебя...

— Тебе это удалось, — Антон лишь крепче прижал к себе девушку.

— Тебе на утро еще немного сметаны есть, — тихо проговорила она, все еще не решаясь заглянуть в его глаза.

Щемящая тишина на какое-то время воцарилась в обшарпанной комнатухе. Юлька медленно покрывалась румянцем, а Антон все никак не мог отвести от нее глаз, заставляя ее краснеть все больше и больше. Что-то необычное рождалось в этой тишине, что-то, о чем не говорить — думать боялись они оба. То ли нервы сдавали, то ли усталость накопившаяся давала о себе знать, вот только сердце почему-то стучало так громко, вот-вот выпрыгнет!

— Ты устал, — наконец, девушка прервала эту неловкую тишину, — тебе бы поспать... Ложись, Антон, скоро утро...

— Да. И ты ложись, совсем измучилась сегодня, — уголки потрескавшихся губ печально улыбнулись.

Отправив Юльку в соседнюю комнату, Антон поудобнее устроился на диване и задул свечу. Тишина. Бродяге не спалось. С каждым днем он все чаще и чаще думал о той, чьи руки еще пять минут назад обвивали его шею. Но может ли он мечтать о чем-то? Смеет ли? Это она здесь временная гостья, а он? Он ведь никогда уже не сможет стать тем, кого принято называть «нормальным». Где-то там, далеко от этого дома, течет совсем иная жизнь. Жизнь, где ему уже давно нет места. «Интересно, кто-нибудь там помнит еще обо мне?»

Вдруг за стеной послышался какой-то шорох, за пару секунд превратившийся в грохот, а еще через мгновение раздался истошный женский визг.

Словно ошпаренный, Антон подскочил и бросился в комнату.

— Юля!

Но Юлька стояла возле стены и дрожала. Не сразу заметив ее, бродяга растерянно смотрел на пустую кровать, не понимая, что случилось. Жалобный всхлип за спиной заставил его обернуться и облегченно вздохнуть.

— Юль, ты чего?

Девушка молчала, не решаясь поднять на него виноватые глаза.

— Юль! — мужчина подошел почти вплотную и дотронулся до ее руки. — Ты что-то увидела? Что тебя напугало? Не молчи же...

— Там... мышь, — жалобно проскулила она. — Прости, я не хотела... Так получилось...

— Мышь, — уголки его губ легонько улыбнулись. — Хочешь, я хорошенько накажу ее?

— Пусть живет, — девушка, наконец, успокоилась и улыбнулась.

— С ума сойти! — рассмеялся Антон. — Юлька, ты не перестаешь меня удивлять! Неужели ты боишься мышей?

— Перестань смеяться надо мной! Может, у них гнездо в этой кровати!

— Да я не смеюсь, — с улыбкой на губах он притянул к себе девушку и крепко обнял. — Немного поражаюсь — ты не испугалась меня, какого-то бомжа, но испугалась маленького мышонка, у которого от твоего визга уже наверно инфаркт случился!

— Опять ты за свое? Чтобы я больше от тебя этого не слышала! — строго сказала она и чуть отстранилась.

— Что именно? — не понял мужчина.

— Я не желаю больше слышать, как ты называешь себя... Мы оба просто переживаем непростые времена. Да, тяжелые, неприятные, но ведь так будет не всегда!

Улыбка в один миг слетела с лица бродяги, а Юлькин голос становился все мягче и мягче.

— И ты не бомж. Ты... самый лучший человек из всех, кого я когда-либо знала.

Голос девушки становился все тише и тише, глаза тщетно искали спасения от внимательного взгляда мужчины, молчаливо взирающего на нее. На какое-то время наступила неловкая тишина, лишь луна с любопытством глядела в старое окно. Юлькин взгляд в поисках спасения то и дело натывался на его губы, чуть задерживался и стыдливо скользил в сторону, пытаясь образумить стучащее сердечко и прогнать нелепые мысли. «Почему же он молчит? Да скажи уже хоть что-нибудь!» — в мыслях молила она.

— Пойдем спать, — проговорил он, — поздно уже...

Нет, не это хотела она услышать в ответ на свое признание! Юлька с досадой посмотрела в угол, где стояла кровать, и замотала головой:

— Нет, вдруг там еще мыши...

— Ну пока что я вижу здесь только одну мышку, — рассмеялся он и тихо продолжил, — одну маленькую, слишком доверчивую мышку...

— Не смейся надо мной...

— Ну хорошо, — после некоторой паузы, решительно заявил он. — Пойдем!

— Куда?

— Пойдем-пойдем...

Мужская рука решительно сжала чуть влажную ладонь девушки и потянула за собой.

Юлька покорно шла за Антоном, гадая, что же он задумал. А он молча вывел девушку из дома и направился в самый дальний уголок их владений. Дорожка, вымощенная битым камнем, постепенно сужалась, а когда они завернули за баню, и вовсе превратилась в узенькую тропинку, ведущую к деревянной полуразваленной калитке. За калиткой начинался лес — в эту ночь он казался особенно мрачным и зловещим. Юльке стало жутковато, но мужчина уверенно уводил ее вглубь. Он чуть ослабил хватку и теперь лишь чуть придерживал ее руку, опасаясь, как бы не затерялась она в непроглядной тьме. Через некоторое время тьма стала рассеиваться, деревья поредели, а впереди послышался звук воды.

— Смотри! — наконец, сказал Антон, когда они вышли на небольшую поляну.

А посмотреть действительно было на что! Поляна буквально светилась от отраженного света белоснежных ромашек, пушистым ковром спускающихся к небольшой речушке, посеребрянной проказницей-луной.

Юлька сделала пару шагов вперед и остановилась. Улыбка осветила уставшее лицо.

— Как красиво, — еле слышно, но восторженно прошептала она.

Антон подошел сзади и легонько приобнял девушку.

— Я знал, что тебе понравится.

Губы мужчины едва коснулись ее виска, а крепкие руки мягко легли ей на живот и осторожно прижали к своему обладателю. Юлька поддалась. Бледные ладони накрыли его горячие руки, словно моля: «Не отпускай!» Время остановилось, решив полюбоваться не спящей в эту лунную ночь парой — замолкла ночная птица и речка будто бы затихла, а ветер перестал играть с листвой деревьев... Лишь два сердца мерно стучали в унисон друг другу, мечтая вырваться и броситься друг к другу... Первой не выдержала Юлька.

Чуть высвободившись из объятий, она развернулась к нему лицом, всматриваясь в заблестевшие глаза напротив. Однажды они станут самыми родными, самыми любимыми, но сейчас... Антон едва сдерживался, чтобы одним до пошлости привычным движением не припасть к чуть подрагивающим Юлькиным губам. В прошлой жизни он так бы и сделал, как делал всегда, едва мало-мальски смазливая девичья мордашка имела несчастье оказаться

на его пути. Вдоволь испив свежей женской «любви», он без сожаления шел дальше, оставляя наивных дурочек плакать в подушку.

С Юлькой что-то пошло не так. То ли он поумнел за время своего бродяжничества, то ли девушка оказалась не из числа тех, кто годится исключительно на любовь, исчезающую вместе с первыми проблесками рассвета, но так или иначе, он смотрел на свою зеленоглазку и понимал одно — с ней так нельзя! Он не имеет права поступить с ней так же, как поступал с другими! И, тем не менее, этому доверчивому созданию напротив удалось разбудить в нем заснувшую тоску, и теперь его изголодавшаяся по женской ласке мужская сущность жаждала немедленного утоления.

Борясь с самим собой, Антон отвернулся и посмотрел на речку.

— Может, искупаемся? Ты когда-нибудь купалась ночью? — стараясь сдерживать волнение в голосе, спросил он.

Опешив от его столь резкого отчуждения, Юлька лишь отрицательно покачала головой, не в силах вымолвить ни слова.

Мужчина выпустил девушку из рук, как-то неожиданно быстро сбросил незамысловатую одежду и резко бросился в воду, оставив ошарашенную Юльку смущенно краснеть на берегу.

В ту минуту, когда его руки так крепко обнимали ее, а его глаза и губы были так близко, она была готова на все! Сердце до сих пор бешено колотилось, не желая сбавлять темп. Почему он так резво сбежал от нее? Почему даже не попытался поцеловать, когда ее глаза так отчаянно молили о крошечном кусочке такого мимолетного, призрачного, но все-таки счастья... Только и осталось ей, как наблюдать за силуэтом, с шумом сиганувшим в холодную воду! Она и понять не успела, что произошло с ним, с ними... Юлька судорожно обняла себя за плечи, стараясь успокоить разбушевавшийся разум.

Антон сделал два круга и направился к берегу.

Холодная вода немного остудила его пыл и наполнила тело живительной силой. Он уже почти успокоился, и теперь, не сводя с Юльки внимательных глаз, направился к берегу, подставляя взору девушки обнажившееся в лунном свете крепкое от бесконечной тяжелой физической работы тело.

Стыдливость тут же решила вероломно раствориться, не позволяя Юльке отвести взгляд от приближающегося к ней абсолютно голого мужчины. Нет, никогда прежде не тянуло ее к мужчине так, как сейчас!

Антон поднял с земли одно из двух полотенец (она и не заметила, когда он успел захватить их собой!) и поспешил прикрыться.

— Последние теплые деньки, — тихо проговорил он, подойдя к девушке. — Советую искупаться.

— Нет, я не могу так, — замотала она головой, с трудом сдерживая дрожь волнения. «Нет, ни за что на свете!» — заявила Юлька сама себе.

— Юль, тебе не нужно бояться меня, я не причиню тебе зла, — рука мужчины осторожно коснулась ее щеки. — Иди, я отойду.

И он действительно отошел вглубь поляны и уселся, демонстративно повернувшись к ней спиной. Юлька замешкалась, не решаясь последовать доброму совету, но спустя минуту не удержалась и, сбросив платье, решительно направилась к воде. Сейчас объятия обжигающе холодной ночной реки нужны были ей ничуть не меньше, чем ему. «Что со мной? Я схожу с ума!» — ужасалась она собственным мыслям. «Кажется, мы оба уже сошли

с ума...» Даже в воде дрожь не унималась. «Остановись! Остынь!» — молил внутренний голос. «Нет, не могу... Это сильнее меня», — обреченно отвечала она сама себе. — «Будь, что будет!»

Убедившись, что он держит обещание и не смотрит на нее, Юлька вышла на берег.

Тусклый свет луны мягко обволакивал естественные изгибы обнаженного тела, придавая стройной фигурке выходящей из воды девушки волшебное сияние. Нет, это сильнее его и всех его благородных жестов! Вот уже пять минут он восторженно созерцал за мягкими, немного неуклюжими движениями смущенной девушки. Впрочем, ее это совсем не портило, даже наоборот, придавало трепетности, нежности, что так свойственны юным неиспорченным созданиям. Антон не удержался и вышел ей навстречу.

Она хотела наклониться за полотенцем, когда вдруг поняла, что он стоит прямо перед ней. Девушка вздрогнула, а кусок спасительной пушистой ткани так и остался лежать на траве, вероломно подставляя внимательному взору мужчины трепещущее от стыда и смущения молодое тело. Юлька быстро прикрылась руками и, все сильнее и сильнее заливаясь румянцем, опустила глаза, мечтая вот в эту же самую минуту провалиться сквозь землю, а может быть... Нет! Он явно лишает ее остатков разума!

Будто прочитав все ее мысли, мужчина чуть заметно улыбнулся, подошел к ней почти вплотную и осторожно коснулся щеки. «Ей 22 года, а она краснеет как невинная школьница!» — с удивлением подумал он, тщетно пытаясь поймать ее взгляд.

— Ты никогда так близко не подпускала к себе мужчину? — тихо спросил он, осторожным движением заставляя ее посмотреть на него.

— Нет, — тихо сказала девушка, но взгляда не отвела и теперь внимательно наблюдала за его реакцией.

— Ты боишься меня? — спустя некоторую паузу спросил Антон.

— Нет, — решительно ответила Юлька.

А глаза его улыбались, и тепло и нежность в этом взгляде окутывали ее, баюкали, толкали на безумства. Антон замолчал, а потом вдруг осторожно опустил ее прижатые к груди руки, заставляя открыться перед ним. Юлька не сопротивлялась. Лишь сильнее вздымалась молодая грудь, выдавая волнение — казалось, еще чуть-чуть и она потеряет сознание. Антон наклонился, поднял полотенце и осторожно обернул вокруг тела девушки. Руки мужчины сомкнулись за ее спиной и... крепко прижали к себе.

— Не бойся меня, — прошептали его губы в преступной близости от ее лица. — Я тебя не обижу, девочка. Никогда! Слышишь?

Руки крепко держали ее за талию, а потемневшие глаза печально улыбались. Они стояли и смотрели друг на друга, так и не решаясь переступить невидимую грань. Даже природа вдруг замерла, с любопытством наблюдая за ними. Мучительно сладостные секунды тянулись, заставляя сходить с ума обоим.

— Да поцелуй же меня, наконец! — не выдержала Юлька, скользнув молящим взором к его губам.

— Ты же будешь жалеть об этом...

— Дурак, я же лю...

Антон тут же коснулся пальцем ее губ, не давая с них сорваться словам, что были так желанны и так пугали одновременно.

— Я прошу тебя, — прошептала она, и глаза ее чуть заблестели.

Уже через пару часов взойдет солнце и ночная сказка рассеется как дымка, оставив им

жестокую реальность — полуразваленный чужой дом, вечный поиск пропитания и абсолютную ненужность никому на всем белом свете... Так имеют ли они право на этот случайный глоток чего-то, что хоть на мгновение заставит их позабыть о том, что с ними стало?!

Он так молил себя сдержаться! Неужели сдастся и все полетит в тартарары?! Все также трепетно и нежно очертил он пальцем контур ее губ, скулы, ладонью коснулся щеки, заставляя ее томно прикрыть русалочки глаза. Он вытащил заколку, и длинные, чуть вьющиеся, отливающие золотом волосы тут же рассыпались по Юлькиным плечам. Едва заметная улыбка тронула его губы — он проиграл, он сдался... «Моя глупая, бедная девочка», — отметил он про себя, и, чуть запрокинув златовласую головку, осторожно приблизился к приоткрытым губам.

«Обними меня, прижми меня, целуй меня... Спаси меня, не отпускай меня...» — лихорадочно молила она про себя, с упоением слушая его дыхание. Она чувствовала, как все ближе и ближе становится он с каждой секундой, все родней и родней с каждым мгновением. Да! Она хотела этого! Она желала этого! Робкое, пока еще такое неуверенное прикосновение горячих губ заставило ее осмелеть — руки сами собой легли ему на грудь, скользнули к плечам и, наконец, крепко обняли своего бродягу, закапываясь в прядках непослушных жестких волос. Безумие...

— Если бы ты только знал, как нужен мне...

Больше они не принадлежали сами себе. Его властные губы с жадностью скользили по коже, заставляя Юльку трепетать. Позабыв про стыд, она все крепче и крепче обвивала руками его шею, без остатка отдаваясь во власть мужчины. Вкусив запретный плод ее губ, Антон терял остатки разума, с почти животной страстью уносясь в пучину порока. Объятия его изголодавшейся плоти становились все жарче и жарче, и лишь прохладная трава, коснувшись ее спины, на миг вернула девушку в реальность. Юлька открыла глаза и с волнением посмотрела на склонившееся к ней лицо Антона. Тот, уложив ее на мягкий ковер из травы и цветов, на какой-то миг отстранился от ее губ, но затем стал вновь неумолимо приближаться к ней — осторожно, не спеша, будто хищник перед роковым прыжком. Но Юлька и не думала сопротивляться — с ним было так спокойно, так просто; нет, ни один мужчина рядом с ней никогда еще не вызывал у нее такой нежности, такого жгучего желания!

«Остановись! Остановись!» — нет, не кричал — вопил его разум, гонимый в отставку, пытаясь перекрыть зов сгорающей от желания плоти. «Ты не можешь так поступить с ней! Она не простит тебе этого! Ты сам себя не простишь!»

Антон вдруг остановился, пытаясь привести дыхание в норму, и отстранился от Юльки.

— Нельзя нам, Юленька, — обреченно прошептал он, стараясь не смотреть в ее заблестевшие глаза.

— Я не нравлюсь тебе? — еле слышно спросила она, не понимая, почему он отвергает ее.

— Глупенькая, — улыбнулся Антон и прижал девушку к себе. — Слишком нравишься.

Как ни странно, распалившаяся плоть тут же успокоилась, и теперь лишь покой и тишина обволакивали прижавшуюся друг к другу парочку.

— Не хочу, девочка, чтобы все так пошло было... Не хочу, чтобы, глядя на меня, ты думала о том, что отдалась какому-то бомжу...

— Я же просила тебя не говорить так!

— Не перебивай меня. Сейчас не важно, как это называется. Ты лучшего достойна, а потому давай оставим все как есть до лучших времен.

Посчитав, что ее просто вежливо отвергли, девушка попыталась встать, едва сдерживаясь, чтобы не расплакаться, но Антон тут же перехватил ее и вернул в свои объятия.

— Ты дороже мне всего на свете, глупая, — шептал он, нежно касаясь губами ее лба. — Юленька, я обещаю тебе, все будет хорошо! Нам бы только зиму пережить, а потом мы обязательно что-нибудь придумаем!

Она заснет под утро, лежа на его груди. Он же будет еще долго всматриваться в звездное небо, прося благословения. Если бы только ему дали шанс! Он никогда бы не повторил ошибок прошлого! Для нее одной, прильнувшей к нему в эту минуту, он жил бы...

Лучи солнца залили поляну. Последний день августа они встретят здесь, любуясь нетронутой цивилизацией природой. В эти минуты они действительно были счастливы — такое вот простое, незатейливое счастье — проснуться в объятиях заботливых рук, улыбнуться солнцу и вдруг понять, что жизнь не закончена! Что, не имея за душой ни гроша, они все же гораздо богаче себя прежних и множества других, живущих лишь мыслями о том, как накопить, приумножить, потратить... Вы только взгляните на это голубое небо с пушистыми облаками, на кристально чистую воду и играющих на ее поверхности солнечных зайчиков, на эту невероятную зелень листвы, пока еще не тронутой осенью! Как редко обращаем мы внимание на чудо, сотворенное самим Господом нам в утешение...

Антон осторожно перебирал тонкие Юлькины пальчики, а потом вдруг робко поднес к губам, с которых так и не сорвалось признание, пока еще пугающее его, но все отчетливее и отчетливее проступающее в его сознании.

Время летело так быстро, что, кажется, никто и заметить не успел, как позолотилась листва на деревьях, яркое прощальное солнце то и дело норовило спрятаться за тучи, а монотонный дождик все чаще и чаще плакал о предстоящей зиме.

Деревня замирала — собрав остатки урожая, дачники уже не торопились в свои скромные обители, предпочитая встречать грядущие холода в тепле и уюте городских квартир. Остались лишь самые преданные своим клочкам земли старики. Среди их числа оставалась пока еще в деревне и Вера Петровна, а значит, сезон работ для наших героев еще не окончен. Каждый день с первой электричкой Антон покидал их с Юлькой скромное пристанище, чтобы вернуться поздним вечером. День изо дня боролся он за хоть малейший проблеск в их непростой жизни, мечтая хоть что-то накопить к весне. Да что тут накопишь? Хорошо еще, что на питание пока особо тратиться не приходилось, но что будут делать они, когда деревня опустеет? С грустью и невероятным страхом смотрели они на прощальный вальс опадающих листьев, боясь загадывать, что ждет их, когда эти необычайно красивые, будто огненные деревья осеребрятся тихим снегом... И все же, даже сейчас они умудрились сохранить в глазах нежный блеск зародившегося чувства — размеренного, тихого, с горьким привкусом печали.

Каждый вечер Юлька с трепетом ждала его возвращения, подолгу стоя у окна; каждый день она боялась, что однажды он не вернется. Почему? Да потому что такова жизнь. Однажды, в первых числах сентября он вернулся «домой» рано, еще засветло. Тонкая алая струйка стекала с виска и капала на ветровку. Пытаясь скрыть от Юльки маленький инцидент, он всю дорогу пытался остановить кровь, но в итоге лишь размазал ее по щеке, отчего вид его стал настолько устрашающим, что девушка едва не потеряла рассудок, увидев

своего бродягу окровавленным. Как оказалось, в тот день Антон имел неосторожность попасться на глаза подвыпившим подросткам. Вооружившись камнями, они окружили его, желая поглумиться. Одного они не учли — хоть и бродяга он, да только по юности борьбой занимался. Кто бы мог подумать, что навыки, полученные тогда, пригодятся ему в такой вот ситуации? От шумной пьяной компании он отбился, но один из полетевших вслед камней вдруг попал ему прямо в висок, острой гранью рассекая кожу. Это небольшое недоразумение, далеко не первое в его жизни, стало для Юльки настоящим шоком. Страх потерять его немного притуплялся днем, когда она, как могла, помогала Вере Петровне по хозяйству. Вечером же, возвращаясь в свой холодный пустой дом, страхи возвращались, и тогда она допоздна стояла у окна и вглядывалась в темноту, пока дорогой сердцу силуэт не показывался возле калитки.

В этот поздний октябрьский вечер смертельно уставший мужчина неторопливо брел по дороге, не обращая ни малейшего внимания на холодные пронзительные капли осеннего дождя. Мечтая поскорее добраться до своего дивана, он подходил к дому. Но что-то в доме сегодня было не так. Не понимая, что именно, он отворил в тот же миг заскрипевшую калитку. Свеча... Сегодня ни в одном из окон не было света. А ведь никогда прежде такого не было! Будто на маяк, шел он на этот огонек, неустанно горящий в окошке, и знал — его ждут... Там, в холодной комнате, его кто-то ждет. Ждет, чтобы обнять перед сном, накрыть незатейливый ужин, ласковым словом согреть... И вот, сегодня, этот маячок погас...

Самые нелепые, страшные мысли роем закопошились в голове бродяги. Хотя, что в деревне-то случиться может? Здесь их все знают, Юльку обидеть ни у кого рука не поднимется! И, тем не менее, сегодня она его не встречала. Возможно ли это? И этот дождь, будто оплакивающий кого-то... Мужчина буквально влетел в дом.

— Юля! — позвал он, зажигая свечу.

Вздых облегчения сорвался с губ — девушка просто заснула, видимо, окончательно вымотавшись за день. Антон подошел к кровати и лишь грустно улыбнулся, услышав тихое посапывание. Он хотел уже уйти и не мешать ей, но, почувствовав его присутствие, Юлька проснулась и тихо позвала:

— Антон...

— Прости, я разбудил тебя...

— Это ты прости, что не дождалась тебя, — девушка виновато улыбнулась.

Антон подошел к кровати и присел на краешек. Большая мозолистая рука теплом накрыла бледные Юлькины руки. Нет, что-то было не так. Девушка с улыбкой смотрела на склонившееся к ней лицо, всем видом показывая: «Все хорошо!». Но хорошо не было. Антон сжал ее горячую руку, а потом дотронулся до лба.

— Ты как себя чувствуешь? — его улыбка в один момент сменилась напряжением.

— Все нормально.

— Нормально?

— Да. Просто устала, наверно.

— Понятно. Лежи, я сейчас вернусь.

— Куда ты?!

Но он не ответил. Еще раз коснувшись ее лба, он вдруг подскочил и вышел из комнаты.

— Антон! — крикнула она, но в ответ лишь слышно было, как захлопнулась входная дверь.

Оставшись в доме одна, Юлька попыталась встать. Ей даже удалось дойти до дверного

проема. Ноги подкашивались, а дикий холод сковывал ее тело — не спасал даже шерстяной свитер, подаренный ей Верой Петровной. Голова болела так, словно в ней поселилась целая армия пьяных дебоширов, решивших именно сегодня устроить великое веселье. Кое-как девушка доковыляла до кухни и уселась на диван — все-таки здесь меньше дует от окон.

— Ты чего вскочила?

Антон вошел в дом, держа в руках бутылку с прозрачной жидкостью и пол-литровой банкой чего-то темного. Поставив свою «добычу» на стол, он подошел к дивану, с укором глядя на девушку, устроившуюся на его лежбище. Он понятия не имел, что делать с пылающими жаром людьми в таких вот, «полевых» условиях — раньше подобные проблемы решались парой таблеток, но сейчас... Юлька подняла на него виноватые глаза и лишь пожала плечами.

— Раздевайся, — приказным тоном заявил он.

— Что?!

— Раздевайся, говорю. Лечить тебя будем. Вера Петровна самогонку дала и варенье малиновое. До утра как-нибудь протянем, а завтра в город за лекарством съезжу. Так что снимай свитер, а я пока чай заварю.

Юлька замотала головой — нет, она не готова сейчас раздеваться перед ним, да и холодно, не май месяц!

— Нет, Антон, это лишнее...

— Юля! — ему пришлось прикрикнуть на нее, но это сработало — нехотя, девушка стала стягивать свитер.

Она стояла к нему спиной, стыдливо прикрывая грудь руками. Антон налил в ладонь немного самогонки и подошел к девушке. От холода ли или от прикосновения его шершавой ладони, а может, от ледяной жидкости, обжегшей раскаленное тело, Юлька вздрогнула, а кожа мгновенно покрылась многочисленными мурашками. Прозрачная как слеза младенца капля-беглянка увернулась от ладони мужчины и побежала вниз к пояснице, оставляя за собой влажную дорожку...

Его крепкая смуглая рука чуть придерживала ее плечо, словно опасаясь, что она не выдержит и сбежит от него, другой же он старательно натирал тонкую нежную кожу, под его пальцами тут же покрывающуюся красноватыми пятнами.

Он старался быть безразличным к ней самой, к ее худой, с проступающими косточками почти белоснежной, будто высеченной из мрамора обнаженной спине, к напрягшимся от смущения плечам — сейчас одна цель — сбить температуру. Но это было не просто. Мягкий свет одинокой свечи перед ней обволакивал стройный силуэт, придавая особое, манящее сияние ее коже.

«Какое счастье, что он не видит сейчас моего лица», — думала она, краснея от уверенного скольжения его рук, от собственных мыслей о том, что, даже несмотря на отвратительное самочувствие, она хочет сейчас лишь одного — прижаться к нему, обнять его, почувствовать на себе теплые жадные губы, как той ночью, на реке...

— Потерпи, — тихо сказал он, заставляя звучать свой голос как можно спокойней. — Скоро температура начнет падать — станет легче.

Юлька хотела что-то ответить, но не смогла произнести ни звука, лишь кивнула. Она ждала, что он сейчас отойдет, но Антон продолжал стоять за спиной, не в силах бороться с притяжением.

Она вздрогнула и едва сдержалась, чтобы не выдать своего волнения, когда его рука

вдруг уверенно коснулась ее шеи и, медленно проскользнув по спине, замерла на талии, словно не решаясь продолжить свой путь дальше. Другая рука мягко легла на ее живот и уверенным мягким движением властно притянула к своему обладателю. Девушка обернулась.

Антон держал ее так крепко, будто она — это все, что есть дорогого в его жизни. Серые глаза виновато всматривались в зеленый омут напротив.

— Не могу ничего с собой поделаться, — прошептал он. — Я, кажется, влюбился. Представляешь, впервые в жизни!

— Не верю, — печальная улыбка озарила бледное лицо.

— Почему? — удивился он.

— Твои руки и губы знали многих женщин, это видно даже мне, — рука девушки мягко легла на его грудь, разглаживая невидимые складки.

— Да, это действительно так. Но ни одну из них я не любил.

— Зачем же тогда был с ними?

— А зачем твой Вадим изменял тебе? Я был идиотом, Юль. Но я обещаю тебе, ты всегда будешь единственной. Верь мне, прошу тебя!

Ей так хотелось верить... Верить, что движет им не то, что она сейчас — единственная женщина в поле его зрения, не пресловутый голод по женской ласке, что этот местами циничный, насмешливый человек, отрекшийся от своего прошлого, говорит правду. Юлька смотрела в глаза напротив, и уж в который раз вынуждена была признаться себе, что за любовь этого человека она отдала бы все. Впрочем, что ей отдавать? У нее ведь нет ничего. Кроме себя.

— Знаешь, — тихо ответила она ему, — а я ничуть не жалею о том, что ушла от Вадима, что пошла за тобой...

— Но ты бы сейчас была в тепле, уюте, ты не знала бы, что такое голод и работа, грязь и разруха, и обнимал бы тебя не я, а чистый, пахнущий дорогим парфюмом молодой мужчина...

— Зачем ты так говоришь? Ты же знаешь, что это не приносит счастья.

— Знаю, но...

— Когда ты обнимаешь меня, я забываю о том, где мы и что с нами. Да, я хочу просыпаться в мягкой теплой постели, я хочу красиво одеваться и ужинать при свечах. Но еще я хочу, чтобы ты был рядом — просыпаться на твоей груди от поцелуев твоих губ, выбирать новое платье, думая о том, понравлюсь ли я в нем тебе, ужинать при свечах, глядя, как вино в наши бокалы разливаешь ты.

— Но ты же ничего не знаешь обо мне.

— И не хочу. Все, что нужно, я уже о тебе знаю.

— Юленька, я нехороший человек.

— Может, ты и был таким, но я вижу перед собой самого лучшего человека, я уже говорила тебе об этом.

Мужчина осторожно поправлял прядки ее чуть выбившихся, непослушных волос, едва сдерживаясь, чтобы не припасть к губам, пытающимся уверить его, что и в шалаше бывает рай. Но так ли это на самом деле? Возможно ли, что такая как она, может полюбить разочаровавшегося в жизни и в людях бродягу? Возможно ли вообще для него это чувство?

— Все будет, девочка, — вздохнул он, — и свечи, и платья, и все остальное. Я обещаю тебе.

— А ты? Пообещай, что будешь ты. Рядом. Всегда.

— Если ты захочешь.

— Я хочу.

— Значит буду, — Антон легонько коснулся губами ее лба и улыбнулся. — А теперь одевайся, не так уж легко держать себя в руках, когда рядом красивая раздетая девушка. А я не настолько подлец, чтобы воспользоваться сейчас твоей незащищенностью, так что принесу тебе лучше чай с малиной.

Мужчина нехотя разомкнул свои объятия и выпустил Юльку.

Глава 5. Я тихо умираю без тебя...

Всю прошедшую неделю Антон не находил себе места, опасаясь за свою Юльку. Ну и пусть это всего лишь ангина, его усилиями изгнанная за каких-то три дня! Ведь осень еще только началась, а что будет зимой? Когда деревня вымрет, а морозы покроют коркой льда даже внутренние стены их ветхого жилища? Он-то привык уже, а она...

Всю эту неделю он возвращался из города засветло. Вот и сегодня, когда солнце еще вовсю играло в багряном зареве листвы, он брел по тропинке, с тоской глядя на опустевшие дома.

— Антош, поди-ка сюда! — раздался совсем рядом слабенький голос старушки.

Седая женщина интеллигентного вида, привычно улыбочивая и радушная, вышла из-за кустов и как всегда заулыбалась при виде соседа.

— Добрый день, Вера Петровна!

— Добрый-добрый! Ты заходи, — открывая калитку, звала она. — Разговор есть.

— Ой, Вера Петровна, только ненадолго — там Юлька одна.

— Да подождет твоя Юля. Пойдем, у меня как раз чай заварился.

Хоть и некогда ему чай гонять, да обижать соседку не хотелось. Антон чуть замешкался, но все же послушно проследовал за женщиной.

— Как она? — разливая по кружкам ароматную жидкость, спросила Вера Петровна.

— Уже хорошо. Обошлось, слава Богу!

— Это хорошо, что обошлось, — похоже, женщина не разделяла оптимизма гостя. — Что дальше делать-то собираешься?

Крошечные чайники кружились в причудливом танце, невольно увлекая в свой маленький волшебный мир, укрытый легкой дымкой пара. Всего лишь кружка заваренного доброй рукой чая... А повеяло действительно волшебством — повеяло домом, уютом, теплом... Долгими семейными посиделками и особой атмосферой теплого пледа в промозглый осенний вечер... Он давно позабыл, что это такое. Лишь обрывки счастливых воспоминаний из далекого детства вдруг вырвались наружу, щемящей болью отозвавшись в груди.

— Не знаю, — после долгой паузы заговорил Антон. — Зиму как-нибудь переживем, а по весне что-нибудь придумаем.

— Как-нибудь... Что-нибудь... Разве так можно? — женщину его ответ явно не устроил.

— Я Вас не понимаю. К чему Вы?

Женщина отставила кружку и внимательно посмотрела на притихшего мужчину.

— Домой тебе надо возвращаться. Нагулялся уже.

— Это исключено, — резко оборвал он, с трудом сдерживая подкатившуюся злость.

— А не боишься, что Юля твоя попросту не выдержит эту зиму? Она не привыкла к такой жизни. Ты об этом подумать не хочешь? Не по ее здоровью условия ты ей предлагаешь.

— Не могу я туда вернуться, Вера Петровна.

— Не хочешь!

— Да, не хочу. Не хочу возвращаться в эту обитель лицемерия! И не могу, потому как

живой я там не нужен никому. А что с Юлькой будет, если убьют? А если и не убьют, то посадят, скорее всего... Я же говорил Вам уже... Да, я согласен, нужно что-то делать, но... нет, домой я не вернусь.

Вера Петровна внимательно выслушала его тираду, но отступить не собиралась.

— Неужели среди твоего окружения нет ни одного человека, которому можно доверять? Я вот в это не верю, Антон.

— Не знаю я, кому верить можно. Враги не предают, предают те, кого считаешь близким. Как мне верить?!

— Обида в тебе говорит и гордость. Только зря ты эти чувства себе в друзья выбрал! Бороться нужно, а не сдаваться. Пусть предали, пусть обманули, но неужели сломили?

Антон замолчал, опасаясь обидеть женщину. А ведь в какой-то мере она права — он действительно сдался. Да и Юльке будет нелегко зимой здесь. Но нет, вернуться домой он все же не готов.

— Ты подумай, подумай. Зима не за горами.

— Да нет, — отмахнулся он. — Это невозможно. Да и куда мне сейчас Юльку везти? Что она в чужом городе делать будет, если меня не станет?

— А зачем тебе ее с собой везти? Ты поезжай, разведай, а потом за ней приедешь.

— Ну нет, здесь одну ее оставлять тоже нельзя!

— Ну почему сразу одну? Я пригляжу за ней. И вообще, пусть пока у меня поживет — здесь и теплей, и веселей; и комната свободная есть — все равно никто ко мне не приезжает. Как-нибудь проживем, заодно по хозяйству поможет мне! А я здесь до конца ноября точно буду, ну а там уже ты вернешься.

Антон смотрел на женщину и не понимал — неужели еще остались на этой земле такие люди?! Готовые просто так взять и приютить абсолютно чужого человека?

— А если я не вернусь? — взгляд мужчины смягчился, а в голосе послышалась тоска.

— Вернешься, — улыбнулась женщина. — Ты ее любишь, она тебя любит, а любовь она такая — от всего спасет, от всех бед сохранит.

Разговор с Верой Петровной никак не желал выходить из головы. Словно бабочка, освободившаяся от своего кокона, порхала девчонка, вконец смирившись со скудной, полной лишений жизнью. Казалось, она привыкла уже и даже умудрялась получать удовольствие. Ни слова упрека, ни тоскливого взгляда — лишь теплая улыбка, когда уставший, он возвращался к ней под вечер. И пусть не осознавала она, зато он прекрасно понимал — ее жизнь, ее судьба целиком и полностью в его руках. Так имеет ли он право губить не только свою, но и ее жизнь?

Легкий прохладный ветерок что-то нашептывал последней листве, а может быть, ему — задумавшемуся бродяге, так и не сумевшему заснуть этой темной звездной ночью. Конец октября. Еще неделя-полторы и наступит ноябрь. Первый снежок накроет землю... Нужно что-то решать. Сейчас.

Дверь за спиной тихонько скрипнула. Юлька вышла на крылечко и тихонько села рядом.

— Ты чего не спишь? — удивился Антон.

— А ты чего? — девушка прижалась к его плечу.

— Не спится, — мужчина поймал ее ладонь и крепко сжал. — Зря ты вышла, замерзнешь ведь!

— Не замерзну, — вздохнула Юлька.

Минут пять они сидели молча, каждый думая о чем-то своем. Наконец, Антон заговорил:

— Мне уехать нужно.

— Куда?

— В Питер.

Юлька напряглась и чуть отстранилась — словно гром среди ясного неба прозвучала для нее эта новость.

— Когда?

— Чем раньше, тем лучше.

«А как же я?!» — хотелось закричать, но вопль брошенной души остался где-то внутри. Шок, обида... «Да нет, все правильно», — говорила она сама себе. «Он вовсе не обязан носиться со мной. Я сама виновата...» Девушка попыталась высвободить руку, но Антон, не давая ей уйти, лишь крепче сжал вмиг запотевшую ладошку.

— Глупая, ты что удумала? Я не собираюсь тебя бросать!

Глотая подступившие слезы, Юлька перестала вырываться.

— Поживешь недельки две у Веры Петровны, а потом я вернусь и заберу тебя.

Юлька промолчала, обдумывая его слова.

— Так значит ты питерский, — выдавила она спустя некоторое время.

— Да.

— Я тоже... Родилась и выросла там...

— Серьезно? Так мы еще и земляки с тобой, — улыбнулся мужчина.

— Я школу там окончила, в медицинский поступила, а потом Вадим меня в Величаевск увез, так и не дал доучиться.

— Родители там остались?

— Нет. Там сейчас никого не осталось. Бабушка умерла, я уехала, а они на север рванули — отцу работу хорошую предложили.

— Жаль.

— Возьми меня с собой, — вдруг жалобно попросила она, заглядывая в его глаза.

— Нет, Юленька. Это исключено, ты будешь ждать меня здесь.

— Но почему? Антон, если тебе тяжело со мной, ты скажи, я все пойму, — слезы вновь подкатили к горлу.

— Да что ж за мысли у тебя?! — рассмеялся он ей в ответ и крепко прижал к себе.

— Не ври мне, не надо. Я же не дура, я все понимаю — я лишний груз, от которого нет никакого толку, одни неприятности...

— Замолчи.

Ему пришлось прикрикнуть на нее, но слушать этот бред было невыносимо.

— Я не могу тебя взять только по одной причине, — продолжил он, когда девушка притихла, но тут же осекся, боясь сказать лишнее.

— Почему же? — так и не дождавшись причины, спросила она.

— Потому что это опасно. Если бы у тебя хоть кто-то там остался, взял бы. Понимаешь, я сбежал оттуда при не очень хороших обстоятельствах. И я не знаю, что меня там ждет.

— Может, расскажешь внятно?

— Нет. Не нужно тебе это сейчас. Потом, если живы будем, я все тебе расскажу, обещаю.

Он говорил тихо, печально, не выпуская ее из своих рук, а Юлька постепенно успокаивалась. Впрочем, успокоением это вряд ли можно назвать — страх, что он оставит ее, сменился страхом неведомой ей опасности, грозящей ему в далеком городе.

— Ты пугаешь меня... Если все так серьезно, зачем тогда едешь? Куда? Переживем как-нибудь зиму...

— Не бойся, прорвемся! У меня там друг есть, добраться бы до него...

— У тебя даже документов нет, как ты поедешь?

— Попутками. Надеюсь, недели за две доберусь. Не волнуйся, Юленька, все хорошо будет...

Через три дня Антон проводил Юльку к дому соседки — Вера Петровна уже ждала их возле калитки. В отличие от улыбающейся женщины, на Юльке вот уже который день не было лица. Будто предчувствуя беду, девушка ни на минуту не желала отпустить своего бродягу. Беззащитным котенком прильнув к нему, она до последнего надеялась, что он либо передумает уезжать, либо возьмет ее с собой. Но он был настроен решительно — сначала дело, потом сентиментальности.

— Вот, отдаю Вам самое дорогое, — проговорил мужчина подошедшей к ним женщине.

— Не переживай, езжай с Богом! А мы с Юлей ждать тебя будем!

Антон улыбнулся, а на глазах Юльки выступили слезы.

— Ну что, давай прощаться, — мужчина поставил на землю небольшой пакет и напоследок приобнял девушку со всей нежностью, на которую только был способен. — Ну же, не плачь!

— Я буду ждать тебя, слышишь? Возвращайся скорее...

— Вернись! Обязательно вернись! Максимум — через месяц, жди, девочка!

— Если ты не вернешься — я умру, я клянусь тебе...

— Не смей так говорить...

Этот прощальный поцелуй она будет помнить всегда — осторожный, нежный, невероятно трепетный. Этот прощальный поцелуй запомнится ему горечью ее слез, неустанным ручейком скользящих по щекам. Маленькие бледные кулачки до боли впивались ему в грудь, но он ничего не замечал. Антон чуть отстранился, поднял пакет и протянул Юльке.

— Вот, возьми, здесь теплая одежда, все совсем новое.

— Зачем? Это же дорого...

— Не беспокойся, мне это досталось в качестве зарплаты. И вот еще, — Антон достал из кармана потертой куртки пять сложенных тысячных купюр. — Держи, и слушай меня внимательно. Я обязательно приеду за тобой, но если я задержусь...

— Почему ты задержишься?! — Юлька задрожала, чувствуя ложь в его словах.

Но что он мог ответить ей? Что он может вообще не вернуться? Что он может не добраться до Питера? Или что его могут убить сразу же, едва узнают, что он жив и вернулся? Что он не знает, кто друг ему, а кто враг?

— Юля, жизнь непредсказуема, и я хочу, чтобы у тебя все было хорошо. Выслушай меня! Если вдруг я задержусь, если не приеду через месяц, обещай мне, что не останешься в деревне! Этих денег хватит на то, чтобы не умереть с голоду и доехать до города. Уезжай отсюда! К Вадиму, к подружке, хоть к Азамату... Куда угодно, только здесь оставаться я тебе

запрещаю!

— Я никуда не поеду без тебя! — завопила она, даже не желая слушать его.

— Юля! — Антон крепко схватил ее за плечи и со всей силы встряхнул, заставляя смотреть ему в глаза. — Чтобы ни случилось, ты должна жить! Обещай мне, что уедешь! Я найду тебя, слышишь, я заберу тебя! Обещай мне!

Юлька растерянно мотала головой, но он все же добился, чтобы сквозь слезы, она пробормотала еле слышное:

— Обещаю...

— Я обязательно вернусь, слышишь? — тихо прошептал он, в последний раз крепко прижимая ее к себе.

Боясь сорваться и дать волю собственным эмоциям, он резко отстранил от себя девушку и бросил на Веру Петровну молящий взгляд:

— Уведите ее, прошу Вас.

Женщина подошла и обняла Юльку за плечи.

— Пойдем, милая, пойдем, моя хорошая.

Юлька отошла от Антона, а Вера Петровна протянула ему бумажку:

— Вот, возьми, это мой номер телефона. Как доберешься до места, позвони.

— Хорошо. Спасибо Вам! Вы уж приглядите за Юлей, и, прошу Вас, если что, заберите ее в город.

— Не волнуйся, Антош. Ступай...

В доме добродушной женщины было уютно и тепло, а теперь еще и пирогами запахло — прям как в детстве! Словно родную внучку она приютила, а не бездомную бродяжку! Юлька даже улыбалась — старушка изо всех сил старалась скрасить горечь разлуки. Но и девушка в долгу не останется — вон сколько листьев нападало! А еще землю к спячке нужно подготовить, да и так, ведь работа в частном доме всегда найдется!

Выделенная Верой Петровной небольшая, но уютная комнатка, когда-то принадлежала внукам. Эх, когда это было? Внуков у нее было целых двое — внучок и внученька! Еще лет пять-шесть назад они бегали по деревне, залившимся смехом радуя округу, а потом дети выросли... Новые заботы, новые интересы. Все реже и реже они рвались к бабушке, ну разве что на пару деньков, чтобы отдохнуть да на речке позагорать! Юлька подошла к окошку и улыбнулась: на подоконнике, между двумя горшками цветов торжественно притаился внучий подарок — детской рукой старательно нарисованная смешная белая лошадка!

Тянулись минуты, медленно перетекая в мучительные часы, пролетали дни, складываясь в недели, а недели превращались в месяцы... Каждый день Юлька упорно ждала возвращения своего бродяги. Но листья уж давно завершили свой печальный танец, дожди все чаще плакали о днях ушедших, а первый снег вот-вот накроет землю.

С момента его отъезда прошло уже больше месяца, а он так и не вернулся. И даже не позвонил. Почему? Юлька так боялась этого вопроса! Что тяжелее осознать — что он бросил ее или что он так и не добрался до пункта своего назначения? И тот, и тот вариант заставлял взвыть от боли. Как могла, прятала она свою тоску от Веры Петровны, уже давно отчаявшейся успокоить ее ноющее сердечко. С утра до вечера девушка старалась хоть на миг отвлечься от своих невыносимых дум, с головой погружаясь в работу. Да какая там работа?

Весь двор уже вычищен, вылизан так, что хоть на выставке участвуй! В доме перемыто, перечищено все, что только можно и нельзя! И, тем не менее, она вновь и вновь находила себе занятия, чтобы глубоким вечером выплакаться вволю, стоя под струей теплой воды, а потом забыться хоть на время, погрузившись в глубокий сон. Лишь только там, во сне, он иногда был рядом — все так же насмешливо смотрел на нее, все так же снисходительно улыбался, все так же держал в своей большой шершавой ладони ее руку... А утром все начиналось снова — бесконечные ожидания, работа, слезы. Как могла, Вера Петровна пыталась отвлечь Юльку то разговором, то вкуснятинкой — внукам не нужно, так хоть девочку эту порадовать! Но, похоже, все тщетно...

— Он не вернется, — обреченно сказала однажды Юлька на очередную попытку Веры Петровны успокоить ее.

— Вернется, — отвечала женщина, уже сто раз проклявшая тот день, когда она подговорила Антона поехать в Питер. — Ты только жди! Это очень важно, чтобы кто-то ждал — те, кого ждут, с того света возвращаются! Да ты не думай о плохом — он обязательно вернется! Наверняка он уже в пути сюда!

— Он не позвонил... Он так и не доехал до Питера, — очередная слеза скатилась по щеке.

— Ну что ты такое говоришь? Он мог просто потерять бумажку с номером! Перестань хоронить его, слышишь!

Но разве этим успокоишь? А ведь она так не хотела отпускать его! Словно чувствовала что-то...

В первых числах декабря мобильник женщины, наконец, подал признаки жизни. Долго не решалась Вера Петровна сообщить Юльке неутешительную новость, но все же пришлось.

— Завтра, Юленька, в город поедем, — сказала она за кружкой вечернего чая. — Внуки утром приедут, вспомнили обо мне.

Девушка равнодушно посмотрела на женщину и ничего не сказала.

— Антон говорил, у тебя подруга в Величаевске есть? — осторожно поинтересовалась женщина.

— Да, есть.

— Ну вот! Перезимуешь, а по весне приезжай сюда — будем Антона вместе ждать.

Юлька не ответила, лишь едва заметно пожалала плечами — теперь ей уже все равно...

Она так и не заснула этой ночью, до самого утра решая дилемму. Луна-проказница тихонько подсматривала сквозь полупрозрачные занавески, с любопытством ожидая ее решения. Она-то все обо всех знает... Знает и молчит, тихонько наблюдая за всей этой возней, гордо именуемой жизнью! Подружиться бы с ней да разузнать — где, на каких дороженьках бродит одинокий странник в поисках своей свечи, скромным светом озаряющей тернистый путь? Жив ли странник? Помнит ли о той, что ждет его, глаз своих зеленых не смыкая?

Что делать ей теперь? Куда податься? К Вике? Юлька вдруг поняла, как далека она стала от прошлой жизни. Что связывает ее с той девочкой, что была она каких-то три-четыре месяца назад? Может ли вернуться? Есть ли, куда ей возвращаться? Подруга... Но помнит ли Вика о ней? Примет ли такой — бездомной, брошенной, уставшей? Их объединяла совсем иная жизнь — сплетни, бары, клубы, женихи... А сейчас? Готова ли она, Юлька, предстать перед подругой той, какая она сейчас? Поймет ли Вика? Вряд ли. Да и куда идти? Вика живет не одна, а квартирка небольшая, однокомнатная. Найдется ли место для Юльки? Увы,

у самой Юльки уверенности в этом нет. Да к тому ж, не хватало еще, чтобы слухи о ее нынешнем плачевном состоянии до Вадима дошли! Уж кому-кому, а ему сплясать на обломках ее жизни она точно не позволит!

Так и не дождавшись решения девушки, луна растаяла с рассветом, а заспанное солнце, будто подтягиваясь спросонья, лениво показало первые лучи — впереди очередной день, который нужно прожить, в котором нужно одарить последним теплом уставших от жизни людей.

Рано утром, не дожидаясь приезда бабушкиных внуков, Юлька наспех выпила кружку горячего чая с остатком пирога и, чуть улыбнувшись, печально посмотрела на внимательную старушку, будто подозревающую о готовящейся диверсии.

— Спасибо Вам, Вера Петровна! — мягко сказала девушка. — Я пойду...

— Куда же ты пойдешь? Сейчас Женечка приедет, до города тебя довезем!

— Нет-нет, не нужно! Я сама доберусь...

Боясь уговоров, Юлька поспешно прощмыгнула к выходу.

— Ты что удумала? — женщина насторожилась, подошла к Юльке и, крепко схватив за руку, силой заставила девушку посмотреть в глаза. — Я тебя здесь не оставлю! Даже не думай! Слышишь? Я Антону обещала! Ишь дурная какая! Пропасть решила?!

Девушка улыбнулась и покачала головой.

— Не волнуйтесь, я не собираюсь здесь оставаться! Просто там, в доме, вещи кое-какие остались, надо бы забрать — пригодятся. А дневной электричкой в город уеду! Тем более Вика рядом с вокзалом живет — приеду и почти сразу же у нее! Не переживайте Вы за меня!

Пытаясь скрыть наглую ложь, Юлька изо всех сил старалась быть спокойной и улыбалась — она уже все решила.

— Юленька, не дури! — женщина отпустила Юлькину руку и лишь укоризненно покачала головой. — Меня-то, старую, ты обманешь, а с тобой что будет? А с Антоном что будет, когда вернется? Слышишь, уезжай!

— Ну что ж я, глупая совсем? Конечно, уеду! Верочка Петровна...

Как ни старалась она держать себя в руках, да только слезы уже на подходе, стальной удавкой сжимают горло! Юлька бросилась в объятия старушки, коря себя за ложь.

— Вот, Юленька, — женщина высвободилась из объятий девушки, достала листочек бумаги и стала что-то нацарапывать дрожащей от волнения рукой, — держи, милая — это адрес мой и телефон. Если случится что, найди меня, слышишь! В войну партизан от немцев прятали, неужто сейчас выход не найдем? Обещай только, что не обманешь старуху — уедешь сегодня же!

— Обещаю, — улыбалась сквозь слезы девушка, забирая из протянутой руки бумажку. — Спасибо Вам!

Юлька подошла к дому и в нерешительности остановилась. «Что я делаю?!» Этот дом, чужой, брошенный всеми — и хозяевами, и временными жильцами, будто кричал: «Уезжай!» Но нет, девушка бросила взгляд на абсолютно пустую дорогу, вздернула упрямый носик и открыла калитку. «Я буду ждать тебя! Я никуда не уеду отсюда!»

Едва она переступила порог, как воспоминания, и без того каждый день мучавшие ее, нахлынули с новой силой. Теперь она точно знала — здесь, в этой пыльной, грязной развалюхе она была счастлива! Хоть на минутку бы вернуться в ушедшие дни, хоть на секунду посмотреть бы в насмешливые серые глаза... Возле окна на тумбе так и стояла до сих пор ополовиненная бутылка самогонки, той самой, что он принес среди ночи, чтобы

лечить ее... Юлька взяла в руки бутылку, откупорила, зажмурилась и до последней капли прямо из горла влила содержимое в свой обезумевший от страха, неопределенности и жгучей боли организм. Забыться, заснуть, быть может, умереть — только бы не видеть, не осознавать весь этот кошмар!

Зима в этом году задержалась, лишь в середине декабря первый снежок лохматыми хлопьями тихо начал покрывать заснувшую землю. Впрочем, о том, что декабрь уже перевалил за середину, девушка не знала — она уже давно потеряла счет дням. И без того скудные запасы продовольствия закончились еще несколько дней назад. Как могла, она растягивала их в надежде хоть как-то продержаться до того момента, когда кто-нибудь заберет ее отсюда. Да! Она ждала, по-прежнему надеялась! Каждый день выискивала тысячи причин, по которым Антон мог задержаться. Измотанное сердечко напрочь отказывалось верить, что он мог бросить ее, сбежать; о плохом же она старалась вообще не думать — ведь если его уже нет в мире живых... Нет, даже думать об этом не хотелось! Даже представлять!

И, тем не менее, подписанный самой себе приговор неумолимо вступал в силу, с каждым днем приближая печальную развязку. Сколько еще выдержит она? Неделю? Две? А может, всего лишь пару дней? С каждым днем Юлька становилась все слабее и слабее. Холод, голод, переживания брали свое — она уже едва вставала с кровати, кое-как доползала до окошка, чтобы с тоской и почти угасшей надеждой взглянуть на дорогу. Нет, никого. Одна-одинешенька во всей деревне.

Спустя несколько дней.

Снег все падал и падал, не переставая, вот уже который день, наряжая деревню в свадебный наряд. Красивая была невеста — чистая и непорочная, величественная и безмолвная... Вот только любоваться этой красотой нынче некому. Единственная обитательница деревни была в забвении... Лишь изредка сознание возвращалось к ней, напоминая, что пока еще она жива. Сил вставать уже не было, и тогда, те несколько минут, что были подарены ей, она поднимала глаза к окну и любовалась безмолвным танцем снежинок.

Было около десяти часов вечера, о чем Юлька, конечно, не догадывалась, когда привычную тишину нарушил какой-то новый звук.

Звук был настолько непривычен, неожидан, что девушка, будто по отданной кем-то команде, открыла глаза, пытаясь понять, что происходит. Лишь когда заглох двигатель, она поняла, что это была подъехавшая машина. «Антон!» — она улыбнулась из последних сил, а слезы радости и отчаяния тут же заблестели в зеленых глазах. Дождалась! От ощущения безмерного, невыразимого счастья, казалось, она способна взлететь! Она даже попыталась встать, чтобы выйти навстречу дорогому желанному человеку, но нет, она не сумела даже приподняться. Ну ничего! Все ведь позади? Вот войдет он сейчас, обнимет ее, заберет, спасет, вырвет из ледяных лап уже стоящей рядом с кроватью смерти...

Хлопнула дверь машины, заскрежетал засов калитки, мерные шаги, давя нетронутый снег, проскрипели к крыльцу. Дверь скрипнула, шаги замерли. Невнятное ругательство чужого незнакомого голоса раздалось совсем рядом, за перегородкой.

Чья-то тень промелькнула в дверном проеме, заставив девушку похолодеть от ужаса — нет, это был не Антон. Кто? Зачем? Почему? Убежать бы отсюда! Но как? Юлька в ужасе смотрела в темноту, моля чтобы гость ее не заметил.

А гость щелкнул зажигалкой, тусклым светом освещая помещение, когда-то бывшее

кухней. Новый поток ругательств обрушился на безмолвный дом.

— Какого черта?! Что здесь происходит?! — даже не видя его, можно было догадаться, что он был не просто зол, а чертовски зол.

Грохот падающих предметов, сопровождаемый бранью, не предвещал ничего хорошего. Юлька все же нашла в себе силы чуть привстать и жалобно посмотреть на окно, прикидывая, хватит ли у нее сил уйти через него или... Она не успела даже додумать.

Разгромив кухню, он подошел к дверному проему и замер, вылупившись на незваную гостью в его доме.

— Ты что здесь делаешь?! — стиснув от злости зубы, прошипел мужчина.

Глаза уже давно привыкли к темноте, и Юлька даже смогла его немного рассмотреть. Это был высокий мужчина, довольно массивный, с искаженным от ярости лицом.

— А ну пошла вон отсюда! — процедил он, испепеляя взглядом забравшуюся в его дом бродяжку.

Юлька бы и рада уйти отсюда, но как? Она сейчас и пальцем не могла пошевелить, лишь широко раскрытыми от страха глазами, словно замороженная, смотрела на темный силуэт.

Не дождавшись никакой реакции, хозяин дома подскочил к кровати, схватил девушку и поволок к выходу.

От резкого удара головой Юлька потеряла сознание. Впрочем, разгневанного мужчину это мало волновало. Выплеснув всю злость на еле живую девчонку, он вернулся в дом, откуда еще долго будут слышны проклятия и грохот падающих предметов, периодически вылетающих в распахнутое окно.

Через какое-то время сознание понемногу стало возвращаться к ней. Юлька приподнялась и даже чуть отползла и прислонилась к деревянному забору. Что-то горячее, словно живое, тут же поползло по щеке. Девушка провела рукой, пытаясь прогнать неведомую напасть, но бледные пальцы тут же коснулись чего-то горячего, липкого и окрасились в багряный цвет — кровь. Тонкой струйкой она текла по лицу, капая на белоснежный снег.

Девушка с трудом повернула голову и с мольбой посмотрела на пустую дорогу. Нет. Никто не придет, никто не поможет, никто не спасет... Что теперь? Что дальше?! Добраться бы до станции как-нибудь, да где взять силы и...? Юлька судорожно залезла в карман куртки в поисках денег. Так и есть — боясь их потерять, она спрятала их в тумбе. Но как теперь забрать их? Юлька обернулась в надежде, что человек-ураган уехал, но его машина по-прежнему стояла недалеко от нее, а в окнах виднелся тусклый свет свечи. А ведь он и на порог ее не пустит... Хорошо еще, если не добьет несчастную бродяжку, залезшую в его дом!

Неужели все? Неужели это конец?! Умереть на улице, под забором и всего-то в 22 года... А вариантов нет, как нет ни денег, ни сил, ни малейшей надежды. Нелепая смерть...

В глухую ночь она тихо уходила в поисках укромного местечка, чтобы навсегда закрыть свои зеленые глаза. Какая тишина... Какой печальный снег... Увидеть луну и больше никогда не увидеть рассвет.

Две недели назад. Где-то на полпути к Питеру.

Темно. Холодно. Больно. «Почему так шумно? Перестаньте же шипеть, прошу вас!...» Невыносимо... «Когда же это закончится?»

Посиневшие веки зашевелились, пытаюсь пропустить хоть чуточку света. Ох зря! Лучше бы этого не делал! Яркий свет острой болью ударил по глазам, заставляя тут же зажмуриться. Живой... Вот только радоваться ли этому? Наконец, сквозь неразборчивый шум пробилось нечто, напоминающее мычание... Откуда ж столько боли?

Антон, наконец, открыл глаза. Оказалось, что шумит всего лишь пожухлая трава, прогибаясь под силой ледяного ветра. Но почему же так трясет? Мужчина попытался привстать. Ах вот оно что! Какая-то сумасшедшая старушка изо всех сил тянула его за рукав и при этом почему-то мычала. «Вот только сумасшедших мне не хватало! Ну вот что ей-то нужно, а?»

Заметив, что он пришел в себя, бабулька словно бы обрадовалась — подскочила, замычала пуще прежнего, что-то отчаянно пытаюсь сказать жестами. «Ох, бабуль, не до тебя же, неужели не видно?» — с досадой подумал Антон, рухнув обратно на землю — нет, не встать. Неужели позвоночник сломан?! Бабулька махала, махала, и, наконец, убежала куда-то. Ну и славно! И без ее цирковых искусств голова раскалывается...

Мужчина прикрыл глаза, пытаюсь уgomонить разыгравшуюся боль. Тщетно. Вспомнить бы, что вообще произошло? Почему он здесь? Почему собственное, не такое уж еще и старое, хоть и изрядно потрепанное тело отказывается слушаться? Он отчетливо помнил, как блуждал по стоянке в поисках доброго человека, который согласился бы довезти его до Питера. Две тысячи рублей в кармане, кровью и потом заработанные за полторы недели, казалось, должны были решить эту проблему. Но таксисты после беглого подозрительного осмотра вконец измотанного, оборванного бродяги как один напрочь отказывались прийти на помощь — чистота и свежий воздух в салоне машин, а главное, их собственная безопасность, были желанней не такого уж и роскошного заработка. А вот местная шпана лишними купюрами не побрезговала... Спустя несколько минут картина случившегося из маленьких паззлов обрывков воспоминаний, наконец, сложилась в единое целое.

Пять часов назад

— Дядь, а дядь, — раздался нахальный голосок юного создания лет восемнадцати, убивающего время в компании таких же юных созданий в количестве двух штук. — А давай мы отвезем!

— Вы? — усмехнулся Антон, глядя на «деток».

— Ну да. А чо, машина есть!

— А права у вас есть, детки?

— А то! — гордо заявило дитяtko.

Антон подозрительно посмотрел на стоящую рядом пошарпанную легковушку отечественного производства, пытаюсь угадать ее происхождение.

— Слышь, дядь, тебе ехать надо или нет? — в голосе юного создания, не обремененного интеллектом, послышалось раздражение.

Ну ладно, они еще вчерашние дети, но у него-то, взрослого дяденьки, где мозги были?

Но желание поскорее добраться до родного города и положить конец своим мытарствам оказалось куда сильнее голоса разума. «Ну в конце-то концов, они всего лишь дети, случись что — неужели не справлюсь?» — подумал он и подошел к компании. Нахаленьши тут же протянул руку:

— Деньги вперед!

— Обойдешься, на месте получишь, — усмехнулся бродяга.

Паренек хмыкнул и сел в машину.

От начальной точки уехали они недалеко. Отъехав от стоянки пару-тройку сотен метров, машина свернула с широкой трассы на проселочную дорогу. Антон огляделся — впереди лес да поле...

— Ты зачем свернул? — предчувствуя неладное, строго спросил он паренька за рулем.

— Да ничо, дядь, сиди спокойно.

Через пару минут машина затормозила и «дитятки» словно по команде высыпали наружу, а еще через мгновение выволокли пассажира.

Ну кто? Вот скажите, кто воспитывал этих зверенышей?! Откуда в этих тощих, щуплых созданиях столько ненависти и жестокости? Бродяга не успел опомниться, как трое юнцов, вооружившись палками, налетели на него со всех сторон одновременно. По их слаженной, отточенной до мельчайших деталей «работе» можно смело утверждать — подобный налет у них далеко не первый. Спустя минуту крепкий человек, прошедший за свою не такую уж и долгую жизнь как говорится «и огонь, и воду, и медные трубы», неплохо владеющий приемами самообороны и, в общем-то, вполне готовый к агрессии окружающих, оказался абсолютно бессилён против горстки щуплых отморозков. И все ради каких-то двух зеленых бумажек, которые сегодня же будут прогуляны, пропиты, проедены... Жизнь человека против двух несчастных тысяч.

Убедившись, что жертва уже вряд ли встанет и, тем более, пойдет заявлять о своих правах в милицию, или же попросту разыщет «деток» да надерет их тощие задницы, юнцы погрузились в памятник отечественному автопрому на колесах и с радостным улюлюканьем отправились праздновать столь неожиданный подарок судьбы, зажатый в кулаке одного из подонков.

«Сам виноват», — подытожил Антон и сделал еще одну попытку встать. Зря. От острой боли мужчина вскрикнул и через мгновение потерял сознание.

Очнулся он в небольшой комнатке. Антон открыл глаза и обвел взглядом помещение — небогато, но уютненько. А главное — тепло! И пахнет домом... А за стеной завывает ледяной ветер, старательно пытаюсь распахнуть небольшое окошко, и оттого вдвойне радостнее находиться под чьей-то крышей. Знать бы еще, под чьей... Чуть привстав, Антон с удивлением обнаружил себя в чистой майке и в хоть и заношенных, но чистых, выглаженных штанах. «Да что происходит?!» — злился он вместо того, чтобы обрадоваться. Попытался встать. Спина по-прежнему невыносимо ныла, но позвоночник цел — уже хорошо! Да и ноги держат неплохо! С трудом, прихрамывая, он добрался до двери.

Каково ж было его удивление, когда в небольшой кухоньке он обнаружил бабульку-«циркачку»! Как бы паршиво он себя ни чувствовал, а ее вспомнил сразу же! Бабулька, увидев на пороге своего «подобранца», заулыбалась, руками всплеснула и попыталась что-то сказать. Правда, понять ничего он так и не смог, зато на непонятное улюлюканье пришел дед.

— Ты чего? — бросился он к жене, не замечая бродягу.

— Володенька, Володенька, — радостно запричитала она, не отрывая глаз от перебитого гостя.

Только теперь дед заметил его.

— Очнулся, наконец, — вздохнул он и осторожно прижал бабульку к себе. — Ну все, все, успокойся... Лучше на стол накрывай.

Женщина всплеснула руками и стала суетливо собирать на стол.

— Ну чего стоишь, проходи, садись! — скомандовал дед тщетно пытающемуся понять, что же происходит, бродяге.

Антон послушно проследовал на указанное место. Дед, конечно, не разделял святой радости своей супруги, но зато его, пожалуй, можно будет и расспросить обо всем.

— Володя, Володенька, — как заводная повторяла старушка, выкладывая на деревянный стол небогатые запасы.

Нет, обижать старушку вовсе не хотелось, но вот это ее бесконечное причитание, помноженное на его абсолютную разбитость и слабость, откровенно раздражало, и он уже был готов открыть рот, чтобы открыть ей великую тайну о том, что он вовсе не «Володенька» и никогда им не был, да только дед, будто предугадывая его раздражение, вдруг закачал головой, беззвучно, одними губами моля не делать этого. Антон лишь пожал плечами, но говорить ничего не стал — в конце концов, какая разница, Володя так Володя. Хотя, странные все-таки люди... И тем не менее, похоже, именно этой сумасшедшей старушке и обязан он тем, что до сих пор жив.

— Ешь и не пререкайся с ней, — строго прошептал дед, воспользовавшись минуткой, когда жена отошла от стола.

Бродяга кивнул в ответ и принялся за трапезу. «Надо же, никогда бы не подумал, что обыкновенная каша способна сделать человека почти счастливым! Горяченькая...» Такая малость и такое счастье! За это можно и «Володенькой» побыть!

Суматошный, странный день подходил к концу. Дед куда-то скрылся и почти не появлялся, а жаль — так хотелось поговорить с ним! От бабульки так ничего и не добиться — смотрит, улыбается, глазки блестят, вот-вот расплачется, а слова нормального, внятного не вытянуть. Антон пытался ее разговорить, пытался, да так ни на один вопрос ответа и не дождался. Оставив эту бесполезную затею, когда уже совсем стемнело, он отправился на поиски деда, благо хоть в этом сумасшедшая старушка помогла — махнула рукой на дверь.

Через несколько минут поиска Антон остановился на пороге небольшого, плохо освещенного помещения, пропитанного запахом бензина — по всей видимости, здесь был гараж. Не обращая никакого внимания на гостя, дед ковырялся в старенькой машине.

— Отец, давай помогу! — придерживаясь за стену, бродяга проковылял к машине.

— Ты? — недоверчиво усмехнулся старик. — Иди лучше отлежись, еле на ногах ведь стоишь.

— Да некогда мне отлеживаться. Что с машиной-то?

— Не заводится, — дед чуть отодвинулся, позволив гостю взглянуть на свою подругу на колесах, верой и правдой прослужившую уж не один десяток лет.

Антон внимательно осмотрел допотопный агрегат и чуть заметно улыбнулся:

— Сам собирал?

— А то! — с гордостью откликнулся дед. — По винтику, по болтику, по каждой пружинке! Зато знаешь, сколько она мне прослужила? Пятнадцать лет без единого ремонта! Вот скажи, разве сейчас найдешь такой аппарат? А эти хваленные иномарки? Да они ж и

года по нашим-то дорогам не выдержат! А моя ласточка ни разу не подвела! Вот только сейчас что-то не заводится. Хотел к Новому году бабку порадовать — сестрицу ее привезти, да видно не судьба...

Антон забрал из руки деда инструмент и с видом знатока полез в дедову гордость.

— Ничего, будет твоя ласточка еще пятнадцать лет служить, — с улыбкой сказал он и принялся за дело.

— Я смотрю, ты в машинах понимаешь? — все еще немного недоверчиво спросил дед, глядя, как ловко и уверенно бродяга орудует в его «ласточке».

— Немного совсем.

Через пять минут Антон отошел от машины и гордо взглянул на деда.

— А ну-ка, отец, заводи!

Как ни странно, машина тут же радостно заурчала, забурчала на радость своему хозяину.

— Ну ты даешь! — удивился старик, с уважением глядя на довольного своей работой бродягу.

— Ерунда. Поменяй высоковольтные провода и бед знать не будешь.

Спустя полчаса они, довольные друг другом, уже сидели за столом, мирно беседуя.

— Может, по сто грамм, — вдруг спохватился дед, вспомнив, что бродяжий контингент водочку уважает.

— Нет-нет, я не пью, — запротестовал Антон, горько про себя усмехнувшись.

— Болееешь что ли?

— Да нет, просто не пью. Не вижу в этом смысла.

Дед пожал плечами, но, похоже, не поверил.

— Ну как знаешь. Давай тогда рассказывай, кто такой, что здесь делаешь? Ты ведь не местный? Откуда путь держишь, куда?

— Да нечего рассказывать. Обыкновенный бродяга. Ребятки ваши местные деньги отобрали, меня вот почти калекой сделали...

— Запомнил хоть, кто был?

— Да подростки какие-то, лет 17–18.

— Ясно.

— Ты мне лучше, отец, скажи, долго я у вас отлеживался?

— Да почти две недели без сознания был. Думали, не оклемаешься уже.

«Две недели?! Черт... какое ж сегодня число-то?» Антон попытался хотя бы приблизительно угадать сегодняшнюю дату, да разве ж угадаешь? Счет дням и неделям он уже давно потерял...

— Сейчас какой месяц вообще? — осторожно спросил он.

— Декабрь, — дед удивленно посмотрел на гостя. — Ты что, не знаешь? Новый год через неделю...

— Похоже, нет, — с досадой вздохнул бродяга.

«Декабрь... Юлька не дождалась. Где теперь искать ее?» Он опоздал на целый месяц...

Антон прикрыл глаза — он так надеялся, что Новый год они встретят вместе...

— Да не переживай, поживешь пока у нас.

— Нет-нет. Спасибо вам, добрые люди, только мне уходить нужно.

— Куда ж ты? Ты же еле живой?

— Ну, живой ведь... Скажи, а до Питера отсюда далеко?

— До Питера? Километров триста будет. Тебе что, в Питер надо?

Антон молча кивнул в ответ. «Что ж за невезуха-то такая! Где деньги заработать? Местные и с деньгами не захотели отвезти, а теперь? Хоть пешком иди...»

Дед призадумался, помрачнел, но все же, спустя недолгое молчание, нехотя заявил, словно отрезал:

— Я через три дня в Питер поеду. Могу тебя с собой взять.

Будто окатили ледяной водой! Антон поднял глаза на деда, не веря своим ушам.

— Спасибо, отец! Вовек не забуду, — только и выдавил мужчина, а глаза тут же заблестели от подступивших слез.

Впрочем, дед его радости совсем не разделял.

— Бабку жалко, — чуть дрогнувшим голосом тихо сказал старик. — Мы сына год назад похоронили, Володечку нашего. Он ночью из города возвращался... Молодой совсем еще был, как ты...

Дед не выдержал, встал и достал из шкафа бутылку водки. Голос старика дрожал, а слеза не удержалась и стекла по морщинистой щеке.

— Подонки какие-то пьяные напали, избили... Утром только его нашли. Мертвым, — дед вышил горючую жидкость и вернулся за стол. — Мать тогда от горя онемела. Год не разговаривала. А тут ты... Почти в том же месте, переломанный, избитый... Прибежала, мычит, сказать что-то хочет... А я смотрю на нее и не понимаю. А у нее глаза горят, как раньше! Она заговорила, понимаешь... Кричит мне: «Володя... Володенька...» И в поле тащит. Она в твоём лице сына нашего спасала, понимаешь? А вот уедешь ты сейчас... Эх...

Старик махнул рукой, прекрасно понимая, что бродяга все равно рано или поздно покинет их.

А через три дня, рано утром они засобирались в дорогу. Бабулька, не сдерживая слез, копошилась, собирая в путь горячие пирожки с капустой; дед хмурился, опасаясь за здоровье жены; а задержавшийся гость не знал, куда себя деть, как вести себя со старушкой — сердце разрывалось на части, глядя на боль, плохо скрытую в глазах старой женщины.

— Простите меня и спасибо Вам за все, — Антон подошел к женщине и крепко обнял.

Худощавые руки старушки затряслись и вцепились в куртку мужчины, слезы градом хлынули из глаз.

— Ну все, хватит, — дед вошел на кухню и с трудом отцепил жену от бродяги.

Признаться честно, Антону и самому сейчас хотелось разреветься, глядя на эту убитую своим горем женщину.

— Поехали, пора, — буркнул старик и направился к выходу.

Самодельный, на совесть собранный агрегат затарахтел, и, раскачиваясь, подпрыгивая по ямам, пополз от дома, оставляя за спиной бродяги еще одну, очередную судьбу — печальную, грустную. Но стоит признать, что беда, поселившаяся в этом доме, не озлобила людей, напротив, научила немного иначе смотреть на жизнь, стать внимательней к чужим бедам. А он смог бы? Сможет ли, вернувшись к нормальной жизни, стать лучше, добрее, внимательнее и снисходительнее? Сможет ли простить всех тех, кто его предал, растоптал, обрек на участь скитальца? Кто превратил его в бомжа?! Всего через несколько часов он ступит на родную землю... Быть может, грядущую ночь проведет в чистой теплой постели с блаженной улыбкой на губах. Завтра, быть может, его скитания померкнут как страшный сон и тогда... Что будет тогда?

Он представил себя тем, кем он был всего лишь год с лишним назад — гордый, важный, уверенный в себе. Ему тогда казалось, что никакая напасть не сможет поколебать его

благополучие — деньги всегда будут литься рекой, женщины почтут за счастье провести в объятиях хотя бы одну ночь, а второсортные людишки, призванные служить, всегда будут заглядывать ему в рот, стараясь угодить... «Неужели я был таким?...» От одних воспоминаний стало противно. Неужели для того, чтобы остепениться, одуматься, его нужно было убить? Лишь лицом к лицу встретившись со смертью, он вдруг понял свою ничтожность, впервые задумался о том, что о нем вряд ли кто-то всплакнет... Он никого не любил и никто не любил его. Он покупал уважение, заставлял считаться с собой, и люди продавались за заветный шелест купюр. Неужели мир так прогнил? И вместе с этим миром прогнил и он сам?! Идиот...

Мужчина молча следил за дорогой, гадая, что ждет его. А на что он, собственно говоря, надеется? Его законная жена вряд ли обрадуется увидеть своего благоверного живым... Партнеры, коллеги, подчиненные уже наверняка давно позабыли о нем... Андрей? Единственный, кого он мог назвать другом... Но друг ли? Может, вздохнул с облегчением, узнав о его «гибели». Если же нет, то остается открытым вопрос — как он вообще терпел-то его выходы все эти годы? И тем не менее, он был единственной надеждой — уж если и он отвернется от него... Тогда прощай все на свете! И жизнь, и Юлька, и вообще надежда на светлое будущее...

Спустя несколько часов места стали узнаваемы. Сколько здесь всего было! Вон в том особняке, что отдельно ото всех, он впервые вывел в свет свою молодую жену — совсем юную, чуть испуганную, жмущуюся к его руке. Безумно красивую! Черные длинные локоны мягко спадали на почти белоснежные чуть напряженные плечи; черное длинное платье, украшенное бриллиантами так выгодно подчеркивало стройную фигурку... Тогда его мечта сбылась — ему завидовали все, начиная от хозяина дома и заканчивая прислугой! Мужчины сворачивали головы, женщины алчно разглядывали каждый камешек на ее платье. И те, и те тихо ненавидели их обоих — мужчины, позабыв про жен, завидовали более удачливому самцу, надменно, с усмешкой глядящего на них сверху вниз; женщины же ненавидели юное создание за ее молодость, красоту, богатого красавца-мужа, а заодно и своих собственных мужей, которые не могли себе позволить дарить им столь дорогие подарки. И ведь ему, дураку, это все нравилось!... А вон за тем лесочком он не раз выезжал на шашлыки в компании молодых и красивых, знакомых и не очень людей. И далеко не всегда в компании собственной красавицы-жены...

Мужчина закрыл глаза, уже в который раз клянясь себе, что если судьба подарит ему шанс вернуться к нормальной жизни, он ни за что на свете не повторит прошлых ошибок!

Один из самых красивых, величественных городов мира становился все ближе и ближе...

Около двух часов дня машина вклинилась в вечную проблему больших городов — огромную пробку на одной из магистралей. Дед, недолго думая, свернул в соседний проулок — нет, не помогло. Даже здесь, небольшая улочка едва двигалась, забитая машинами — видеть, никак без пробок не обойтись. А места знакомые, слишком знакомые...

— Останови на углу, — попросил мужчина.

— Ну удачи тебе, — кивнул дед, перестраиваясь в крайний ряд.

— Спасибо, отец, за все. Жизнью обязан вам...

— Ступай уж, — на морщинистом лице старика появилась улыбка.

Глава 7. Работа над ошибками

А в Питере настоящая зима... Пушистый снег мягкими хлопьями тихо накрывал город.

Он вышел из машины и, прихрамывая, скрылся в первой же подворотне. Если пойти через дворы, то дорога до Сергеича займет не больше получаса. Впрочем, куда спешить? Рабочий день в самом разгаре — раньше пяти нет смысла его ждать, да и вообще, на месте ли он будет? Да что гадать — будь, что будет! Мужчина прошел через арку и вышел на набережную. Сердце бешено заколотилось — она, та самая... Точка его невозврата.

Он подошел к самому ограждению и долго всматривался в темную бездну. «Все как всегда... Будто и не было ничего...» Лишь едва заметные стыки каменной вставки напоминали о том, что случилось здесь полтора года назад. Рука дрогнула и осторожно коснулась холодного камня. Как ни странно, он все помнит до мелочей, ничего не забыто. Мальчишка, пистолет, резкий рывок вперед... Он так и не сумел взять себя в руки, машину завертело... Неуправляемая. И несколько мгновений, чтобы увидеть собственную смерть, взмолиться о прощении за всех тех, кого он вольно или невольно обидел, ощутить свое бессилие и ничтожность... Такой пронзительный, противный скрежет металла о камень, полет, ледяная вода... И когда он только успел открыть дверцу? Как он выбрался, он не помнил; очнулся под мостом от шершавого языка бродячей собаки... А дальше как в тумане — отчаяние, боль; дорога, скитания...

В этом питерском дворе как всегда тихо, будто не центр города! Знакомый белоснежный автомобиль невольно заставил улыбнуться: «Будем считать, это добрая примета». Стараясь не смущать своим видом редких прохожих, он отошел к дальней стене и сел прямо на землю — долгая пешая прогулка не самым лучшим образом сказалась на больной ноге, а в офис в таком виде не зайдешь — всех клиентов распугать можно, да к тому ж сомнения все сильнее и сильнее закрадывались в душу. Кто выйдет из этой двери? Друг ли? Враг ли?

Отсюда прекрасный обзор. Но как понять, как не ошибиться? Сколько он себя помнит, Сергеич всегда помогал ему, прикрывал, отмазывал, прощал. Это тот человек, к кому можно было заявиться в два часа ночи и знать, что он примет, не прогонит, напоит чаем и выслушает весь его пьяный бред. «Как он только терпел меня?» — уже в который раз задавался он вопросом, вспоминая все свои «геройства». «И ведь терпел! А сейчас? А если вздохнул с облегчением, похоронив меня?!» Мужчина не сводил задумчивых глаз с темной деревянной двери, с тревогой и волнением ожидая заветной минуты, которой суждено расставить все по своим местам.

Люди заходили, выходили, спешили по домам, суетились, проходили мимо... Они вовсе не обращали ни малейшего внимания на бродягу, поглощенные своими делами, лишь брезгливо отворачивались, проходя мимо — да нет, он не в обиде, уже давно привык.

Но вот и сумерки уже начали сгущаться в опустевшем дворе. Тяжелая дверь скрипнула и с грохотом закрылась. А он все такой же — важный, немного вальяжный, крепкий мужчина с идеально ровной спиной в неизменном длинном пальто. Знакомый силуэт слишком долго возился с замком, словно даря последние минуты на раздумья.

У Андрея Сергеевича, одного из самых востребованных юристов города, день выдался тяжелым. Казалось бы, Новый год через неделю — веселились бы, готовили подарки друг другу, так нет же! Все вдруг в один момент решили разводиться, делить имущество, судиться, будто бы эта неделя последняя в их жизни. «И чего им спокойно не живется? Ну вот, опять заклинило...», — с досадой подумал он, ковыряясь в непослушном замке. Наконец, спустя пару минут, ключ сделал два оборота и с легкостью вышел из замочной скважины. «Завтра же поменяю!» — решил мужчина и направился к машине.

— Сергеич, — раздался откуда-то приглушенный голос.

Мужчина подошел к машине, ища глазами того, кому мог принадлежать этот голос. Никого. Лишь какой-то бомж чуть поодаль... «Наверно, показалось. Так точно, померещилось... Пора в отпуск...» И все же что-то дрогнуло внутри, заскребло, зацарапало. «Сергеич...» Подобную фамильярность мог позволить себе только один человек.

Андрей в нерешительности остановился и еще раз осмотрелся. Нет, ну правда — никого, кому мог бы принадлежать этот голос! Лишь какой-то бродяга, чье лицо и не разглядеть под многочисленными синяками, поднял голову, и от его пристального взгляда стало как-то не по себе. «Нет», — отмахнулся от случайной мысли мужчина. — «Да нет же!..» И все же, закинув портфель в машину, Андрей направился в сторону бомжа.

Остановившись метрах в двух, мужчина неотрывно вглядывался в незнакомое разбитое лицо, пытаясь понять, что же так зацепило его.

Глаза... Такие же, чуть насмешливые. Они в упор смотрели на него из далекого, но совсем незабытого прошлого. Андрей лишь закачал головой, отказываясь верить собственным подозрениям. Он уже хотел развернуться и уйти, когда острой болью невозможная правда пронзила разум.

— Димка?! — с надеждой и болью недоверчиво прошептал он.

— Надо же, вспомнил, — тихо ответил бродяга, и уголки его разбитых губ печально улыгнулись.

— Ах ты, чертяка! Живой! — едва бродяга привстал, как мужчина подхватился, подлетел и, что есть силы, прижал его к себе.

— Я тебя запачкаю...

— Да пошел ты, — мужчина лишь крепче прижал к себе друга, пытаясь сдержать слезы.

— Ну хоть не задуши тогда! — рассмеялся Димка.

— И поделом тебе будет! Ах ты, с*кин сын! Мы ж тебя почти похоронили...

Наконец, Сергеич выпустил его из своих уж слишком крепких объятий, особенно для перебитого, всего несколько дней назад пришедшего в себя организма.

— Так, давай в машину, — скомандовал Андрей, — отдам тебя на попечение Алиске, а мне еще в одно место успеть нужно.

— Нет-нет, — запротестовал Димка. — Лучше помоги мне жилье найти, не надо Алису пугать.

— Дима, еще одно слово и ты станешь краше ровно в два раза, понял? Поехали, отдохнешь, в порядок себя приведешь, а вечером, засранец ты этакий, я тебе такой допрос с пристрастием устрою...

К дому Сергеича они приехали уже затемно.

— Может не надо? — проскулил Димка, совсем не желая показываться перед женой своего друга в нынешнем своем печальном виде.

— Не надо было доводить до такого! — огрызнулся Андрей, подталкивая его в спину. —

Пойдем-пойдем, может, хоть перед Алиской тебе стыдно станет за свою выходку!

Высокая брюнетка лет тридцати пяти вышла к ним навстречу, едва друзья переступили порог дома. Она была все такая же, как и раньше — казалось, время не властно над этой женщиной! Такой же она была полтора года назад — перед Димкиным побегом, такой же — лет десять назад, когда Андрей впервые представил всем свою будущую жену.

— Ты сегодня так рано, Андрюш! — она, видимо, хотела обнять мужа, но, заметив супруга в странном обществе, остановилась, стушевалась, хотя так и не выдала своей неприязни, не высказала ни толики недовольства — воспитание в строгой семье интеллигентов, корни которых уходили в дворянство, не прошло даром.

— Смотри, кого я тебе привел! — рассмеялся Андрей, уловив смущение Алисы.

Впрочем, женщине было не до смеха и не до странных, непонятных шуток мужа. С опаской всматривалась она в разбитое лицо гостя, не совсем понимая собственных чувств — чем дальше она вглядывалась, тем отчетливее осознавала, что это лицо ей знакомо. Новак же, с понурым видом блудного возвращенца тоскливо смотрел на нее, готовый стореть со стыда. Но вот Алиса неуверенно закачала головой, будто отмахиваясь от назойливой мысли, а потом вдруг всплеснула руками и бросилась к нему.

— Димка! — мертвой хваткой вцепилась она в гостя, всей своей сущностью прижавшись к его груди.

Он хотел чуть отстраниться, чтобы не запачкать ее, чтобы немного сбавить ее пыл в присутствии мужа, но через мгновение, отмахнув в сторону все церемонии, так же крепко обнял прильнувшую к нему женщину.

«Ну ты и кобелина», — читалось в глазах Сергеича, с улыбкой следящего за «телячьими нежностями» двух дорогих ему людей.

— Ладно, голубки, я смотрю, вам и без меня неплохо, так что я поехал, меня люди уже заждались, — добродушно заявил Андрей.

Алиса отстранилась от Димки и чуть виновато посмотрела на мужа.

— Надеюсь, я могу без опаски оставить тебя наедине со своей женой? — смеясь, бросил он другу.

— Дурак что ли? — возмутился Димка.

— Вернусь через пару часов, — сказал Андрей, даря жене короткий дежурный поцелуй, — оставляю этого засранца на тебя — смотри, чтобы опять не сбежал.

Димка лишь усмехнулся.

— Да, и сделай что-нибудь с его лицом!

— Мы ждем тебя! Возвращайся скорее! — улыбнулась Алиса и обняла мужа.

— Ну что, герой, давай-ка в душ, а я тебе сейчас что-нибудь из Андрюшиной одежды подберу! — улыбнулась женщина, все еще не веря, что не призрак, а сам Димка, живой, из плоти и крови, стоит перед ней.

Через полчаса, облачившись в чистую одежду, он уже сидел в гостиной, доверчиво подставляя изуродованную мордочку заботливым женским рукам. Алиса натащила кучу баночек и тюбиков и теперь колдовала, пытаясь придать горемыке более-менее приличный вид.

— Да, герой, — вздохнула она и укоризненно покачала головой, — придется тебе еще недельку таким «красавцем» походить... Вот тебе крем — он синяки хорошо рассасывает. Ну а пока могу предложить тебе пудру.

— Нет уж, не надо, — фыркнул Димка и засмеялся.

— Ничего, некоторые считают, что шрамы мужчин украшают! Эх, Димка, Димка... Чтс же ты наделал, а? Давай, рассказывай, ты где был все это время?

— Да где я только не был, — мужчина перестал смеяться и теперь лишь печально улыбался, с благодарностью глядя в глаза сидящей перед ним женщины. — Давай об этом потом, ладно? Скажи лучше, что здесь происходит?

— Да что у нас происходит? Живем потихоньку, Андрей все время на своей работе пропадает... Он очень изменился, когда узнал о твоей «гибели». Замкнутый стал, срывается на всех... Только на меня не покрикивает и на том спасибо. Я его сегодня впервые за все это время таким счастливым увидела, — на глазах женщины выступили слезы. — Ты бы хоть весточку дал какую, что живой! Почему исчез? Неужели и в нас засомневался, а?

— Прости, Алис. Мне нужно было взять тайм-аут, обдумать все... Теперь все по-другому будет.

— Тайм-аут? Дим, ты... ты...

Мужчина улыбнулся, протянул руку и осторожно коснулся щеки женщины:

— Простите меня...

Алиса лишь отмахнулась и встала, пряча слезы:

— Ладно уж, главное, что живой!

— Ты дома-то был?

— Нет еще, я только сегодня в Питер приехал.

— То есть Инга твоя еще не знает, что ты жив?

— Нет, — мужчина помрачнел при упоминании жены.

— Представляю ее разочарование! — Алиса не могла сдержать злорадства. — Она ж, бедная, так мечтала наследницей стать!

— А что, еще не стала?

— Нет, конечно. Весь мозг Андрею вынесла, да только он ни копейки не дал ей получить. Официально ж ты пропавший без вести. Эта дрянь явно не была готова к такому повороту, когда пыталась убить тебя, — голос Алисы заледенел — разговор об Инге выводил ее из себя.

— Откуда ты знаешь, что это она?

— Валерка каяться приходил.

— Вот даже как?! — удивился Димка.

— Вот что, Дим, ты меня извини, но давай тебе Андрей все расскажет. Прости, не могу спокойно даже говорить о ней. Да и новостей для тебя у него накопилось немало. Я-то в ваши дела не очень вникаю, он вернется — все тебе расскажет, хорошо?

— Хорошо, — согласился мужчина.

— Пойдем, накормлю тебя.

Димка с Алисой так увлеченно что-то обсуждали за чашечкой чая, что и не заметили возвращения хозяина. Андрей прощмыгнул на второй этаж, успел переодеться и спустился на кухню, а они все говорили, говорили...

Заметив, наконец, мужа, Алиса улыбнулась и оставила друзей наедине — им столько предстоит обсудить!

— Алиска тебя, небось, совсем заболтала? — грустно улыбнулся хозяин дома. — Меня дома почти не бывает, ей даже и поговорить не с кем.

— Брось, я хоть человеком себя почувствовал. А тебе стоило бы жене побольше времени

уделять — работа далеко не убежит, меняй приоритеты.

— И это говоришь ты?! С каких это пор так поменялось Ваше мировоззрение, гражданин Новак? Не помню тебя прекрасным семьянином, — рассмеялся Андрей, хотя и сам прекрасно понимал, что Димка прав.

— С некоторых.

— Ладно, пойдем, у меня к тебе слишком много вопросов накопилось, — Андрей похлопал по плечу друга, приглашая переместиться в гостиную.

— Ну рассказывай! Где тебя черти носили полтора года, пока я тут от твоей благоверной отбивался?

— Я смотрю, благоверная моя тебе скучать не давала! — рассмеялся Димка.

— Ты мне зубы не заговаривай, давай, исповедуйся!

— Да что рассказывать...

Димка облокотился на спинку дивана и тяжело вздохнул. Хоть и мало приятного в этом печальном рассказе, а рассказать пришлось. Об одном только он промолчал — о Юльке. Говорить другу, что та, которой удалось мир его перевернуть, теперь такая же бродяжка, как и он сам, так не хотелось! Нет уж, с зеленоглазкой своей он сам разберется!

— Ну ты и засранец, — вздохнул Сергеич, внимательно выслушав исповедь друга. — Дать бы тебе по мордахе твоей наглой за все мои седые волосы...

— Ну прости, прости. Скажи лучше, меня ищут?

— Уже нет. Официально ты в списках пропавших без вести, но реально уже никто не ищет.

— Да я не об этом. Ты же знаешь, что со счетов моей фирмы все деньги пропали? Тогда они решили, что я сам их у себя украл...

— Вон ты о чем... Нашлись твои деньги, виновные уже сидят, правда, не все.

— Вот как? И кто же?

— Не поверишь — твой дорогой компаньон.

— Горин?! Что за бред? У него и доступа к этим счетам не было.

— Зато у Инги твоей был, — мрачно заявил Андрей. — Ее причастность, правда, доказать не удалось, а вот деньги у Горина нашли. Жenuшка твоя и с ним роман крутила, вот и сдала тебя со всеми потрохами. А когда вся эта заварушка началась, он так испугался, что его вычислят, что не стал их тратить. Так что в целостности и сохранности все деньги сейчас на твоих счетах. Правда сами счета заморожены, фирма закрыта, но это ерунда — документы восстановишь и можешь приниматься за дело.

Новак слушал друга, а на душе становилось все тяжелее и тяжелее. У него и мысли не возникло за все это время, что Горин, его друг со школьной семьи, мог пойти на такое. А ведь он, Димка, и сесть мог за якобы мошенничество! Неужели мир так прогнил? Неужели так просто можно убить, растоптать все годы дружбы ради денег и какой-то девки?!

— Да не кисни ты так, — попытался приободрить его Сергеич. — Деньги нашлись, фирму восстановишь, а Горин... Просто показал свое истинное лицо. Ты скажи лучше, что с Ингой делать будешь?

Все еще не отойдя от очередного предательства, Димка растеряно посмотрел на друга и лишь пожал плечами.

— С документами на развод поможешь?

— Ну, конечно, о чем разговор. Ты даже не представляешь, с каким удовольствием я это сделаю! Дим, вот еще... Ко мне Валерка приходил, сопли по лицу размазывал — твердил

все, что это он убил тебя. Про Ингу рассказал, что это она его подослала... Тебе нужно заявление о покушении написать, пусть дело возбуждают.

— Нет, — немного подумав, решительно заявил Димка. — С Ингой я сам разберусь.

— Дим, она пыталась тебя убить, если ты еще не понял! — возмутился Андрей. — Понимаешь? Пыталась УБИТЬ!

— Не шуми. Я сам во всем виноват.

— Ты сдурел что ли?!

— Да не кричи ты, — устало отмахнулся Димка. — Я сам сделал из нее монстра, сам и расхлебываю — все логично. Если бы она со мной не связалась, она другой бы была.

— Ты сумасшедший...

— Наверно. Ладно, Сергеич, давай на сегодня закончим, и так слишком много информации, голова уже пухнет... Встречусь с Ингой, поговорю, а там уже видно будет, что делать.

Андрей недовольно фыркнул, понимая, что спорить с ним бесполезно — как был Новак упрямым, так им и остался.

— Ладно, дело твое. Но прежде чем встретишься с ней, заявление все-таки напиши — хоть какая-то гарантия будет, что она не попытается убить тебя снова. Обещаю, бумажка останется у меня и без твоего согласия никуда дальше не пойдет. Договорились?

— Хорошо.

— Ну вот и славно. Иди отдыхай. «Твоя» комната по-прежнему в твоем распоряжении.

— Спасибо.

Небольшая уютная комнатка, главной достопримечательностью которой был большой шкаф с кучей самых разных книг, была ему хорошо знакома — раньше он частенько ночевал здесь, когда по каким-либо причинам приходилось оставаться на ночевку у Сергеича. Не раздеваясь, он плюхнулся на кровать. Разговор с другом никак не выходил из головы — казалось, удивлять его уже нечем, а нет — к предательству Горина он оказался не готов. «Ладно, пора б уже привыкнуть. Теперь все позади... И Сергеич с Алиской рядом — уже неплохо!» Димка ворочался, но сон не шел. «Документы сделаю, потом с Ингой разведусь, потом...» На душе потеплело от мысли о Юльке. «Где теперь искать ее? Небось, глупая, решила, что я ее бросил... Ничего, девочка, вот сейчас разгребу все дела и за тобой поеду! А Сергеичу пока не буду ничего говорить — все равно не поймет, кобелем обзовет...» Слабая улыбка чуть тронула уголки губ. «А все-таки они не отвернулись! У меня есть друзья...»

Самые разные мысли еще долго крутились в голове, мешая уснуть. «Надо бы Веру Петровне позвонить», — подумал он, остановившись взглядом на тумбочке. Там лежал небрежно брошенный клочок бумаги с цифрами, проделавший вместе с ним весь нелегкий путь домой в кармане куртки. Димка взглянул на часы — 21.37. Он вдруг подхватился, схватил бумажку и направился вниз.

— Сергеич, позвонить от тебя можно? — застав друга на кухне, спросил он.

— Звони, зачем спрашиваешь? Телефон знаешь где.

Сердце отчаянно стучало, пока монотонные гудки терпеливо вызывали хозяйку — где-то в тысяче километрах отсюда старушка, заслышав телефонную трель, засеменила в дальний угол комнаты.

— Слушаю Вас! — наконец, раздался простуженный женский голос.

— Здравствуйте, Вера Петровна! — чуть дрогнул голос мужчины.

На секунду на том конце провода замерли.

— Антош, ты? — голос старушки задрожал. — Живой!

— Живой, живой, — рассмеялся Димка. — Только сегодня вот добрался...

Всхлипы вперемешку с искренней радостью, безумные расспросы тут же посыпались на Димкину голову. И хоть поговорить ему хотелось о совсем другом, да обижать женщину, столько сделавшую для него, совсем не хотелось — терпеливо он выслушивал все причитания, по нескольку раз убеждая ее, что он жив, здоров и, в общем-то, все отлично. Наконец, старушка примолкла.

— Вера Петровна, а Юлька как? Она Вам случайно ничего не говорила, где остановилась?

Женщина замолчала. Все это время мысли о Юльке не покидали ее, а ведь она обещала ему присмотреть за девушкой.

— Вера Петровна? — списывая тишину на сбой связи, Димка чуть повысил голос.

— Не знаю я ничего, Антош... Сердце у меня не на месте, она так ждала тебя... Ты бы съездил в деревню, если есть возможность...

— Почему в деревню? — не понял мужчина.

Но вместо ответа в трубке послышался всхлип.

— Подождите, Вы что, хотите сказать, что она в деревне осталась?!

— Не знаю я, Антон, — расплакалась в отчаянии женщина.

— Вера Петровна, успокойтесь, пожалуйста, и расскажите мне все по порядку.

— Да что рассказывать? Не поехала она со мной, клялась, что дневной электричкой уедет, вроде как вещи ей какие-то забрать нужно было. Я, дура старая, поверила, а теперь сижу и не знаю, а вдруг она там осталась тебя дожидаться? И поехать ведь не могу — ноги совсем не слушаются...

— Ну все-все, успокойтесь, — как мог, пытался он успокоить женщину. — Я Вас понял. Не волнуйтесь, я найду ее, слышите?

— Найди, Антошенька, не дай Бог случилось что... Ты прости меня, старую, я обещала ведь тебе, а сама...

— Все будет хорошо, не волнуйтесь, я обязательно ее найду.

После долгих причитаний, наконец, наступила тишина. Димка повесил трубку и еще долго не мог даже шевельнуться, лишь тупо смотрел на аппарат. От одной только мысли, что девчонка могла остаться в этой глуши, стало не по себе. А ведь она могла! От девчонки, сумевшей накануне собственной свадьбы сбежать в никуда, на улицу, не испугавшись ни случайного бомжа, ни страшной бродяжьей участи, можно ожидать все, что угодно!

«— Я никуда не поеду без тебя!» — вопила она, когда он только заикнулся о том, что может задержаться. Этот вопль так отчетливо сейчас звучал в его голове! Ну конечно, эта упрямица наверняка обвела вокруг пальца старушку и решила остаться там! А он ведь ни разу не задумался о таком варианте развития событий!

— Идиотка! — в сердцах закричал он, со всей силы хлопнув по стене.

— Дим, что случилось? — прокричал из кухни Сергеич, заслышав шум. — Ты мне дом-то не разноси, зима все-таки!

Голос Андрея заставил его немного прийти в себя. Димка вошел на кухню и растерянно посмотрел на друга.

— Дим, ты прям беда на двух ножках, — не сдержался Сергеич, пытаясь хоть как-то разрядить гнетущую атмосферу вокруг друга. — Рассказывай, что стряслось?

Но Димка молчал, отчаянно ища волшебный способ, чтобы прямо сейчас, по мановению

какой-нибудь волшебной палочки, оказаться в далеком холодном заброшенном доме.

— Сергеич, мне помощь твоя нужна, — наконец, проговорил он.

— Ну вот, заговорил, уже хорошо. А теперь, конкретнее, что случилось и что нужно от меня?

Но Димка, хоть и стоял совсем рядом, с трудом воспринимал действительность — все его мысли были так далеки отсюда!

— Мне машина нужна, — после некоторой паузы выдавил он.

— Ты рехнулся? Дим, какая тебе машина? У тебя не то, что прав, а даже паспорта нет. Ты куда собрался?

— Да плевать мне на бумажки! — закричал Димка, но через мгновение опять замолчал, а потом, уже спокойнее, продолжил. — Там девушка осталась. Девчонка совсем. Я боюсь, что она осталась в деревне. Одна, понимаешь? Без продуктов, без тепла! В пустой деревне!

Сергеич лишь покачал головой, поражаясь другу — даже в шкуре бомжа этот самец умудрился найти себе пассию.

— Да перестань, — уловив мысли друга, возразил Димка. — Это не то, что ты подумал. Сергеич, я прошу тебя, помоги! Последний раз прошу, обещаю! Юлька, она... она все для меня, понимаешь? Если б не она, я никогда б уже, наверно, не вернулся сюда, так бы и подох где-нибудь под забором... Помоги, а?

— Ладно, успокойся, Казанова хренов. Давай адрес, я туда человечка своего отправлю.

— Нет, ты не понял, — замотал головой Димка. — Я сам должен быть там, я сам должен убедиться, что она уехала.

— Ты себя в зеркало видел? — спокойно выслушав прерывистую речь друга, парировал Сергеич. — Куда ты поедешь? Да тебя на первом же посту загребут. Если так уж срочно надо, я отправлю своего водителя, если время ждет, то восстановим сначала твои документы, а потом езжай на все четыре стороны.

— Я не могу ждать.

— Тогда за ней поедет мой водитель. Все, успокойся, я сказал!

— Андрюх, — Димка замялся, не решаясь назвать Юльку той, кем она была сейчас. — Я не могу доверить ее постороннему человеку, она... она бродяжка. Никто не станет ее искать.

Будто загнанный в угол зверь, он отчаянно вглядывался в глаза друга, ища в них хоть малейшую каплю понимания и поддержки.

— Дим, ну ты даешь! Я тебя не узнаю... Ладно, не переживай, — Сергеич похлопал друга по плечу, — найдем мы твою бродяжку. Надо людям хоть иногда доверять. Серега, мой водитель, свое дело знает. Надо будет — он тебе со всей округи бродяжек привезет! Я ему сейчас позвоню — он с утра пораньше и поедет. Давай рассказывай, что за деревня, куда ехать?

Как же мучительно тянется время! Так и не сомкнув ни на минуту глаз, Новак всю ночь бродил по комнате из угла в угол, каждые пять минут посматривая на часы. Никогда еще минуты не тянулись так, как в эту ночь и предстоящий день... Наконец, дождавшись рассвета, Димка сменил пост — весь день он простоит у окна в ожидании человека, на чью порядочность и ответственность только и оставалось надеяться.

— Дим, да дорога ж неблизкая, ты же сожрешь себя до вечера, а раньше они не приедут! — сетовал Сергеич, глядя на то, как Димка сходит с ума прямо на его глазах.

— Не могу ни о чем другом думать.

— Слушай, ну давай пока к Инге съездим, как раз до возвращения своей девушки с женой все дела уладишь, а? И время пролетит незаметнее.

Но Новак лишь покачал головой.

— Нет, Андрюх. Не до Инги мне сейчас — я должен знать, что с Юлькой.

— Надеюсь, эта девушка не окажется Ингой номер два, — вздохнул Сергеич и сжал Димкино плечо.

— Не окажется, не бойся. Она тебе понравится — вот увидишь.

Около полудня появились первые вести. Сергеич протянул трубку:

— Держи, все нормально. Нет твоей девушки в деревне.

Димка вцепился в телефон.

— Да...

Голос на том конце обстоятельно отчитывался о проделанной работе.

— Хорошо, — устало ответил Новак, выслушав отчет. — Спасибо тебе... Да, возвращайся домой.

На душе полегчало — Юлька оказалась умней, чем он думал. Правда, теперь остался привкус легкой досады — он так хотел увидеть ее! А где теперь ее искать?!

— Ну что, твоя душенька довольна? — улыбнулся Сергеич.

— Спасибо тебе, — от всего сердца сказал Новак.

— Да не за что! Чего не сделаешь ради друга, даже если он редкостный засранец.

Димка улыбнулся.

— Ты прости меня за прошлое, ладно?

— Брось, я всегда знал, что ты неплохой парень, придет время — одумаешься, остепенишься. Не думал, правда, что вот так все получится. Ладно, проехали... Пойдем уже, а то скоро корни пустишь возле этого окна. Заодно расскажешь мне, что за Юля такая, и почему ты мне вчера ничего про нее не сказал.

А где-то далеко от Питера, в глухой деревушке, матерясь и кляня российское бездорожье, не выспавшийся и уставший паренек пытался нащупать дорогу под слоем выпавшего снега. Машина буксовала, продвигаясь со скоростью черепахи, водитель злился. И ведь застрянь он здесь — даже помочь некому будет! Как на кладбище — ни души! Ну ничего, еще чуть-чуть, и должно появиться подобие дороги!

В поисках заветной колеи, уже на выезде из деревни взгляд непроизвольно зацепился за две лавочки среди сугробов, на одной из которых что-то чернелось. Впрочем, поглощенный поиском дороги, паренек не обратил особого внимания на непонятный объект, попавший в поле его зрения. Машина дернулась, нащупала твердую опору и гораздо легче проскользила вперед, помчавшись прочь из мертвой деревни. Но вот легковушка резко затормозила, проехав несколько метров, и дала задний ход. Паренек выскочил и бросился к лавочке.

— Дмитрий Андреевич! — кричал в трубку встревоженный голос.

— Что случилось? — напрягся Димка.

— Здесь на выезде из деревни — девушка. По описанию вроде похожа — молодая, волосы светлые...

От слов парнишки сердце застучало, явно желая разорваться в эту минуту.

— Только, — продолжил парень и тут же замялся.

— Что «только»? Говори же!

— Пульс еле прощупывается, я не довезу ее.

Новак замер.

— Дмитрий Андреевич, Вы слышите меня? — кричал в трубку паренек.

— Сергей, вези ее сюда, — взмолился Димка после недолгой паузы. — Я прошу тебя, я заклинаю тебя всем, что есть на этом свете — привези мне ее, слышишь! Живую или нет, но привези!

Понимая, что друг уже абсолютно не владеет ни собой, ни ситуацией, Андрей выхватил трубку.

Мужчина сполз по стене, уже не воспринимая ничего, что происходило вокруг. Мир рухнул в одну минуту, а земля под ногами вот-вот развернется. Он вспомнил ее голос, такой мягкий и кроткий, испуганные русалочьи глаза, тонкие ласковые руки, робко обвивающие его шею... «Если ты не вернешься — я умру, я клянусь тебе...» — ее отчаянный крик на прощанье.

«...Юлька... Юленька, не смей, слышишь! Вернись ко мне, девочка... Ты не посмеешь оставить меня... теперь...»

Сергеич подошел, сел напротив и осторожно тронул друга за плечо.

— Дим, ты слышишь меня?

Димка поднял глаза.

— Реанимационная бригада уже выехала им навстречу. Если будет возможно, девушку и всю необходимую аппаратуру привезут сюда — я договорился. Врач тоже будет. Если без госпитализации никак — я обещаю, ею займутся лучшие врачи, слышишь? Все будет хорошо.

Часов в семь вечера, когда уже стемнело, и лишь белоснежный покров легким свечением освещал город, к особняку подъехала черная иномарка. Не обращая внимания на больную ногу, чуть прихрамывая, но, тем не менее довольно резво, Новак бросился к машине.

— Юлька! Юля... — Новак вытащил девушку из машины и стал трясти. — Да очнись же ты!

Прижимая к себе безжизненное, заметно полегчавшее тело, он не замечал ничего — ни людей, ни подъехавшую следом реанимационную машину. Глаза отчаянно скользили по посиневшей коже, ища хоть малейшие признаки жизни.

— Юлька... — звал он, едва не плача от бессилия, опускаясь на колени. — Девочка, куда же ты...

Что есть силы, прижимал он ее к себе, пытаясь отогреть, но в ответ — ни единого движения, ни единого вдоха, лишь светлая головка вдруг запрокинулась и легла ему на грудь, как раньше.

— Да очнись же, — молил он, касаясь пальцами небольшой гематомы на бледном ледяном лице.

— Дим, отдай же ее врачам, слышишь? — пробился в сознание голос Сергеича.

Оказывается, не так уж легко отнять что-то или кого-то у обезумевшего человека — три человека уже минут пять безрезультатно пытались забрать девушку.

— Отдай же, отдай, — пытался достучаться до Димкиного разума Андрей.

Но вот хватка мужчины ослабла, позволяя забрать драгоценную ношу. Один из врачей тут же вколол ему какой-то успокоительный препарат.

— Не оставляйте его без присмотра, и проследите, что не мешал нам, — тихо сказал доктор.

— Конечно! Я побуду с ним, — ответил Сергеич.

Димка постепенно приходил в себя.

— Сергеич, я не смогу без нее! Я жениться на ней хочу, я детей от нее хочу!

— Если хочешь, значит все будет! Ты ж упрямый, всегда своего добиваешься...

— Проклятый я какой-то — все, к чему ни прикоснусь, все разрушаю... Ингу в монстра превратил, я ведь не любил ее никогда, игрался только... А Юлька? Она ведь всем для меня стала! Она — искупление мое за все грехи, она жить меня заставила, она любить меня научила... А я оставил ее одну... Она ведь меня ждала, из-за меня осталась в этой чертовой деревне! Она из-за меня на улице оказалась... Если б не я со своими нравоучениями, она бы сейчас замужем была, ни в чем нужды бы не знала! А она за мной пошла! Понимаешь? Твердила, что я не бомж, что просто сложные времена переживаем, а я обещал ей, что все наладится... Она ждала меня каждый вечер, она плакала, когда однажды я задержался... Она не за Новака переживала — за бомжа! Ты можешь себе это представить?! А я так и не сказал ей, что люблю ее... Жизнь ее под откос пустил, а теперь и вовсе погубил... Если она умрет, я не знаю, что с собой сделаю, я...

— Только попробуй. Я тебя раньше прибью, понял?

— Андрюх, я погубил ее.

— Дим, успокойся. Она жива, она здесь, врачи делают все возможное! И вообще, пойдем уже в дом, холодно все-таки.

Спустя 5 дней.

Глаза предательски закрывались, усыпленные усталостью и мерным пискom аппаратуры. Димка поддался чуть вперед и, опираясь на собственные ладони, задремал — пять дней практически без сна оказались слишком тяжелым испытанием.

— Дим, — тихо протянула Алиса и осторожно, по-матерински, обняла его за шею.

Мужчина тут же встрепенулся, выпрямился, изо всех сил стараясь казаться бодрым.

— Иди, поспи хоть немножко, слышишь? — женщина еще крепче обняла его за плечи.

— Почему она не приходит в себя? — устало вздохнул Димка. — Алис, пятый день пошел...

— Значит она еще не готова. Врачи что сказали? Наберется сил и очнется! Ну не переживай ты так — твоей Юле уже ничего не угрожает, она просто спит и набирается сил.

— А если она не очнется, — не унимался Новак, будто не слыша Алисины доводы.

— Очнется! Очнется, куда ж она денется! Дим, ты устал, измотал себя совсем — иди, хоть пару часиков поспи нормально. А я за девушкой присмотрю!

Димка потер уставшие глаза — Алиса права, и если он не даст себе хоть немного отдохнуть, то, скорее всего, очень скоро окажется в том же плачевном состоянии, что и Юлька.

— Да, хорошо, — наконец, согласился он. — Только пообещай мне...

— Ну конечно! Если она придет в себя, я сразу же тебя позову, — договорила женщина, улыбаясь. — Иди. Не переживай!

Тьма в бесконечных лабиринтах постепенно рассеивалась; сквозь разум, поглощенный вечной ночью, пробивался еле слышный монотонный писк, становящийся все более громким

и отчетливым. Неведомая сила подхватила ее, будто воздушное перышко, и стремительно, сквозь все преграды и тьму понесла вперед. Юлька приходила в себя. Ресницы задрожали, словно боясь разбить ставшую привычной тьму лучом дневного света, но через мгновение сдались — не время ей умирать. Еще не время! Девушка открыла глаза.

Тепло. Сухо. И очень спокойно. Юлька чуть повернула голову, пытаясь сконцентрироваться и осмотреться. Это оказалось непросто — собственное тело отказывалось слушаться, привыкнув к длительному покою. Сквозь пелену проступило нечто большое, массивное, зато резные завитушки почему-то сразу бросились в глаза — всего лишь шкаф. Совсем рядом послышался шорох и даже нечто, похожее на человеческий голос, правда, пока абсолютно неразборчивый.

Девушка вздрогнула от неожиданности, когда в фокусе ее зрения показалось лицо незнакомой женщины.

— Ну наконец-то, очнулась! — заулыбалась незнакомка, с любопытством вглядываясь в зеленые глаза ожившей девушки.

От ее голоса Юлька окончательно пришла в себя и попыталась приподнять непослушное тело.

— Лежи-лежи, рано тебе вставать! — засуетилась женщина.

— Кто Вы? — с трудом прошептала Юлька, с тревогой всматриваясь в незнакомое лицо, от которого веяло заботой и необыкновенным душевным теплом. — Где я?

— Не бойся, ты у друзей, — улыбнулась женщина. — А я Алиса. Ложись, ты еще слишком слаба! А я сейчас Димку позову — он все это время от тебя ни на шаг не отходил! Вот он обрадуется!

Голова шла кругом. «Какой еще, к черту, Димка?! Какие друзья! Кто эта женщина и где я?! А главное — почему я здесь?!» Юлька хотела еще что-то спросить, но женщины уже и след простыл!

Оставшись одна, девушка прикрыла глаза, пытаясь хоть что-нибудь вспомнить. «Деревня, заброшенный дом... Холодно. Очень хочется кушать... Тень... Сильные жестокие руки со всей силы вышвыривают ее на улицу. В снег, в ночь...» Обида на незнакомца с новой силой захлестнула девушку. «Так вот оно что! Дима значит?! Вот ты кто! Неужели совесть заела?! Ну уж нет, я больше ни минуты не останусь в этом доме!»

Этой вспышки яростного возмущения хватило на то, чтобы вскочить с кровати. Впрочем, силы тут же покинули ее, отбросив назад. Волна отчаяния захлестнула девушку, готовую расплакаться от собственной беспомощности прямо сейчас! Только теперь она заметила, что на ней вместо старой одежды, пропитанной потом и грязью, такая приятная телу шелковая сорочка... А главное — чистая! «Черт! Этого еще не хватало!» — покраснела Юлька от одной только мысли, что пока она была без сознания, кто-то прикасался к ней, раздевал, мыл, одевал... «Сбежать бы! Прямо сейчас!» И все равно, куда — лишь бы подальше отсюда! От этих странных людей, что сначала обрекают на гибель, а потом за чем-то спасают! Но как заставить обессиленное тело слушаться?!

Юлька в отчаянии озиралась по сторонам, пытаясь хоть что-то придумать. Но вот за дверью послышались шаги — тяжелые, медленные, неравномерные... Девушка в ужасе сжалась, не решаясь поднять на глаза на вошедшего.

Димка замер в проходе, не сводя глаз со своей испуганной, съежившейся зеленоглазкой, так и не взглянувшей в его сторону. Он смотрел на нее и не верил — не верил, что она жива, что пришла, наконец, в себя; что она здесь, рядом... Что, кажется, их испытания

закончились, и впереди действительно засверкала драгоценными гранями бесценная надежда на счастье... Но как же он зол на нее!

Не выдержав воцарившейся тишины и напряжения, Юлька, наконец, подняла глаза.

— Антон?! — еле слышно выдохнула она, не веря своим глазам.

Не говоря ни слова, мужчина, чуть прихрамывая, подошел к подскочившей девушке и, что есть силы, прижал ее к себе.

Его руки дрожали, но все так же сильно, так же крепко обнимали ее, а еще не забытые, такие желанные губы покрывали поцелуями мокрое от слез бледное лицо.

— Идиотка! Безумная упрямица! Сумасшедшая, — шептали губы, на доли секунды отрываясь от лица девушки. — Да как же угораздило меня влюбиться в сумасбродку?!

— Не сердись на меня, прошу тебя, — прошептала Юлька, заливаясь слезами, буквально тая в его руках.

— Не сердись?! Если б ты только знала, как я зол на тебя! Сумасшедшая девчонка... Да не плачь же ты, все уже позади... Все позади, родная моя, любимая моя девочка!

И Юлька улыбнулась, лишь сильнее прижалась к нему, подставляя мокрую мордашку под такие родные губы.

— Ну что ты? Все хорошо, Юленька, — наконец, он чуть отстранился и, улыбаясь, стал осторожно вытирать ее бесконечные слезы.

Похоже, он и сам все еще не мог поверить своему улыбнувшемуся счастью — смотрел в припухшие от слез зеленые глаза, и не верил. Юлька всхлипнула и робко коснулась разбитой щеки.

— Что у тебя с лицом? — встревожилась она.

— Ерунда, просто царапина. До нашей свадьбы заживет.

— Нашей?! — улыбнулась она, прижимаясь щекой к его груди.

— Ну у тебя выбор не велик — тебя ж, бестолочь такую, и на время без присмотра оставить нельзя... Ну уж нет, я тебя больше ни на шаг не отпущу от себя!

— Не отпускай! Никогда не отпускай меня, слышишь?! Если бы ты только знал, как я боялась, что ты не вернешься...

— И поэтому ты осталась в деревне? Юлька, какая ж ты глупенькая...

— Я не смогла, я испугалась, что если уеду, то уже никогда не увижу тебя... Прости меня!

— Юль, ну что «прости»?! — кажется, Димка снова разозлился. — Ты хоть понимаешь, что могло случиться? А если б я опоздал? Если б задержался еще на день-два?

— Я б умерла, — грустно улыбнулась Юлька, с упоением вслушиваясь в его встревоженный голос. — Помни об этом, когда решишь опять оставить меня.

— Да ты... — Димка чуть отстранился, готовый взорваться от возмущения в эту же минуту.

— Мне ничего не нужно без тебя, — оборвала она его праведный гнев.

— Юль, ты... ты... В общем так, дорогая моя, запомни, пожалуйста, раз и навсегда — если ты еще раз выкинешь что-нибудь подобное... я не знаю, что с тобой сделаю!

— Только не бросай меня! — улыбнулась девушка и потянулась к его губам.

— Ты, правда, идиотка... Невыносимая девчонка! Я же чуть не поседел, когда узнал, что ты там!

Все-таки он невыносимо сильный... Руки до боли сжимали тело девушки, но Юлька лишь крепче прижалась к мужчине — этот миг она ждала так долго!

— Почему «Дима»-то?! Я так испугалась, что это кто-то другой, — вдруг спросила она, когда он чуть ослабил хватку.

Новак виновато пожал плечами:

— Потому что это мое настоящее имя. Да разве это имеет значение? Я все тот же бродяга...

Да, с этим человеком ей предстоит знакомиться заново. Нет, этот мужчина уже не тот бродяга Антон, которого она знала. Перед ней стоял незнакомец, но почему-то все такой же родной, такой же... любимый. И плевать, кем он был, и плевать, кем он стал! И пусть она еще ни разу не назвала его Димкой; и пусть этот человек пока еще чужой, но ведь он уже бесконечно родной! И никогда для нее не будет никого дороже, чем он — ее бродяга! И никогда не сотрется из памяти то время — жестокое и холодное, страшное, полное отчаяния и беспросветности, но подарившее им обоим бесценный дар — маленькую искру зародившейся надежды, маленькую искру большого чувства!

В маленький, пока еще совсем хрупкий мирок двух людей, ворвался звук открывшейся двери.

Андрей невольно улыбнулся, глядя на счастливую парочку. «Да, рядом с Ингой он так никогда не светился! Неужели этот кобелек действительно способен на высокие чувства?! Неужели этой девчонке удалось то, что не удавалось никому прежде? Что ж, хороший знак!»

— Простите, что вмешиваюсь, — улыбнулся Сергеич, когда две пары глаз обратили на него внимание. — Юленька, рад видеть Вас в здравии! Вы позволите на несколько минут украсть у Вас этого охл... хм, Дмитрия Андреевича? — Андрей едва сдержался, чтобы не рассмеяться.

— Я сейчас вернусь, — шепнул Димка, не удержавшись от легкого поцелуя.

— Ну ты чего? — засмеялся Димка, когда они вышли из комнаты.

— Да ничего, прости, не сдержался, — рассмеялся Андрей. — Ну что, я так понимаю, пора готовить новый брачный контракт?

— Нет, — закачал головой Новак, довольный как мартовский кот. — Никаких контрактов. Я не собираюсь с ней разводиться!

— Вот даже как?! Дим, я тебя не узнаю! Но меня это очень радует! — Андрей похлопал друга по плечу. — В общем, ближе к делу. Вот держи, твой паспорт и права. Документы на развод почти готовы, вернусь — займусь твоей благоверной. А сейчас я уезжаю — пару дней меня не будет. Так что надумашь к Инге ехать — можешь взять мою машину, доверенность в паспорте. Вот, держи ключи.

— А как же ты?

— Я на служебной. Да, с Ингой поаккуратнее будь, ладно? Предпочитаю погулять на твоей свадьбе, а не на похоронах. Кстати, раз уж Юля пришла в себя — пусть напишет свои данные, будем восстанавливать ее документы.

— Спасибо тебе, Андрюх.

— Да не за что. А теперь иди, тебя ждут, — Сергеич улыбнулся и кивнул в сторону спальни.

Димка теребил в руках свеженькие документы и понимал — грех ему жаловаться, он счастливый человек! Есть Друг, есть Любимая Женщина! О чем еще мечтать?! С таким тылом никакие беды не страшны.

А на следующий день он все же решил и, оставив Юльку на попечение Алисе, отправился домой. Назвать эту поездку приятной вряд ли получится — чем ближе становилась минута встречи с Ингой, тем становилось противнее на душе — от жены, от себя самого. За прошедшие полтора года руки не позабыли навыков вождения, и теперь автомобиль покинул пределы Петербурга и несся по пока еще не сильно загруженной трассе. Сам же водитель был поглощен своими мыслями. «Что скажет она? Что сказать ей? Что делать с женщиной, покусившейся на человеческую жизнь? Сажать ее в тюрьму? Но вряд ли она выйдет оттуда доброй, заботливой, чистой девочкой. А вот озлобится точно. И все же, спокойно жить с ней бок о бок, делая вид, что ничего не произошло — нереально. Да и Юльку от нее лучше подальше держать — кто знает, что этой сумасбродке в голову придет?! А Юлька молодец... Новость о пока еще женатом моем статусе восприняла адекватно...»

Через полчаса автомобиль тихо подъехал к двухэтажному особняку. Дом, когда-то бывший ему приютом от всех проблем, сегодня казался абсолютно чужим, будто душу из него убрали. Холодом, лицемерием, предательством веяло за версту. Димка тоскливо взглянул на мрачное строение. Так тихо... Пушистые хлопья снега медленно опускались на лобовое стекло и тут же таяли, слезинками сбегая вниз. «Нет, Юльку я сюда не приведу. Надо будет заняться поисками нового дома».

Запасной ключ, спрятанный в тайничке за одной из колонн, нашелся сразу. Димка открыл дверь и тихонько вошел внутрь.

А здесь все так же... Вот только всегда залитый солнцем холл сегодня был мрачен. Наверху послышался шорох. «Ладно, хоть не стоны», — усмехнулся мужчина и прошел к окну. — «Неужели одна?»

Ничего не подозревая, Инга спускалась по лестнице. Она действительно сегодня была совсем одна. Да и не только сегодня. Давно уже никто не заходит к ней в гости, разве что случайный знакомый, обретенный в каком-нибудь баре, заглянет на ночь, чтобы с первыми лучами солнца раствориться навсегда. Да и вряд ли бы кто выдержал тот холод, что исходил от нее, даже если б очень захотел. Это сердце уже не отогреть. После «гибели» мужа, не только не принесшей ей желанного наследства, но и заставившей ощутимо умерить свои аппетиты, девушка стала совсем невыносима. И, конечно же, первым свою порцию ядовитой ненависти получил никто иной, как преданный, готовый ради нее на все Валерка, который так и не смог пустить пулю в лоб ее муженьку. А она так надеялась, такие планы рисовала! Но не тут-то было — машину из темных холодных вод достали, а вот Новака в ней почему-то не оказалось. «Унесло течением», — пожал плечами следователь и из списка погибших Димка быстренько перешел в список пропавших без вести, оставив молодую псевдовдовушку и без мужа-кормильца, и без средств к существованию. Озлобленная, покинутая всеми, она заперлась в этих стенах, кляня всех на свете — Новака, Валерку, Сергеича и даже Горина, своего любовника, пославшего ее далеко и надолго, когда она в один прекрасный день оказалась на пороге его дома с требованием «своей» доли пропавших Димкиных денег. Она винила в своей бестолковой жизни всех, кроме себя самой.

— Кто Вы? Что Вы здесь делаете?! — грубо окликнула она стоящего у окна мужчину, стараясь не выдать своего страха.

Новак выждал небольшую паузу, а потом, будто нехотя, неторопливо обернулся.

— Ну здравствуй, дорогая, — голос мужа заставил девушку оцепенеть.

Димка же наслаждался ее растерянностью. Согласитесь, далеко не каждому выпадает шанс посмотреть в глаза собственному убийце!

«А она почти не изменилась... Все тот же цепкий взгляд, все та же манящая к поцелуям кожа. И все та же дурацкая привычка ходить по дому полуголой! Черт возьми, эта бестия все так же опасно красива! Неужели я был таким идиотом, что одной этой смазливой мордашки хватило на то, чтобы жениться?! Она ведь и не горела желанием замуж за меня выходить... Три года бестию обхаживал! И вот, женился на свою голову...»

— Ты?! — наконец, с трудом выдавила девушка.

— Я, — согласился мужчина.

Инга подошла к дивану и словно в замедленной съемке, чуть дрожа, опустилась на него. В пустых глазах заблестели слезы. Ни страха, ни истерик, лишь тихая, спокойная дрожь, не сумевшая скрыться от внимательного Димкиного взгляда. Глядя на нее со стороны, можно было подумать, что она безумно тронута тем, что ее благоверный вернулся к ней живым и здоровым.

— Ну же, не стоит так расстраиваться, что я жив. Я не убивать тебя пришел, — Димка подошел и сел напротив.

— Дурак ты, — прошептала Инга и слеза, не удержавшись, скатилась по щеке.

— Ну в то, что ты плачешь от счастья, я вряд ли поверю...

— Они все меня ненавидят, — оборвала его Инга.

— Вот как...

— Они считают, что я убила тебя.

— Они недалеко от истины.

— Дим, я знаю, что ты никогда не простишь меня, но поверь, я уже и так наказана...

— Успокойся, я не собираюсь тебе мстить. Ни убивать, ни даже сажать тебя за решетку я не собираюсь, хотя согласись — это было бы справедливо.

— Чего же ты хочешь?

Димка пожал плечами.

— Всего лишь развода.

— Да... да, конечно, — шептала девушка, заливаясь слезами.

— Ну вот и славно.

Вдруг тихие всхлипы сменились криком:

— Дим, ты в своем уме?! Я убить тебя пыталась! Я! Понимаешь?! Это я Валерку подослала!!!

— Я знаю, — абсолютно спокойно ответил Новак.

И именно это его спокойствие выводило ее из себя. Она бы все поняла — угрозы, скандал, наряд полиции, но что скрывалось за мужниным благородством, оказалось недоступным для ее понимания.

— Инга, я хочу, чтобы ты уехала из города, — вздохнул Новак. — Это все, о чем я прошу тебя. Документы на развод почти готовы, подпишешь и уезжай, прошу тебя. Деньги я тебе дам. Начнешь новую жизнь. Согласись, я предлагаю тебе неплохую альтернативу?

— Ты гонишь меня? Куда?

— Куда угодно. Городов много, а в Питере нам будет слишком тесно вдвоем. Вот, собственно и все, что я хотел тебе сказать. Пока...

Димка встал, легонько коснулся губами лба жены и направился к выходу.

— Да, вот еще, на всякий случай предупреждаю — если со мной что-нибудь случится, ты немедленно отправишься за решетку, независимо от того буду я жив или нет. Ну это так, на случай, если тебе взбредет в голову закончить начатое.

— Дим, подожди! — бросилась она мужу вслед.

— Ну что еще? — устало спросил Новак, заглядывая в мокрые от слез карие глаза, что когда-то так пленили его.

Инга подошла вплотную и прильнула к его груди.

— Новак, не бросай меня... пожалуйста... Я прошу тебя, я умоляю тебя...

— Я же сказал уже, я дам тебе денег, — Димка попытался отстраниться.

— Да причем здесь деньги?! — завопила девушка. — Ты мне нужен! Ты!

— Зачем? Только не говори, что ты меня любила, ладно?

— Я не знаю, — честно призналась она. — Но я прошу тебя...

Кристалльно чистые слезы шустро текли по щекам, а руки судорожно цеплялись за отворот куртки, моля его не уходить.

— Дим, — шмыгая носом, продолжила Инга, — давай попробуем начать все сначала. Я натворила бед, но ты ведь тоже никогда не был примерным мужем. Прости меня... Новак, я обещаю тебе, я буду примерной женой, самой верной... Прощу тебя, только не бросай меня! Знаешь, ты вот пришел сейчас... а ведь ты единственный, кто со мной нормально поговорил... А я так устала от всего этого — от этой ненависти, от себя самой... Я не могу так больше... Димочка, прости меня...

Слезы лились и лились, голос сорвался на прерывистый, отчаянный шепот. Ища хоть грамм человеческого тепла, Инга прижималась к мужу, а он так и не смог ее оттолкнуть, боясь показаться грубым.

— Ну что мне сделать, скажи?! Ну хочешь, я на колени перед тобой встану?

Димка едва успел подхватить ее и прижать к себе.

— Ну что ты делаешь? Зачем? Ну все-все, успокойся...

Голос мужчины перешел на шепот, а рука нырнула в мягкий шелк ее волос, совсем как раньше — в то далекое время, когда ее благосклонность была так желанна для него, когда желание жениться на этом юном, неопытном и совсем неиспорченном красивом создании было так велико, что он был готов терпеть любой ее каприз, исполнять любое ее желание, едва оно срывалось с робких губ. А ведь она действительно была такой! Чистой, невинной, в недобрый час встретившей на своем пути прожженного «золотого» парня, всеми мыслимыми и немыслимыми способами решившего заполучить ее! Ведь это он, летящий по жизни Новак, приучил ее к новой жизни — красивой, сытой, полной вседозволенности; к той жизни, от которой она уже не смогла отказаться, предпочтя пустить муженьку пулю в лоб, нежели лишиться удобств и удовольствий! И Димка прекрасно это понимал, а потому не смел даже упрекнуть ее. В конце концов, он даже благодарен ей — ведь не случись беды, так и порхал бы он по жизни, губя свою жизнь, Ингину и прочих невинных душ, что имели бы неосторожность оказаться на его пути.

— Прости меня, Инга... Но уже ничего не вернуть. Уезжай, слышишь? Так лучше будет для нас обоих. С твоими талантами найти себе нового мужа будет несложно, начнешь новую жизнь, и все у тебя будет хорошо... Надеюсь, ты сделала выводы из всей этой истории и больше ничего не натворишь. Я на тебя зла не держу, и ты меня прости. Натворили мы с тобой дел... Прости меня... прости! А сейчас мне действительно нужно ехать.

Димка отстранился, пытаясь освободиться от ее рук. Но за призрачный кусочек женского счастья Инга отчаянно боролась до последнего! И руки вдруг умело скользнули под куртку, а губы потянулись к лицу — быть может сработает оружие, против которого еще никто не смог устоять? Ну уж ее Димка точно! Быть может, где-то в глубине мужниной души

остались хоть какие-то чувства к той, которую он так мечтал заполучить когда-то в жены? Но Новак отвернулся... и это было так не похоже на него!

— У тебя кто-то появился? — растерянно спросила она, пряча глаза, полные разочарования и отчаяния, безумного страха грядущего одиночества и изнутри пожирающей пустоты.

— Это неважно.

— Значит появился... Она красивая, да?

— Инга, тебя это не касается. Уезжай.

— Неужели ты влюбился?! Новак, я не верю в это! — истерично рассмеялась девушка, пряча в смех всю горечь своей никчемной, загубленной жизни. — Ты же не умеешь любить! Для тебя же все — только игрушки! Одна надоела — другую нашел?!

— Документы и деньги тебе привезут на днях. Прощай.

Димка отцепил от себя руки жены и быстрым шагом покинул дом, в котором долго еще будет слышен женский плач, будто вырвавшийся из плена закаменевшего сердца.

Спустя полгода.

Двухэтажный особняк, укрытый молодой сочной зеленью деревьев, просыпался. Этот дом стал свадебным подарком любящего мужа любимой жене. Да, бестолковая девочка Юлька под чутким руководством Дмитрия Андреевича превратилась в Юлию Сергеевну Новак. И надо сказать, на этот шаг она пошла без раздумий! Гордая и красивая, со светящимися от слез глазами, она, ни на минуту не засомневавшись, отправилась под венец. Конечно, это были слезы счастья! Ведь шла она к нему, к своему бродяге... Наверно, это и есть судьба. Ведь встречу их не назовешь банальной! Станный, тяжелый путь двух блуждающих душ завершился сегодня здесь, в этом тихом большом доме с огромным садом, в теплых, таких родных объятиях двух любящих людей. Впрочем, завершился ли? А может быть, все только начинается? Так или иначе, но ближайший год им предстоит провести здесь — без тревог и суеты, в гармонии и тихом счастье. Он будет спешить к ней с работы, а она, так же как и прежде, будет подолгу стоять возле окна и ждать его, своего бродягу. И пусть сегодня ее бродяга приедет на новенькой «БМВ», в дорогом костюме и с огромным букетом ярко-красных роз, а шлейф его парфюма будет пьянить ее ничуть не меньше, чем тепло сильных ласковых рук, он для нее навсегда останется все тем же — человеком, когда-то защитившем ее в ночном парке; бродягой, что вопреки своей нелегкой участи, взял на себя ответственность за безрассудную девчонку, шагнувшую в пропасть, отдавая свою судьбу в руки случайного бомжа. Испив горькую чашу лишений, они отдохнут за этот год и лишь сплотят свой союз. Ну а потом... Впрочем, не будем торопиться! А сегодня им предстоит важный день.

Юлия Сергеевна Новак в элегантном черном платье, цокая каблучками по мраморному полу, не спеша подошла к огромному панорамному окну. Это было ее излюбленное место — часами она могла любоваться законным пейзажем, томясь мучительным ожиданием мужа. Но сегодня он не заставил себя ждать.

Его тяжелую поступь она узнала бы из тысячи. Он подошел сзади и крепко обнял любимую женщину. Юлька чуть улыбнулась и накрыла его руки своими ладонями.

— Ну что, ты готова? — тихо спросил Димка, с трудом скрывая свое волнение.

— Да, — улыбнулась девушка. — Страшно немного.

— Тебе?! Юлька, неужели тебя может что-то напугать? — рассмеялся Димка и лишь

крепче прижал к себе жену. — Бомжей ты не боишься, на улице ночевать с каким-то мутным типом — тоже... Даже остаться одной в деревне не побоялась! Родная моя, чем тебя еще можно напугать?!

— Мутный тип, ты только будь всегда рядом. Потерять тебя — единственное, чего я боюсь.

— Не потеряешь, я всегда буду рядом. Поехали, мне уже не терпится похвастаться и заручиться твоей поддержкой! Ты ведь поддержишь меня?

Юлька обернулась и посмотрела на мужа — его лукавые глаза насмешливо улыбались.

— Ты сомневаешься в этом?! Ты же знаешь, я всегда на твоей стороне и поддержу любую твою, даже самую безумную затею!

— Люблю тебя, — Димка не удержался и прильнул к губам жены.

Через полчаса они уже были на месте. Оставив машину чуть поодаль, Новак приобнял жену и повел ее к дому, где когда-то он жил с Ингой. Нет, конечно же, не было и речи о том, чтобы вернуться в дом, пропитанный грязью и лицемерием! Сегодня у этого здания была совсем иная миссия. Сейчас он пустовал, рабочие доделывали ремонт, но рядом с коваными воротами уже всю игру играла на июньском солнышке золотая табличка. А всего через неделю здесь закипит иная, трудная жизнь.

— Ну вот, добро пожаловать, — вздохнул Димка, подводя девушку к воротам.

— «Центр помощи людям, попавшим в тяжелые жизненные ситуации «Второй шанс», — повторила Юлька надпись на табличке.

Девушка резко развернулась и с удивлением посмотрела на мужа.

— Дим, ты серьезно?! Ты хочешь сказать, что отдал свой дом бродягам?!

— Да, — мужчина скромно пожал плечами. — Ты против?

— Глупенький! — она больше не могла скрывать своего восторга. — Димка, ты у меня самый лучший!

Юлька не выдержала и бросилась в мужнины объятия. На сердце мужчины отлегло — он, конечно, догадывался, что его молодая жена, сама когда-то оказавшаяся в бродяжьей шкурке, не будет сильно противиться, но увидеть в ее глазах неподдельный восторг... Это дорогого стоит.

— Ну что, моя маленькая бродяжка, ты еще не передумала искать работу? — лукаво спросил Димка.

— Неужели я могу напроситься к тебе? — Юлька чуть отстранилась от мужа и заулыбалась.

— Это не мой, а наш с тобой Центр, — поправил Новак. — И я был бы счастлив, если бы я смог спокойно работать, зная, что ты всегда рядом!

— Но что я буду делать? Я ведь по-прежнему ничего не умею!

— Вдохновлять на новую жизнь! Ты даже представить себе не можешь, как хорошо у тебя это получается, — добавил он уже совсем тихо, приближаясь к губам жены.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigolub.net